

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

2
1985

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 2
ЛІПЕНЬ

ПРАВА

Галоўны рэдактар М. Д. ЦІВО
Нам. галоўнага рэдактара В. Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П. М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

І. І. ЖБАНКОВА (*адказны рэдактар*),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (*адказны сакратар*), Г. П. ДАВІДЗЮК,
П. П. ДРОНЬ (*нам. адказнага рэдактара*), М. І. ЖУКАЎ,
А. С. КЛЯУЧЭНЯ, У. К. ҚОРШУК (*нам. адказнага рэдактара*),
М. І. КРУКОЎСКІ, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ, М. В. РОЖЫН,
В. С. СЦЕПІН, І. О. ЦАРУК, В. Г. ЦІХІНЯ, В. Ф. ЧЫГІР,
С. Я. ЯНЧАНКА

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия III, № 2, 1985

Издательство «Университетское»
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

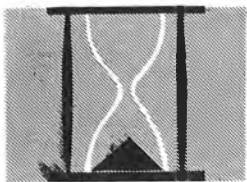
Рэдактар А. А. Сычой
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар С. У. Балянок
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 28.05.85. Падпісана да друку 22.07.85. АТ 13655. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,24. Тыраж 935 экз. Заказ 293.
Цана 80 кап.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.
Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.
Дом кнігі.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Бе-
ларусі, 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1985

В. Н. СИДОРЦОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО КЛАССА БССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Усилиями рабочего класса создавался оборонно-промышленный потенциал, укреплялось социально-политическое и идейное единство трудящихся многонационального социалистического государства, росла мощь его Вооруженных Сил. В борьбе за мир и демократию, против агрессии и фашизма мы могли рассчитывать в основном на собственные силы. В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» подчеркивается непреходящее значение уроков прошедшей войны: «Главный из них состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась. Исторический опыт учит: для того чтобы отстоять мир, нужны сплоченные, согласованные и активные действия всех миролюбивых сил против агрессивного, авантюристического курса империализма. Необходимо повышать бдительность народов, беречь и приумножать завоевания социализма»¹.

Немаловажную роль в упрочении советского государства сыграл рабочий класс Белорусской ССР. Возросшая активность масс проявилась прежде всего в производственной сфере. Рабочий класс БССР единодушно одобрил мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на дальнейшее укрепление трудовой дисциплины. Он с пониманием встретил введение в 1940 году законов об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов, о порядке обязательного перевода работников с одних предприятий и учреждений в другие, о привлечении к ответственности за хищения и грубые нарушения внутреннего распорядка на работе. На многих предприятиях республики были полностью изжиты эти чуждые социалистическим отношениям социальные явления.

Производственные коллективы поддержали предложение ВЦСПС о переводе на восьмичасовой рабочий день, семидневную неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. В коллективах принимались и успешно выполнялись повышенные обязательства по выпуску промышленной продукции. В одной из докладных записок Минского горкома КП(б)Б подчеркивалось: «Предприятия г. Минска, готовясь достойно встретить 23-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и пятую годовщину стахановского движения, широко развернули предоктябрьское социалистическое соревнование, которое дало значительные результаты... План по городу выполнен на 106,1 %»².

С укреплением трудовой дисциплины на производстве было тесно связано усиление массового рабочего контроля в области культурно-бытового обслуживания трудящихся, а также повышение роли рабочих организаций в деле охраны общественного порядка. Профсоюзы принимали эффективные меры по улучшению работы торговых предприятий и учреждений в системе социального страхования, а бригады содействия милиции оказывали существенную помощь охранительным органам в их борьбе с правонарушениями. При этом особое внимание обращалось на расширение деятельности этих организаций в освобожденных районах Западной Белоруссии.

Политическая активность рабочих нашла яркое отражение в подготовке и проведении избирательных кампаний по выборам в Верховный Совет БССР и местные Советы депутатов трудящихся, состоявшихся в восточных областях республики 26 июня 1938 года и 24 декабря 1939 года, западных — 24 марта и 15 декабря 1940 года. Выборы происходили в соответствии с изменениями в избирательной системе, предусмотренными Конституцией победившего социализма и действительно означавшими «усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс»³.

Опорой партийных органов в проведении этих политических кампаний были рабочие, составлявшие ядро многотысячной армии (на выборах в июне 1938 года — 80-тысячной) доверенных лиц, членов избирательных комиссий и агитаторов. В постановке предвыборной агитационно-массовой работы отличились агитколлективы многих производственных предприятий. На выборах в декабре 1939 года — это коллективы железнодорожного депо ст. Осиповичи, могилевского труболитейного завода имени А. Ф. Мясникова, «Гомсельмаша», витебской фабрики «Знамя индустриализации», минских заводов имени К. Е. Ворошилова и С. М. Кирова, хлебозавода и др. Рабочие восточных областей выделяли своих лучших агитаторов в помощь организаторам предвыборных кампаний в Западной Белоруссии. Только на выборы в местные Советы туда было послано 70 чел., в том числе 25 от промышленных предприятий⁴.

В числе 475 первых депутатов Верховного Совета БССР были лучшие представители рабочего класса — 106 от восточных и 61 от западных областей⁵. Пополнение органов государственной власти за счет ударников, стахановцев, новаторов производства стало характерной чертой Советов.

Рабочий класс БССР делал в те тревожные предвоенные годы все возможное по укреплению и расширению международных связей и недопущению войны против СССР. С этой целью широко использовались разнообразные формы интернациональной работы: от проведения праздников солидарности до мопровского движения.

С большим политическим и трудовым подъемом встретили рабочие республики 50-летний юбилей международного праздника трудящихся 1 Мая 1939 года. Между предприятиями, цехами, бригадами развернулось соревнование за право возглавлять первомайскую колонну демонстрантов.

Заметно возросла эффективность работы белорусской секции МОПР. Ее ряды, по данным на июль 1940 года, достигли 454 тыс. человек, более трети которых составляли рабочие⁶. По их инициативе значительно пополнился денежный фонд организации, увеличилось количество и повысилась значимость проводимых ею мероприятий. Только за период с декабря 1938 по апрель 1940 года мопровцы собрали около 1664 тыс. руб., что равнялось почти пятой части всех поступлений за 16 лет⁷. В первой половине 1940 года ими, по неполным сведениям, было создано 120 интернациональных ударных бригад, организовано 1279 хозяйственно-политических кампаний, проведено 222 вечера дружбы народов, издано 15850 экземпляров различной печатной продукции и т. д.⁸

Борцы революции, получавшие поддержку мопровцев, выражали глубокую признательность этим неутомимым работникам интернационального фронта. Выступая на собрании московского городского актива МОПР, депутат Верховного Совета СССР С. О. Притыцкий, имя которого стало близким и дорогим для рабочих республики, говорил: «Ваша помощь имела для нас величайшее значение... Я сам был приговорен сначала к смерти, а затем к пожизненному тюремному заключению. И тогда я особенно почувствовал помощь МОПР, помощь трудящихся»⁹.

Оказывая всестороннее содействие трудящимся других стран, рабочие СССР, в том числе Белорусской ССР, выступали тем самым и против попыток международного империализма развязать войну со Страной Советов. С другой стороны, поддержка зарубежным пролетариатом борьбы советского рабочего класса за социализм помогала ему наращивать силы и успешно решать стоявшие перед ним благородные задачи.

Трудовые коллективы республики под руководством созданных военных отделов партийных органов развернули невиданное соревнование за подготовку новых тысяч значкистов ГТО (Готов к труду и обороне), ГСО (Готов к санитарной обороне), ПВХО (Противовоздушная и противохимическая оборона), отличных лыжников, стрелков, летчиков, специалистов

противовоздушной обороны, санитарного дела и т. д. Трудящиеся Белорусской ССР вступили в соревнование за овладение военным делом и оказание всемерной помощи Красной Армии с тружениками советского Дальнего Востока. На предприятиях регулярно проводились оборонные дни, что способствовало вовлечению в массовую оборонную работу до 75 % рабочих и служащих. Многие рабочие приняли участие в военизированных походах, военно-технических играх и эстафетах. События на озере Хасан, происшедшие летом 1938 года, всколыхнули рабочий класс. От сотен призывников поступили заявления с просьбой досрочно принять их в ряды РККА и отправить на Дальний Восток.

В 1939 году в республике прошли массовые учения ПВХО. В Минске состоялся шестидневник ПВО и ПХО. Во время его проведения в маневры вслед за рабочими включилась значительная часть населения города. Пример показал коллектив минского станкостроительного завода имени К. Е. Ворошилова, где было создано 18 аварийно-восстановительных команд¹⁰. В Могилеве и Бобруйске 12 тыс. человек отработали свои рабочие смены в противогазах, а 21 тыс. совершили походы в полном военном снаряжении. Коллективы Витебского щеточного комбината и Могилевского кожзавода завоевали право выступать на всесоюзных соревнованиях по противохимической защите¹¹.

Рабочие приветствовали освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию. Он отвечал давней мечте белорусов о воссоединении в едином белорусском советском социалистическом государстве. Это событие стало большим праздником рабочих и всех трудящихся как Советской, так и Западной Белоруссии.

В годы третьей пятилетки рабочий класс БССР под руководством своего авангарда КП(б)Б внес существенный вклад в укрепление диктатуры пролетариата, в подготовку масс к защите завоеваний социализма. Используя различные формы работы, действуя испытанным методом социалистического соревнования, он создавал благоприятные условия для военно-патриотического воспитания и обучения трудящихся и оказывал практическую помощь государственным органам в этом деле, укреплял единство армии и народа.

Закономерно, что воины и трудящиеся республики с самого начала Великой Отечественной войны грудью встали на защиту своей социалистической Родины. Героизм не был уделом одиночек, а носил массовый характер.

¹ Коммунист, 1984, № 9, с. 37.

² Развитие социалистического соревнования в Белорусской ССР (1919—1941): Документы и материалы.— Минск, 1980, с. 232.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС.— М., 1971, т. 5, с. 287.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 27, д. 64, л. 23, 60, 144; д. 65, л. 170, 330—361.

⁵ ЦГАОР БССР, ф. 968, оп. 2, д. 1, л. 157.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 27, д. 253, л. 55.

⁷ Там же, л. 98 (подсчитано автором).

⁸ Там же, л. 45.

⁹ Там же, л. 97.

¹⁰ Советская Белоруссия, 1939, 15 августа.

¹¹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 635, оп. 1, д. 167, л. 68; ф. 669, оп. 5, д. 20, л. 58.

К. К. ГЕРМАН

ВСЕНАРОДНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В БЕЛОРУССИИ

Все дальше уходят в прошлое трудные годы Великой Отечественной войны. Прошло больше четырех десятилетий с тех пор, как была разгромлена фашистская Германия. Суровые военные годы хранят образцы мужества и героизма миллионов советских людей, преданно защищавших свое социалистическое Отечество в тылу врага.

Под руководством партии коммунистов, возглавлявшей борьбу с ненавистным фашизмом, наш народ, проявив нестигаемую волю и мужество, сумел добиться Победы.

Цели, задачи и основные формы всенародной борьбы были определены в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским орга-

низациям от 29 июня 1941 года, а также в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск»¹ и приказе НКО от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения»².

Для организованности партизанского движения решением Государственного Комитета Обороны 30 мая 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Небольшие группы и отряды народных мстителей сливались в крупные соединения. В тылу врага насчитывалось свыше 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось свыше 1 млн. партизан и подпольщиков³.

Широкий размах приняла народная борьба и в районах Советской Белоруссии, которую по праву называли в годы войны партизанской республикой. В 1941—1944 годах на территории республики действовало 213 партизанских бригад, объединявших 997 отрядов; 258 отрядов проводили боевые операции самостоятельно⁴. В их составе находилось около 372 тыс. партизан⁵.

Активно действовали участники героического подполья. Они совершали диверсии, вели разведку, повышали моральный дух населения оккупированных районов. На территории Белоруссии под руководством ЦК КП(б)Б действовало 10 подпольных обкомов, 17 межрайкомов и межрайпартцентров, 8 горкомов, 2 горкома-райкома, 166 райкомов КП(б)Б. В партизанских отрядах и бригадах насчитывалось свыше 1200 первичных партийных организаций. Кроме того, функционировали 184 территориальные подпольные парторганизации. В общей сложности на территории Белоруссии действовало более 35 тыс. коммунистов⁶.

Для мобилизации молодежи на борьбу с врагом многое сделала комсомольская организация республики, ее подпольные органы. Установлено, что на оккупированной территории Белоруссии работало 10 подпольных обкомов, 214 горкомов, межрайкомов и райкомов комсомола, а также 2500 первичных комсомольских организаций в партизанских формированиях, почти 3 тыс. подпольных комсомольских и 335 молодежных антифашистских организаций, объединявших около 80 тыс. комсомольцев-партизан и свыше 20 тыс. подпольщиков⁷.

Особо следует сказать о Минском подполье. Данные свидетельствуют о том, что в его рядах уже в 1942 году насчитывалось свыше 3200 человек⁸. В 1943 году в Минске существовало более 100 нелегальных организаций и групп. Вместе с подпольщиками, действовавшими самостоятельно, они насчитывали 3850 членов (по неполным данным), в том числе 535 коммунистов и 635 комсомольцев⁹.

Огромный размах всенародной борьбы в тылу немецких войск уже в начальный период войны вызывал все большую тревогу у захватчиков. Оккупационные власти и командование вермахта стали прибегать к самым жестоким карательным мерам. Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта Кейтель утверждал, что покончить с партизанами можно только с помощью «драконовских мер», применение которых оккупационными войсками должно создать такую атмосферу ужаса и страха, что люди потеряют охоту к оказанию сопротивления¹⁰. Однако даже самый жестокий террор не мог остановить нарастающую народную борьбу. Десятки тысяч партизан, подпольщиков, участников срыва вражеских мероприятий приняли мученическую смерть от гитлеровских палачей.

Руководствуясь антисоветскими «теориями» и версиями, используя порочные приемы и методы, буржуазная реакционная историография всячески принижает эффективность действий советских партизан и подпольщиков. Однако правда истории убедительно опровергает измышления реакционных историков и по этому вопросу. Только по сведениям минской, киевской, днепропетровской и рижской немецких железнодорожных дирекций, в июле 1942 года партизаны совершили на железных дорогах 460 налетов и диверсий, произвели 224 крушения поездов, уничтожили около 700 вагонов, платформ и цистерн, а в сентябре того же года совершили 724 налета и диверсии, произвели 342 крушения, уничтожили около 800 вагонов, цистерн и платформ¹¹.

Самыми крупными операциями партизан были «Рельсовая война» и «Концерт», проведенные летом и осенью 1943 года. За пять месяцев (август—декабрь) советские партизаны оказали большую помощь Красной Армии в героические дни Курской битвы и последующих наступа-

тельных операциях. Они подорвали 363262 рельса, что составляет 2270 км однолинейного железнодорожного пути¹².

Весьма успешным было взаимодействие партизан с Красной Армией и в период полного изгнания с советской земли оккупантов. Партизаны создавали плацдармы на берегах рек и удерживали их до подхода регулярных воинских частей, объединенными силами переходили в решительное наступление на коммуникации, гарнизоны и тыловые объекты врага, самостоятельно занимали многие районные центры, вместе с войсками освобождали крупные города, уничтожали окруженные группировки противника. Партизаны и подпольщики встали на защиту местного населения, которое гитлеровцы стремились угнать или уничтожить.

О силе и эффективности всенародной войны в тылу немецко-фашистских захватчиков свидетельствует тот факт, что, по свидетельству гитлеровского генерала Типпельскирха, 4-я немецкая армия, которой он командовал, во время отступления из районов Орши и Могилева за Днепр «очутилась в огромном, простиравшемся почти до Минска, лесисто-болотистом районе». Этот район, пишет Типпельскирх, «контролировался крупными партизанскими отрядами и ни разу за все три года не очищался от них, а тем более не оккупировался немецкими войсками»¹³.

Всенародная борьба в тылу войск вермахта отвлекала большие силы регулярных войск фашистской Германии на борьбу с партизанами. Так, в марте—апреле 1944 года только в Белоруссии против 17-тысячного партизанского соединения Ушачско—Лепельской зоны, которым командовал В. Е. Лобанок, немецко-фашистское командование бросило более 60 тыс. солдат и офицеров регулярных войск, эсэсовских и полицейских полков, на вооружении которых было много орудий, танков¹⁴.

Напрасно буржуазные фальсификаторы пытаются умалить роль всенародной борьбы в тылу врага в разгроме гитлеровской Германии. Бывший генерал вермахта Л. Рендулич вынужден признать: «История войны не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим размерам оно представляет нечто совершенно новое в военном искусстве. По колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия «тотальной войны». Партизанское движение... повлияло на характер всей войны»¹⁵.

Беззаветная и самоотверженная деятельность партизан и подпольщиков получила всенародное признание, высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. Более 300 тыс. партизан и других активных участников всенародной борьбы в тылу врага награждены орденами и медалями, в том числе свыше 127 тыс.—медалью «Партизану Отечественной войны» 1 и 2 степени, 248 присвоено звание Героя Советского Союза¹⁶.

В наши дни буржуазные фальсификаторы всенародной борьбы в тылу врага ставят своей целью не только дискредитировать советское партизанское движение, показать его в неприглядном свете, но и внушить мысль народам стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые используют в борьбе против империализма партизанские формы борьбы, что эти формы являются незаконными, а поэтому с партизанами необходимо вести беспощадную борьбу. И в то же время они призывают руководящие круги западных буржуазных государств в связи с событиями в Афганистане, Никарагуа и других странах в своей подрывной и диверсионной деятельности против народов этих стран использовать некоторые тактические приемы партизанской войны.

Бывший участник карательных экспедиций против советских партизан, ярый антисоветчик и антикоммунист Х. Ренч в своей книге «Партизанская борьба: опыт и уроки» поучает империалистов: партизанскую борьбу нельзя рассматривать как «примитивную войну из-за куста», она ныне приобрела всемирно-политическое значение и является «главным методом борьбы коммунистов в период «колониального освобождения», господствующей формой прорыва фронта империализма и завоевания исходных позиций для решающей битвы мировой пролетарской революции»¹⁷. Запугивая читателя, Ренч заявляет, что русские и сейчас готовят партизанскую войну заранее, что «советские коммунистические партизаны» очень хорошо подготовлены физически и психологически, а их специальная подготовка далеко превосходит достигнутое в данной области на Западе¹⁸.

По масштабам, политическим и военным результатам всенародная борьба советских людей в тылу врага приобрела значение важного военно-политического фактора в разгроме фашизма. Она не только оказывала непосредственную помощь Советской Армии в изгнании врага с родной земли, но и явилась мощным побудительным примером для народов других стран, оказавшихся в фашистской оккупации.

- ¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза.— М., 1981, с. 297—299.
- ² Во главе защиты Советской Родины.— М., 1975, с. 182.
- ³ См.: Военный энциклопедический словарь.— М., 1983, с. 166.
- ⁴ См.: Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944).— Минск, 1983, с. 16.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944).— Минск, 1975 (подсчитано автором).
- ⁷ Подпольные комсомольские органы Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944).— Минск, 1976, с. 12.
- ⁸ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В трех томах.— Минск, 1983, т. 1, с. 250.
- ⁹ Там же, 1984, т. 2, с. 342.
- ¹⁰ См.: Преступные цели — преступные средства.— М., 1968, с. 90.
- ¹¹ См.: Война в тылу врага.— М., 1974, с. 184.
- ¹² См.: Военно-исторический журнал, 1965, № 3, с. 45.
- ¹³ См.: Толкунов Лев. Главный урок.— М., 1984, с. 257.
- ¹⁴ См.: Советский Союз в годы Великой Отечественной войны (1941—1945).— М., 1977, с. 506.
- ¹⁵ Цит. по: Абрашмов П. А. 300 метров от Бранденбургских ворот.— М., 1983, с. 120—121.
- ¹⁶ См.: Военный энциклопедический словарь, с. 167.
- ¹⁷ Rentsch H. Partisanenkampf. Erfahrungen und Lehren.— Frankfurt a/M., 1961, S. 39.
- ¹⁸ Там же, с. 12.

А. И. КОЖУШКОВ, М. Ф. ЧУДАЕВ

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

**(Трудовые свершения преподавателей и студентов БГУ
в советском тылу в годы Великой Отечественной войны)**

40 лет отделяют нас от победоносного завершения Великой Отечественной войны. Суровые годы внесли глубокие изменения в характер деятельности советского народа как на фронте, так и в тылу, в том числе преподавателей и студентов Белорусского государственного университета. Большинство из них встало в ряды защитников Родины, активно сражалось в действующей армии, народном ополчении, партизанских отрядах, партийном и комсомольском подполье.

Те преподаватели и студенты, которые успели эвакуироваться в тыл и не были мобилизованы в армию по состоянию здоровья, из-за преклонного возраста или по другим причинам, подчинили свою жизнь, труд и помыслы осуществлению лозунга «Все для фронта, все для победы!»

Академик АН БССР профессор Т. Н. Годнев заведовал кафедрой растений в Свердловском сельскохозяйственном институте. Его научная деятельность в дни войны была направлена на изыскание дополнительных ресурсов питания за счет повышения продуктивности растений. Кроме того, он работал над проблемой влияния бора, марганца, меди на рост, развитие и выход каучука из кок-сагыза. Профессор Н. Ф. Ермоленко проводил исследования по извлечению серы из бензина с помощью глин и бокситов. Профессор В. А. Дементьев проводил геоморфологические исследования Западной Сибири и Казахстана. Профессор М. Н. Смирнов занимался проблемами развития и размещения предприятий пищевой промышленности СССР. Ректор университета П. П. Савицкий работал директором Нижнетагильского учительского института, а проректор Л. М. Шнерсон и в эвакуации был его заместителем. В марте 1942 года в Казани на первой в годы войны сессии АН БССР с научным докладом «Фашизм и средневековье» выступил академик АН БССР профессор В. Н. Перцев. На второй сессии АН БССР в Ташкенте в ноябре 1942 года В. Н. Перцев и Т. Н. Годнев докладывали о результатах научно-ис-

следовательской работы белорусских ученых-естественников и гуманитариев в условиях войны. Академик АН БССР профессор В. И. Пичета выступил в печати с работами «История Белоруссии в советской историографии», «Образование польского государства», «Борьба русского народа с шведско-немецкой агрессией в XII—XIII вв.», «Борьба славян с немецкой агрессией в X—XI вв.». Эти и другие труды ученых-историков служили благородному делу патриотического воспитания советского народа, звали его на священную борьбу за свободу и независимость Родины.

Многие вчерашние студенты и студентки стали в годы войны учителями, директорами школ, комсомольскими, профсоюзными и партийными работниками. Педагогические коллективы школ в советском тылу возглавляли преподаватель Л. И. Фигловская, бывшая студентка М. П. Баранова и др. Преподаватель университета М. И. Жиркевич, работая в Сибири, написал учебник для средней школы «Грамматика белорусского языка».

В самые тяжелые дни войны, когда территория Белоруссии была оккупирована врагом, Бюро ЦК КП(б)Б подняло вопрос о необходимости возобновления деятельности Белорусского государственного университета. В январе 1943 года Совнарком БССР обратился в Совнарком СССР с ходатайством, в котором говорилось: «Учитывая огромную потребность в высококвалифицированных специалистах для восстановления народного хозяйства и культуры БССР, разоренных и поруганных фашистскими варварами, есть необходимость уже сейчас, во время войны, восстанавливать Белорусский университет — единственный в БССР — и сконцентрировать вокруг него хотя бы основную группу научных работников университета и других вузов Белоруссии.

Это поможет сохранить основные прежние кадры и подготовить новые, а в дальнейшем — легче восстановить вузовскую сеть БССР и этим самым подготовить почву для развития национальной культуры и науки»¹.

15 мая 1943 года Совнарком СССР принял Постановление «О возобновлении работы Белорусского государственного университета»². Новым местом его деятельности была назначена станция Сходня Октябрьской железной дороги, неподалеку от Москвы. Под главный учебный корпус было отведено здание школы, для размещения профессорско-преподавательского коллектива и студентов — 40 дачных домиков³. Занятия проходили также в здании Московского государственного университета.

В это трудное время университет вновь ощутил братскую помощь русского народа. Московский университет вместе с другими вузами столицы передал Белорусскому университету большое количество учебного и научного оборудования, учебников и наглядных пособий, 18 тысяч томов научной литературы. Многие ученые МГУ читали лекции для студентов Белгосуниверситета и принимали активное участие в его учебной и научно-исследовательской работе.

11 октября 1943 года к занятиям в БГУ приступило около 300 студентов. К 1 декабря в университете работало 90 преподавателей. Ректором был назначен доцент П. П. Савицкий. Большую группу преподавателей составили ученые, работавшие в университете еще до войны: профессор В. И. Пичета, М. Е. Макушок, Т. Н. Годнев, Л. А. Зенкевич, доцент Л. М. Шнеерсон и др.⁴ Работали в Белгосуниверситете московские ученые: профессора Б. А. Рыбаков, А. А. Савич, В. К. Никольский, И. И. Полосин, К. В. Сивков, академик А. М. Панкратова.

Несмотря на трудные условия, в которых находился университет, жизнь его преподавателей, студентов была наполнена оптимизмом, радостью, подкреплявшей уверенность в победе над ненавистным врагом. Возобновилась научно-исследовательская работа. Ученые университета разрабатывали темы, непосредственно связанные с обороной Родины, народным хозяйством и культурой БССР, вели большую работу по патриотическому воспитанию трудящихся.

25—26 декабря 1943 года в зале Московской консерватории на торжественном заседании Ученого совета университета, посвященном предстоящему 25-летию республики и Компартии Белоруссии, было заслушано десять научных докладов: ректора П. П. Савицкого «БГУ и его роль в подготовке национальных кадров», профессора М. Е. Макушка «О 25-летию биологической науки в Белоруссии», академика Т. Н. Годнева «Успехи химии растительных пигментов и вопросы питания фронта и тыла», профессора М. К. Добрынина «Современная белорусская литература и задачи ее изучения». С докладами также выступили академики

Н. Ф. Ермоленко и В. Н. Перцев, профессора Д. Д. Иваненко, Т. П. Ломтев и секретарь ЦК КП(б) Б Т. С. Горбунов.

3 июля 1944 года Красная Армия освободила столицу Советской Белоруссии — Минск, а 28 июля 1944 года территория республики была полностью освобождена от гитлеровских оккупантов. В августе 1944 года университет возвратился в родной город. В отчете о работе за 1944/1945 учебный год отмечается, что он был самым тяжелым в истории Белорусского государственного университета. Фашистские варвары разграбили лаборатории, музеи и кабинеты, все оборудование и литературу, сожгли прекрасные учебные корпуса и общежития университета. Не хватало помещений для занятий, лабораторий, оборудования, мебели. Приходилось все начинать сначала. Благодаря энтузиазму студентов и преподавателей были восстановлены два учебных здания, некоторые аудитории и лаборатории, а также общежития.

Студенты работали не только на восстановлении университета, они помогали поднимать из руин и пепла столицу республики — Минск. В 1944 году сессия Минского городского Совета депутатов трудящихся приняла решение, обязывающее каждого студента отработать на восстановлении города ежемесячно 15 часов. В ответ на это студенты приняли повышенные обязательства — отработать по 20 часов в месяц.

Казалось, потребуются многие десятилетия, чтобы поднять из развалин учебные корпуса, общежития и жилые дома университета. Но социалистический строй, могучая созидательная сила нерушимого союза братских народов нашей страны сделали невозможное возможным. С помощью всей страны наша республика в кратчайший срок завершила восстановление народного хозяйства, культуры и высшей школы Белоруссии. В восстановлении Белорусского государственного университета активное участие принимал Московский государственный университет. Он присылал оборудование и инвентарь для кабинетов и лабораторий, учебники и учебные пособия, пополнял библиотечный фонд БГУ.

Коллектив Белорусского государственного университета вместе со всем советским народом внес достойный вклад во всенародную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, а ныне своими успехами в учебной, воспитательной, научной и общественной работе также достойно встретил 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 8080, оп. 1, ед. хр. 71, л. 57.

² См.: Знамя юности, 1962, 2 мая.

³ См.: Коммунист Белоруссии, 1971, № 10, с. 32.

⁴ См.: Звезда, 1945, 7 студзеня.

В. К. КОРШУК

РУКОВОДЯЩАЯ И НАПРАВЛЯЮЩАЯ СИЛА

В годы войны со всей полнотой раскрылась идейно-политическая и организаторская сила ленинской партии, ее руководящая роль в защите завоеваний социализма. Своей многогранной деятельностью, подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», партия обеспечила прочное единство политического, государственного и военного руководства, армии и народа, фронта и тыла. КПСС явилась поистине сражающейся партией. Только за первые шесть месяцев войны свыше миллиона коммунистов, в том числе десятки тысяч руководящих партийных, государственных, профсоюзных и комсомольских работников были направлены на фронт. В армии было свыше 500 секретарей ЦК, крайкомов и обкомов партии¹.

В борьбе с врагами нашей Родины погибло более 3 млн. членов партии. Но ее ряды не ослабевали. Пять миллионов советских патриотов вступили в партию в годы войны. Особенно большой приток воинов в партию наблюдался в самые напряженные периоды боевых действий. Коммунисты шли в авангарде наступающих частей, выполняли самые ответственные и сложные задачи.

Численность партии с 1941 по 1945 год увеличилась с 3.872.465 до 5.760.369 коммунистов. Из них в армии находилось в начале войны 14,4 %, в конце — 52,6 %. Весной 1945 года каждый четвертый советский воин был коммунистом².

В исключительно трудных условиях партия сумела мобилизовать советский народ на отпор врагу и, несмотря на временные неудачи в начальный период войны, обеспечить его полный разгром. Уже в первые три недели боев фашисты, по их заниженным данным, потеряли более 100 тыс. солдат и офицеров, половину всех танков, более тысячи самолетов, много другой боевой техники³. В капиталистическом мире не нашлось такой силы, которая смогла бы остановить фашизм. Всего 35 дней сопротивлялась ему Польша, за 19 дней были оккупированы Бельгия и Голландия, за 44 — Франция. Советские люди мужественно сражались с врагом 1418 дней и ночей и добились Победы⁴.

В суровых испытаниях Великой Отечественной войны еще больше укрепился авторитет партии, ее организаторская и воспитательная роль. Уже 29 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли директиву, в которой содержался военно-политический план разгрома врага. Наряду с общим стратегическим руководством боевыми действиями нужно было в кратчайшие сроки осуществить военно-мобилизационные мероприятия, перестроить экономику страны на военный лад, создать необходимые материально-технические предпосылки для неуклонного наращивания ударов по врагу. Великая Отечественная война стала подлинно всенародной войной. Только за первые восемь дней войны в советские вооруженные силы влилось свыше 5 млн. человек. Плечом к плечу сражались с врагом все братские народы СССР. В первые дни войны в Азербайджане было подано до 40 тыс. заявлений добровольцев. За короткое время 20 тыс. добровольцев направил на фронт комсомол Армении. После объявления мобилизации только в военные комиссариаты Грузии поступило свыше 13 тыс. заявлений добровольцев⁵.

В первый же день войны ЦК ВКП(б) и Советское правительство обратились к народу с призывом встать на защиту родной земли. Они с твердой уверенностью заявили о неизбежном разгроме врага. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», — писала газета «Правда». Руководствуясь указаниями Ленина о том, что в войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь, партия развернула широкую пропаганду марксистско-ленинских идей о справедливом характере войны по защите социалистического Отечества, усилила воспитание воинов в духе советского патриотизма, славных революционных и боевых традиций советского народа. Ленинские идеи о защите социалистического Отечества, их пропаганда сыграли огромную роль в повышении политической сознательности воинов и труженников тыла, в мобилизации их на самоотверженную борьбу с врагом. В этом велика заслуга политработников.

В годы войны на партийно-политическую работу в армию были призваны из запаса около 200 тыс. политработников, в том числе почти 14 тыс. руководящих партийных работников. В войска направлялись также коммунисты и лучшие комсомольцы в качестве политбойцов. Только за первые шесть месяцев войны действующая армия получила 100 тыс. политбойцов⁶. Эти коммунисты и комсомольцы сыграли огромную роль в укреплении Красной Армии. В первый период боевых действий партия использовала такую чрезвычайную форму партийного руководства войсками, как институт военных комиссаров. Эта мера была вызвана тяжелой обстановкой на фронте и носила временный характер. Комиссары были призваны непосредственно руководить партийно-политической работой и помогать командирам в руководстве войсками.

Могучим источником идейного воздействия на миллионы советских людей являлось идейно-теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма. За 1941—1945 годы в нашей стране было осуществлено более 500 изданий произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина общим тиражом около 17 млн. экз. и 460 названий массово-политической литературы; было издано около 170 млн. экз. художественной литературы, в которой отражался великий подвиг советского народа⁷.

В первые дни войны огромную роль сыграло народное ополчение. Более 4 млн. советских патриотов изъявили желание идти добровольцами в дивизии и полки народного ополчения, истребительные, рабочие и коммунистические батальоны. Во всеобщую народную борьбу, которая нарастала с каждым днем, вылились партизанское движение и партийное подполье.

Международный империализм ожидал, что под ударом гитлеровских орд Советский Союз развалится. Многие на Западе считали, что СССР —

это колосс на глиняных ногах, искусственное объединение большого числа наций, лишенное внутреннего единства. Только за участие в сражениях на белорусской земле 1631 человек удостоен звания Героя Советского Союза, 1592 из них — представители братских народов СССР⁸.

Вынужденное отступление Красной Армии в 1941 году вызвало необходимость перебазирования промышленности и эвакуации миллионов людей в восточные районы страны. За шесть месяцев войны было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, более 10 млн. человек⁹. Весной 1942 года большинство эвакуированных оборонных заводов приступило к выпуску продукции, а к середине года восточные районы страны давали фронту более $\frac{3}{4}$ всей военной продукции. К осени 1942 года Красная Армия получила столько боевой техники, что это позволило, по существу, завершить ее техническое перевооружение. Все это было достигнуто в тяжелейших условиях, когда СССР временно потерял территорию, которая в довоенное время давала более половины угля, чугуна, стали, алюминия. Ни одно государство в мире не решало в ходе войны такие задачи. Германии, например, для перевода экономики на военные рельсы в мирных условиях понадобилось семь лет.

Сложные проблемы стояли перед труженниками сельского хозяйства. Страна лишилась половины всех посевных площадей. Наиболее трудоспособная и квалифицированная часть сельского населения ушла на фронт.

Благодаря преимуществам социалистической экономики перед капиталистической, высокому уровню развития производительных сил, достигнутому в годы предвоенных пятилеток, партии удалось в неблагоприятных условиях осуществить перевод народного хозяйства на военные рельсы.

В достижении победы над фашизмом большую роль сыграла внешнеполитическая деятельность партии и советского государства. Она была направлена на обеспечение наиболее благоприятных условий для быстрого разгрома врага, создание и укрепление антифашистской коалиции, оказание всемерной помощи патриотическим силам европейских стран, оккупированных гитлеровцами. Важно было предотвратить угрозу создания антисоветского фронта капиталистических государств, установить правильные взаимоотношения с освободившимися народами.

Фашистская Германия рассчитывала, что ей удастся изолировать нашу страну на международной арене. Однако мудрая внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства сорвала коварные планы гитлеровцев. Партия руководствовалась указанием В. И. Ленина о том, что одержать победу над врагами социалистического Отечества «можно только при величайшем напряжении сил и при **обязательном...** умелом использовании... всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран...»¹⁰

Реакционные круги капиталистических государств и, в первую очередь, США и Англии, не отказались от своих империалистических целей. Однако они понимали, что фашистская Германия представляет угрозу не только национальным интересам их стран, но и их собственным классовым интересам. Они сознавали, что лишь с помощью Советского Союза можно уничтожить фашизм, одержать победу над гитлеровской Германией. Важную роль также сыграло мощное движение народных масс капиталистических стран за сплочение всех сил для отпора врагу. Все это способствовало созданию антигитлеровской коалиции и предотвратило изоляцию СССР.

СССР оказывал постоянную помощь народам поработанных фашизмом стран в создании и вооружении национальных воинских формирований, партизанских отрядов и соединений. Советские люди активно участвовали в вооруженной борьбе европейских народов против фашизма. В боях за освобождение Европы осуществлялось тесное взаимодействие войск Красной Армии с национально-освободительными частями и соединениями ряда европейских стран, всемерная поддержка движения Сопротивления. Интернациональный характер этого движения, борьба народов за свободу и независимость своих стран сливались в общую борьбу против фашизма и реакции. Трудящиеся массы выступали не только против фашистских захватчиков, но и против внутренних реакционных сил, скомпрометировавших себя сотрудничеством с гитлеровцами.

Ярким примером интернационализма Советского Союза, великой освободительной миссии Красной Армии было освобождение поработанных гитлеровцами стран Европы. Трудящиеся этих государств с надеждой ждали нашу армию-освободительницу. Они были убеждены, что только

непосредственная поддержка СССР поможет им окончательно избавиться от фашистского ига, стать на путь свободного развития.

Источником неисчерпаемой силы Советского Союза в Великой Отечественной войне явился советский общественный и государственный строй, социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм, нерушимая дружба народов СССР, сплоченность миллионов советских людей вокруг ленинской партии, беспримерный героизм и мужество на фронте и в тылу. Ленинские идеи защиты социалистического Отечества объединили миллионы советских людей в борьбе за свободу и независимость страны.

¹ См.: Правда, 1985, 3 мая; История Коммунистической партии Советского Союза.— М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 170.

² См.: Формирование коммунистической убежденности.— Минск, 1984, с. 205.

³ Там же, с. 208.

⁴ См.: История второй мировой войны 1939—1945, в 12 т.— М., 1973—1976, т. 12, с. 39.

⁵ См.: Формирование коммунистической убежденности, с. 208.

⁶ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 171.

⁷ См.: Правда, 1985, 26 апреля.

⁸ См.: Формирование коммунистической убежденности, с. 210.

⁹ Там же.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

Н. Я. ЗАЙЦЕВ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Вслед за Великой Октябрьской социалистической революцией, известившей миру о появлении первого социалистического государства рабочих и крестьян, великая Победа советского народа и его армии над главной, наиболее реакционной ударной силой мирового империализма—гитлеровским фашизмом—доказала всему миру, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть—власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»¹.

Ожесточенные кровавые схватки с коварным врагом показали, что в нашей стране волей Коммунистической партии и Советской власти за короткий срок воспитаны новые поколения людей-патриотов, интернационалистов, для которых определяющим в их характерах стали глубокая идейная убежденность, основанная на марксистско-ленинской идеологии, безграничная вера в правоту великого ленинского дела, беззаветная любовь к социалистической Родине, что и стало источником массового героизма, стойкости и отваги советских людей.

Используя превосходство в численности войск и вооружениях, немецко-фашистские войска, опьяненные легкими победами над многими европейскими странами, захватив стратегическую инициативу, отчаянно рвались к жизненно-важным центрам страны. Советская Армия вынуждена была одновременно сдерживать бешеный натиск врага и совершенствовать свою организацию. Войны Советской Армии мужественно отстаивали каждую пядь советской земли. Более десяти немецко-фашистских дивизий было разгромлено в первые же дни войны. За это время враг потерял значительно больше солдат, офицеров и боевой техники, чем за все предшествующие годы второй мировой войны на Западе.

Массовый героизм, непревзойденные образцы мужества и стойкости, преодолевающие все, даже самую смерть, продемонстрировали защитники Брестской крепости. Бесстрашно вступили в бой, отражая атаки воздушных и наземных армий, советские летчики. Уже в первые минуты войны советские летчики Кокорев Д. В., Иванов И. И., Данилов А. С., Рябцев П. С., Бутелин Л. Г., Мокляк А. И. и другие (всего 12 человек) таранными ударами встретили воздушных разбойников, бомбивших мирные города и села нашей страны. Всего за время Великой Отечественной войны 459 раз применяли этот чисто русский прием ведения воздушного боя советские летчики². Многие из них совершили по два, три, а Б. И. Ковзан—четыре воздушных тарана. При этом самое большое количество та-

ранов было совершено в труднейшие месяцы начала войны: июнь, июль, август и сентябрь 1941 года, что подтверждает напряженность и трагичность боевых действий. По уточненным данным, во время Великой Отечественной войны советские авиаторы совершили 327 огненных таранов. Это значит, что более 600 летчиков, штурманов, стрелков-радистов нанесли последний удар по врагу, превратив смертельно раненый самолет в разящее оружие. 184 огненных тарана совершили коммунисты. Почти половина авиаторов, таранивших своими самолетами врага, — представители всех наций и народностей Советского Союза³.

Героически сражались советские пограничники, пехотинцы, артиллеристы, танкисты и моряки. Сотни и тысячи из них бесстрашно вступали в единоборство с превосходящими силами противника и дрались до последнего патрона. Одиннадцать суток над развалинами зданий пограничной заставы, которой командовал А. В. Лопатин, развивался советский флаг. Из всех 485 пограничных застав не было такой, которая бы сдалась врагу или оставила охраняемый участок без приказа.

Война вписала в героическую летопись советского народа такие подвиги, которые стали символами героизма, бесстрашия и стойкости не только для нынешних, но и грядущих поколений, борцов за свободу. Это подвиг в битве под Москвой, в которой Советская Армия развеяла миф о непобедимости армии германского фашизма; упорство и мужество защитников военно-морских баз Лиепая, Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, городов Одессы, Севастополя, Ленинграда, Новороссийска. Символами высшего проявления стойкости и отваги советских воинов стали подвиг 28 панфиловцев у подмосковного разъезда Дубосеково, заслонивших собой дорогу вражеским танкам, рвавшимся к Москве; 200-дневная битва за Сталинград, в результате которой был сломан становой хребет фашистской армии; 225-дневные бои за плацдарм под Новороссийском; подвиг комсомольцев Краснодона и многие другие.

Образцом бесстрашия и мужества является подвиг нашего земляка, летчика-истребителя А. К. Горовца, который в одном воздушном бою сбил 9 вражеских бомбардировщиков. Это был пример высочайшей в мире эффективности ведения воздушного боя. Всех советских людей не перестают восхищать мужество и героизм легендарного разведчика Николая Кузнецова.

Героизм советских воинов как высшее проявление морально-политических и боевых качеств ярко проявился и в наступательных боях. Одной из особенностей героизма, проявленного советскими воинами в боях за нашу Родину, является их бескорыстие. Ни один советский человек, совершивший в годы войны подвиг, не преследовал личных целей, стремления прославиться, показать свое превосходство перед другими. Всеми участниками войны руководило общее стремление, неукротимое желание быстрее освободить свой народ, Родину от врага, приблизить день победы. Это как раз и обуславливало причины самопожертвования советских людей как проявление высших нравственно-идейных чувств и поступков. Так, легендарный А. Матросов и более 200 других воинов Советской Армии своими телами закрыли амбразуры вражеских дзотов, спасая жизнь товарищей и обеспечивая выполнение боевой задачи.

История войн знает и другие случаи самопожертвования так называемых смертников-комкадзе. Японским смертникам долгое время внушалась фанатичная вера в божественную миссию, якобы выполняемую ими. Советские люди шли на смерть сознательно, имея ясную цель: приблизить день освобождения своего народа. Вместе с яркими, подобно вспышкам молнии, подвигами порыва советским людям был свойствен героизм «массовой будничной работы». И если на первый взгляд такой героизм как бы лишен внешнего блеска, то он красив своим результатом. Девятьсот суток длилась блокада Ленинграда, которая стоила городу 600 тыс. человеческих жизней. Однако Ленинград и его жители выдержали все испытания и не сдали город врагу. Ленинградцы совершили подвиг, равного которому нет и не было в истории. Самоотверженный труд рабочих, колхозников, инженеров, ученых, конструкторов — это та же битва, но только за металл, хлеб, топливо и сырье, без которых нельзя было победить врага, который поставил себе на службу экономику многих захваченных стран. Это и есть великий подвиг народа-труженика, дополняющий ратные подвиги народа-воина, подвиг, совершенный в ходе «будничной массовой работы».

Величие подвига советского народа не только в освобождении и защите чести и независимости социалистической Родины, но и в освобождении 11 европейских стран с населением 113 млн. человек. За годы Великой Отечественной войны более 10900 раз награждались орденами полки и дивизии Советской Армии, а 29 из них удостоены пяти и более орденов. Более 5 млн. 300 тыс. военнослужащих были награждены орденами, 7 млн. 580 тыс. — медалями, 11612 наиболее отличившимся солдатам, офицерам и генералам было присвоено высокое звание Герой Советского Союза, 112 — дважды и 3 — трижды⁴. Массовость героизма советских людей подтверждают слова В. И. Ленина: «...Россия способна давать не только одиночек-героев... Россия сможет выдвинуть этих героев сотнями, тысячами»⁵.

Истоки массового героизма советских людей на фронте и в тылу в годы минувшей войны коренились в социалистическом общественном и государственном строе, идеологии марксизма-ленинизма, тех коренных преобразованиях, которые произошли за годы Советской власти в жизни советского общества и в сознании советских людей.

В знак глубокой любви и благодарности, как символ памяти Родины о бессмертном подвиге воинов, павших на полях сражений минувшей войны, горит Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата в столице нашей Родины Москве, на Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде, в городах-героях. Памятники и мемориальные комплексы на местах бывших боев незримыми нитями объединяют поколения советских людей и в то же время напоминают нам о той большой цене, которой была завоевана честь и независимость Родины, право на жизнь.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

² Известия, 1985, 30 марта.

³ Там же.

⁴ Сорокин А. И. Великая Победа народа и армии. — М., 1984, с. 107.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 4.

В. С. КЛИМОВИЧ

УРОКИ ПОБЕДЫ

Четыре десятилетия отделяют человечество от дня Победы над фашистской Германией. Путь нашего народа к победе в Великой Отечественной войне был длительным и тяжелым. Он пролегал через огонь и кровь ожесточенных сражений на фронте, через дни и ночи titанической работы в тылу. Небывалая по масштабам и напряженности война продолжалась 1418 дней. И каждый ее день — это страница летописи беспримерного подвига советских людей, яркое свидетельство их стойкости, мужества и героизма.

Вдохновителем и организатором всенародной борьбы с агрессором явилась Коммунистическая партия. В своей деятельности она твердо и последовательно руководствовалась указанием В. И. Ленина о том, «что раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»¹.

Закончившаяся 40 лет назад война дорого обошлась человечеству. В нее было втянуто 61 государство, где жили три четверти населения планеты — 1 миллиард 700 миллионов человек. Под ружье было поставлено 110 миллионов человек, боевые действия охватили территории 40 государств. Война унесла 50 миллионов человеческих жизней, из них — 20 миллионов человек приходится на долю советского народа. Впервые в истории войн количество жертв среди мирного населения значительно превысило число погибших в боях, достигнув чудовищной цифры — 28 миллионов человек! Бушевавший шесть лет всепожирающий огонь войны превратил в руины и пепелища тысячи городов, сотни тысяч деревень (только на советской территории гитлеровцы сровняли с землей 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень), разрушил десятки тысяч заводов, предприятий, железнодорожных станций, мостов, уничтожил плодородные земли. Такова страшная дань, которую человечество вынуждено было уплатить за мировой конфликт, порожденный системой империализма и развязанный фашизмом.

Неизбежно возникает вопрос: можно ли было предотвратить мировую войну, избежать чудовищных жертв и разрушений? И ответ на него необходим не для удовлетворения простой любознательности, а для того, чтобы предотвратить новые, еще более ужасные потрясения. Войну, связанную гитлеровской Германией, можно было предотвратить при условии единства антивоенных сил всех европейских государств.

Советский Союз активно добивался единства. К сожалению, миролюбивые акции СССР не получили должной поддержки от прежних руководителей Англии и Франции. Советско-англо-французские переговоры 1939 года — позорнейшая страница в истории британской и французской дипломатии. Английская и французская миссии отправились в СССР на самом тихоходном пароходе и, как потом выяснилось, без необходимых полномочий. В середине августа 1939 года выяснилось, что достичь соглашения с Великобританией и Францией совершенно невозможно. СССР оказался в изоляции. Над ним нависла грозная опасность с двух сторон — с Запада и Востока. В этих условиях Советское правительство вынуждено было сделать свой выбор и принять 23 августа 1939 года германское предложение о заключении пакта о ненападении. Это позволило СССР прорвать враждебный антисоветский фронт империалистических государств, дало нашей стране почти два мирных года для укрепления обороноспособности.

Министр иностранных дел Франции Жорж Боннэ, получив сообщение из Москвы о подписании советско-германского договора, был потрясен настолько, что в ночь с 23 на 24 августа разбудил премьер-министра Эдуарда Даладье. Тот не хотел верить услышанному и решил, что это «дурная шутка журналистов». Только оправившись от шока, он осознал случившееся. Ведь внезапно, словно «карточный домик», рухнуло все, что создавалось французской и английской дипломатией с 1933 года! Ради того, чтобы Гитлер развязал войну против СССР, Франция пошла на все мыслимые и немыслимые уступки. Все оказалось напрасным, и теперь Гитлер не пойдет против СССР — во всяком случае в ближайшее время. Однако его хищные устремления неистребимы, с помощью Англии и Франции он хорошо подготовился к агрессии. Кто же станет теперь жертвой? Догадаться было нетрудно. Настал час крушения иллюзий.

«Вся история подготовки второй мировой войны являет собой потрясающую картину того, как классовая ограниченность реакционной буржуазии и ее слепая ненависть к коммунизму привели многие государства Европы к страшной катастрофе, к их порабощению немецко-фашистскими завоевателями»². К сожалению, кое-кто на Западе стал, по-видимому, забывать о трагическом опыте истории второй мировой войны, так дорого обошедшемся человечеству. Предавая забвению уроки прошлого, империалистическая реакция вынашивает планы развязывания новых войн, военных конфликтов. Особенной агрессивностью отличается авантюристическая политика нынешней администрации США. Свое концентрированное выражение она находит в провозглашении «крестового похода против коммунизма», в планах «уничтожения социализма как общественной системы», в зловещих призраках «звездных войн», которыми угрожает миру Рейган. Все это — прикрытие конечных целей правящих кругов США установить мировое господство американских монополий. Эта авантюристическая политика уже унесла миллионы жизней свободолюбивых народов. Корея, Доминиканская Республика, Вьетнам, Лаос, Кампучия, Гренада, Ливан — далеко не полный перечень стран, где военная интервенция США оставила свой грязный, несмываемый след. Продолжением этого являются необъявленные войны против Никарагуа и Афганистана, вмешательство во внутренние дела Сальвадора, неприкрытые угрозы в адрес Кубы и Сирии.

Однако народы хорошо познали цену мира и силу взаимной поддержки и никогда не откажутся от них, потому что видят в этом залог успеха в борьбе за лучшее будущее. Гегемонизм, попытки командовать человечеством в наше время — бесперспективны. И уж явно безнадежны намерения Вашингтона во что бы то ни стало сломать военно-стратегическое равновесие, добиться военного превосходства над СССР. Никому не удавалось в прошлом и тем более не удастся теперь запугать Советский Союз. Вот почему наша партия и Советское правительство и прежде, и теперь сочетали и сочетают борьбу за мир с укреплением обороноспособности страны. СССР — за выдержку, за мир с укреплением обороноспособности страны. СССР — за взвешенный подход. Но СССР и за твердое противодействие агрессии. Такую позицию Советский Союз от-

стаивал в период, когда нарастала угроза мировой войны. Эту же позицию он занимает и сегодня. Победа советского народа в Великой Отечественной войне явилась триумфом сил социализма и мира, ярко подтвердила правоту ленинских слов, что Страна Советов выдержит атаки враждебных сил и «будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами»³.

Советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполняли свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством.

С фашистской агрессией боролись народы и армии США, Англии, Франции, других государств антигитлеровской коалиции. Самоотверженно сражались против фашистских захватчиков войска Югославии, Польши, Чехословакии, патриоты Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, участники движения сопротивления и антифашистского подполья, пламенные интернационалисты.

«Непреодолимое значение, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — имеют уроки Великой Отечественной войны. Главный из них состоит в том, что против войны надо бороться, пока она не началась. Исторический опыт учит: для того чтобы отстоять мир, нужны сплоченные, согласованные и активные действия всех миролюбивых сил против агрессивного, авантюристского курса империализма. Необходимо повышать бдительность народов, беречь и приумножать завоевания социализма»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. — М., 1960, т. 1, с. XVII.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 279.

⁴ Правда, 1984, 17 июня.

Д. П. ЖМУРОВСКИЙ

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ

Советский народ и его Вооруженные Силы вынесли основную тяжесть второй мировой войны. На советско-германском фронте было разгромлено 607 дивизий фашистского блока (союзники нанесли поражение 176 дивизиям). Современная же буржуазная историография вопреки историческим фактам извращает всемирно-историческое значение победы советского народа и его армии над фашистской Германией.

Мы вовсе не отрицаем вклада США и Англии, их народов и вооруженных сил в победу над общим врагом. Однако правда истории требует признать, что фашистская Германия была разгромлена в результате крупных операций, проведенных Советскими Вооруженными Силами.

Советский народ и его доблестная армия отстаивали не только завоевания Октября, но и мировую цивилизацию, право всех народов на свободу и суверенитет. Авторитет советской державы в мире возрос как никогда. Достаточно сказать, что если до войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны — с 52¹.

В победоносных успехах войны с необычной наглядностью проявились коренные преимущества социализма над капитализмом, идеологии дружбы и братства народов нашей страны над звериной, человеконенавистнической идеологией шовинизма и мракобесия. С исключительной точностью подтверждались вещие слова В. И. Ленина, сказанные им 15 октября 1920 года в речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии: «...Наше дело стоит прочно, что каковы бы ни были попытки нашествия на Россию и военные предприятия против России, а таких попыток еще, вероятно, будет не одна, но мы уже закалены нашим опытом и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом. И после каждой попытки наших врагов мы будем выходить более сильными, чем были до них»².

Выдающиеся победы Советской Армии, военное искусство наших полководцев доказали свое полное превосходство над шаблонным искусством германского и японского милитаризма. Героические боевые действия на фронтах войны создали благоприятные условия для подъема революционного, антифашистского демократического движения национально-освободительной и антиимпериалистической борьбы. От капиталистической системы отпал в Европе и Азии целый ряд государств с населением более 700 млн. человек³. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. Возникновение мировой системы социализма — это второе по своему социально-политическому значению событие во всемирной истории после Великой Октябрьской социалистической революции. Создание социалистического содружества народов и государств означало решающий поворот в международных отношениях, наиболее ярко выразило коренные изменения в соотношении классовых и политических сил после второй мировой войны в пользу социализма, прогресса и мира.

Одна из величайших заслуг советского народа и его армии во второй мировой войне состоит в том, что они избавили многие страны от фашистского рабства, спасли **мировую культуру и цивилизацию**. Освободительная борьба Советской Армии, прогрессивных сил мира с фашистскими захватчиками привела к повышению классовой, политической сознательности пролетариата и широких слоев трудящегося населения всех стран, способствовала усилению влияния коммунистических и рабочих партий в массах. Количество коммунистов в капиталистических странах возросло с 1,7 млн. человек в довоенное время примерно до 5 млн. человек в 1946 году. В 95 странах действуют сейчас коммунистические партии, а число их членов превысило 80 млн. В государствах, занимающих треть территории земного шара, — это партии правящие⁴. Коммунисты были представлены в правительствах 12 капиталистических стран⁵.

Благодаря поддержке стран социализма и международного рабочего класса во всю ширь развернулся мощный революционный процесс ликвидации колониального гнета, процесс **распада колониальной системы**.

В годы войны и в первое послевоенное десятилетие этот процесс происходил главным образом в Азии, во втором послевоенном десятилетии охватил Африку и переместился в Западное полушарие. Империализм лишился своего военно-политического господства над сотнями миллионов людей, потерял многие важнейшие политические, экономические и стратегические позиции. Страны Азии и Африки перестали играть роль резерва и тыла империализма. Укрепление их политической и экономической независимости содействовало ослаблению капиталистической системы.

Крах колониальной системы империализма представлял собой второе по своему значению историческое событие после образования системы социализма. Позиции капитализма оказались основательно подорванными, а планы правящих кругов США и Англии — нереализованными, они не могли изменить положение в мире в свою пользу несмотря на то, что всячески стремились сорвать установление демократических порядков в освобожденных от фашизма странах и активно поддерживали реакционные элементы эмигрантских правительств, рассчитывая утвердить их у власти.

У народов освобожденных советскими войсками стран появились все условия для победы над силами контрреволюции и торжества народно-демократических и социалистических революций. Героическая армия Советского Союза избавила от фашистского гнета не только народы Австрии, Болгарии, Венгрии, Дании, Норвегии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, но и освободила немецкий народ от кровавой фашистской диктатуры. В результате разгрома Советским Союзом империалистической Японии были освобождены Северо-Восточный Китай, Маньчжурия и Корея. Всего в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы участвовало 7 млн. советских солдат и офицеров, а Маньчжурии и Кореи — более 1,5 млн. За пределами нашей Родины войска Красной Армии потеряли только убитыми свыше 1 млн. человек⁶.

Вооруженные Силы Советского Союза сыграли решающую роль и в освобождении тех оккупированных гитлеровской Германией стран Европы, на территории которых войска Красной Армии не ступали ногой. Генерал Шарль де Голль заявлял, что именно Советская Россия сыграла главную роль в освобождении Франции.

Неоценимо всемирно-историческое значение освободительной миссии

Советского Союза и его Вооруженных Сил во второй мировой войне. Секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году говорил по этому поводу: «Кто пережил вторую мировую войну и принимал участие в антифашистской борьбе, тот никогда не забудет об исключительной роли Советского Союза в битве за свободу народов, о его жертвах, о героизме его народов и армии. Тот не забудет, что эта борьба и жертвы Советского Союза дали возможность многим народам вновь обрести свою национальную свободу и государственную независимость, а также начать борьбу за победу рабочего класса, за путь к социализму».

Наглой клеветой на советскую политику в отношении освобожденных стран являются утверждения У. Черчилля о том, будто Советский Союз освобождал Европу лишь для установления «деспотизма Советов». Американский историк К. К. Хоув, извращая реальные факты, тоже прибегает к фальсификации истинного положения вещей и утверждает, будто Красная Армия при освобождении Восточной Европы стремилась «утвердить там Советскую власть». Подобные утверждения высказывают и другие буржуазные историки.

Советский Союз сорвал замыслы империалистических хищников, направленные на ослабление СССР. Особенно усердствовали в этом правящие круги США и Англии, предполагая, что в результате войны наша страна истощится и ослабеет и им удастся продиктовать ей свою волю. Но с Советским Союзом этого не произошло. СССР укрепил свои границы.

На встрече избирателей в г. Калининграде Московской области А. А. Громыко 19 февраля 1985 года заявил, что «Советский Союз не будет проходить мимо того, что кое-где поднимают голову силы, которые и по сей день не отрешились от надежд на пересмотр европейских границ, как они сложились после второй мировой войны... Никому не дано посягать на Ялтинское и Потсдамское соглашения, лежащие вот уже четыре десятилетия в основе европейского и всеобщего мира. Эти соглашения оплачены народами дорогой ценой»⁷.

Кровь советских людей, отдавших свою жизнь за социалистическое Отечество, не была пролита даром. После войны наша страна достигла новых исторических рубежей. Советский народ под руководством Коммунистической партии вступил в период развитого социализма.

¹ См.: История дипломатии.— М., 1974, т. V, кн. 1, с. 8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 356.

³ См.: История дипломатии, с. 8.

⁴ Правда, 1985, 23 апреля.

⁵ История дипломатии, с. 9.

⁶ См.: Великая Отечественная война. Вопросы и ответы.— М., 1984, с. 419.

⁷ Правда, 1985, 20 февраля.

Л. В. ЛУКИНА

ПРОПАГАНДА ПЕЧАТЬЮ БЕЛОРУССИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1966 — 1970)

Развитие творческой активности масс — один из важнейших резервов в борьбе за выполнение наших планов. Особую роль играет движение за коммунистическое отношение к труду, которое является высшей формой социалистического соревнования. Оно не отменяет другие формы соревнования, не противостоит им, а существует и развивается вместе с ними, «вовлекая в свое благотворное русло все новые миллионы трудящихся, воспитывая в них высокую сознательность и культуру, приобщая их к активному участию в управлении делами общества и государства»¹. В этом движении нашли конкретное выражение требования к личности, к знаниям работника, к его идейным, моральным и деловым качествам, предъявляемые современным производством и социалистическим обществом.

Воспитание нового отношения к труду Коммунистическая партия осуществляет путем использования целого арсенала средств. Одним из них является печать. Партия ставит перед редакционными коллективами газет и журналов задачу ярко и увлекательно рассказывать о героях тру-

да, передовиках и новаторах производства, глубоко вникать в существо починов, поддерживать и распространять передовые методы труда, полнее показывать социальное, экономическое и политическое значение соревнования с тем, чтобы выступления печати о работе лучших коллективов и новаторов производства были подлинной школой распространения передового опыта для миллионов трудящихся, важным средством морального повышения передовых рабочих. Печать Белоруссии в рассматриваемый период показывала развитие движения за коммунистическое отношение к труду «на живых, конкретных примерах и фактах во всех отраслях жизни»².

Новое отношение к труду проявилось в заботе о рациональном использовании народного богатства и экономии. Всенародное движение за экономию и бережливость, которое началось в стране по инициативе коллективов передовых промышленных предприятий городов Москвы и Ленинграда, нашло широкую поддержку у трудящихся Белоруссии.

Газета «Советская Белоруссия» в 1966 и последующие годы систематически знакомила читателей с результатами соревнования за экономию и бережливость, организовав на страницах «школу бережливых»³. Много внимания этому соревнованию уделяли и областные газеты. Так, «Гродненская правда», рассказывая в 1966 году о первом на Гродненском заводе предприятий коммунистического труда, Волковыском цементном заводе «Победа», коллектив которого развернул движение за всемерную экономию материальных ресурсов, в статье «Тон задают цементники» сообщала, что за счет сэкономленного сырья, материалов и электроэнергии завод сможет дать за год дополнительно 4.700 т цемента. В репортаже «Цементники — на ударной вахте» (март 1966 года) говорилось, что за два месяца ударного труда коллектив завода дополнительно к заданию выдал свыше двух тысяч тонн продукции. Вскоре в статье «Призыв цементников — в действии» областная газета рассказала о коллективе Лидской обувной фабрики, поддержавшей волковыских цементников⁴. Это явилось ответом на постановление ЦК КПБ «О развертывании соревнования по экономии и бережливости среди коллективов промышленных предприятий,строек, транспорта и связи» (январь 1966 года), в котором редакциям республиканских и областных газет было «поручено широко освещать ход социалистического соревнования и работу коллективов промышленных предприятий... по экономии и бережливости»⁵.

Рассматривая работу по воспитанию коммунистического отношения к труду как одно из важнейших направлений деятельности, редакции газет «Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета» в марте — декабре 1967 года провели общественный смотр экономии и бережливости на промышленных предприятиях. В ходе смотра особое внимание обращалось на упорядочение учета, хранения и использования материалов, снижение расхода сырья и энергии. Рейдовые материалы публиковались и на страницах областных газет. Так, «Віцебскі рабочы» широко освещал начин закройщицы обувной фабрики «Красный Октябрь» А. Голубковой, выступившей инициатором создания фонда экономии. Вскоре ее последователи появились на предприятиях Бреста, Гомеля, Минска, Полоцка. «Мінская праўда» освещала движение бережливых в рубрике «Экономить везде, экономить во всем», брестская «Заря» — «В поход за бережливость»⁶.

Воспитание средствами печати экономного и бережливого хозяйствования усилилось в связи с Письмом ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 12 февраля 1970 года «Об улучшении использования резервов производства и усилении режима экономии в народном хозяйстве». Пресса широко освещала организаторскую и политическую работу партийных организаций по выполнению рекомендаций, изложенных в Письме. Все редакции ввели специальные рубрики, усилили общественный контроль рабкоровских постов за осуществлением предложений и мероприятий по экономии и бережливости. Публиковались материалы о собраниях, партийно-хозяйственных активах, на которых вносились конкретные предложения по повышению эффективности общественного производства, вскрывались резервы снижения себестоимости продукции, рационального использования материальных и трудовых ресурсов. Как сообщал журнал «Коммунист Белоруссии», только на предприятиях Минска в 1970 году поступило свыше 20 тыс. предложений, 16,4 тыс. из которых были приняты к внедрению. Экономический эффект от их осуществления превысил 67 млн. руб.⁷

Широкое освещение в печати Белоруссии получила ударная вахта в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Материалы об ударном труде публиковались в «Советской Белоруссии» под рубрикой «Год ленинской ударной работы», в «Вечернем Минске» — «На ленинской вахте», в газете «Віцебскі рабочы» — «Маршрутами ленинской трудовой вахты». На страницах газет выступали новаторы и передовики производства.

«Гомельская праўда» 4 сентября 1968 года опубликовала обращение семи ударников коммунистического труда Гомельского станкостроительного завода имени С. М. Кирова ко всем рабочим предприятий области — выполнить личные пятилетние планы к ленинскому юбилею. 8 января 1969 года газета в статье «Первые результаты» рассказала о выполнении инициаторами соревнования полутраговых норм. Уже в начале 1969 года только в Гомеле насчитывалось свыше 2 тыс. последователей почина станкостроителей⁸.

В ноябре этого года «Советская Белоруссия» сообщила об успешном завершении индивидуальных пятилетних планов более чем ста рабочими Гомельского станкостроительного завода имени С. М. Кирова. Среди них оказались и зачинатели соревнования, расточники В. Шкабарин, В. Демиденко, а также слесари Л. Кабашников, В. Горех и другие. Все инициаторы почина подтвердили звание ударника коммунистического труда. В дни ленинской трудовой вахты это почетное звание было присвоено 120 рабочим завода.

О выполнении личных пятилеток более чем 12,5 тыс. передовиками и новаторами предприятий Минска и почти 8 тыс. рабочими промышленных предприятий Витебска сообщали в 1970 году «Вечерний Минск» и «Віцебскі рабочы»⁹.

Планы работы редакций газет предусматривали контроль за выполнением обязательств. «Советская Белоруссия» систематически публиковала статьи о ходе выполнения обязательств. Эти материалы позволяли сравнивать результаты труда передовых коллективов, отдельных рабочих, изыскивать новые возможности, подтягиваться до лучших образцов. Газета «Віцебскі рабочы» в рубрике «Проверяем выполнение юбилейных обязательств» публиковала обязательства, а затем рассказывала о ходе их выполнения.

Постановление Президиума ВЦСПС «Об улучшении организации социалистического соревнования» (сентябрь 1966 года) подчеркнуло необходимость повышения требований к присвоению (подтверждению) званий бригад, ударников коммунистического труда. В постановлении указывалось на целесообразность присвоения почетных званий по итогам работы за год, с учетом повышения знаний, квалификации рабочих, отношения к семье, поведения в быту и т. д.¹⁰

Оценивая работу печати по пропаганде движения за коммунистическое отношение к труду в годы восьмой пятилетки, состоявшийся 15 декабря 1970 года VI Пленум правления Союза журналистов БССР обратил внимание редакционных коллективов на малочисленность газетных подборок и страниц о работе бригад и ударников коммунистического труда. Было предложено восстановить оправдавшие себя рубрики «Коллектив коммунистического труда», «Так работают ударники коммунистического труда» и создать в газетах новые разделы, в которых бы пропагандировался передовой производственный опыт¹¹.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1972, т. 13, с. 346.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 91.

³ ЦГАМЛИ БССР, ф. 231, оп. 1, д. 49, л. 62.

⁴ См.: Гродненская правда, 1966, 8 января, 1 марта, 21 декабря.

⁵ Советская Белоруссия, 1966, 25 января.

⁶ См.: Віцебскі рабочы, 1967; Мінская праўда, 1967; Заря, 1967 и др.

⁷ См.: Коммунист Белоруссии, 1970, № 12, с. 13.

⁸ См.: Гомельская праўда, 1968, 4 верасня; 1969, 8 студзеня; ПА Гомельского ОК КПБ, ф. 144, оп. 129, д. 63, л. 5, 48.

⁹ См.: Советская Белоруссия, 1969, 16 ноября; Вечерний Минск, 1970, 21 января; Віцебскі рабочы, 1970, 15 красавіка.

¹⁰ См.: Советская Белоруссия, 1966, 27 сентября.

¹¹ ЦГАМЛИ БССР, ф. 239, оп. 1, д. 90, л. 88, 89.

А. А. ШИШКОВ

**ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ
СОРЕВНОВАНИЕМ РАБОТНИКОВ
ХИМИЧЕСКОЙ И НЕФТЕХИМИЧЕСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛОРУССИИ (1971 — 1975)**

XXIV съезд КПСС поставил перед химической и нефтехимической промышленностью важные и сложные задачи по увеличению ее вклада в развитие народного хозяйства. Значительное место в решении этих задач отводилось социалистическому соревнованию, развитию которого дало новый толчок Постановление ЦК КПСС от 31 августа 1971 года «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования»¹. Бюро Компартии Белоруссии, рассмотрев вопрос о мероприятиях по выполнению постановления ЦК КПСС, указало партийным комитетам, советским, хозяйственным, профсоюзным и комсомольским органам на необходимость принять действенные меры, направленные на совершенствование организации и практики подведения итогов социалистического соревнования, изучения, обобщения и распространения передового производственного опыта².

На пленумах и активах обкомов, горкомов и райкомов КПБ, в первичных партийных организациях, на рабочих собраниях, посвященных мероприятиям по выполнению постановления, отмечалось, что улучшение организации социалистического соревнования зависит прежде всего от уровня партийного руководства, умения партийных комитетов и организаций сплачивать коллективы в единую целенаправленную созидательную силу. Именно такой подход к организации соревнования проявила Новополоцкая городская партийная организация. Вопросы соревнования здесь систематически рассматривались на пленумах, собраниях партийного актива, семинарах партийных и профсоюзных работников, заседаниях бюро горкома партии, собраниях первичных парторганизаций и коллективов.

Целенаправленная работа горкома КПБ положительно сказалась и на деятельности партийных организаций предприятий химической промышленности. Так, на Новополоцком ордена Трудового Красного Знамени нефтеперерабатывающем заводе партийное бюро, цеховые комитеты профсоюзов разработали новое положение о социалистическом соревновании между бригадами каждой технологической установки. При подведении итогов здесь учитывались участие в общественной жизни и культура производства, количество поданных рацпредложений и соблюдение технологического режима, трудовая и производственная дисциплина, выполнение правил техники безопасности. Важное значение партбюро придавало главному соревнованию. Моральное и материальное поощрение победителей проходило, как правило, в торжественной обстановке, при участии всего коллектива.

В результате коллектив предприятия добился самой высокой выработки на одного рабочего среди заводов отрасли. К концу 1973 года по сравнению с тем же периодом 1972 производительность труда на заводе повысилась на 15,6 %³. А коллектив Новополоцкого химического комбината, увеличив проектную мощность установок, повысив на 18 % производительность труда на основе использования передового опыта, добился самой низкой в стране себестоимости продукции. В течение 13 кварталов предприятие занимало призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Много внимания социалистическому соревнованию уделяли партийный комитет и профсоюзная организация Могилевского комбината синтетического волокна. Широкое распространение здесь получило соревнование между бригадами, сменами, участками, а также соревнование за звание «Лучший аппаратчик цеха», «Лучший мастер», «Лучший начальник смены». Партийная организация и профсоюзный комитет комбината внимательно относились к починам передовых работников производства. Так, выступая на открытом партийном собрании в марте 1971 года, старшая аппаратчица химического производства, делегат XXVII съезда КПБ О. Е. Пахомова призвала работников комбината принять личные планы-обязательства на 1971—1975 годы. Эта инициатива была одобрена парткомом и широко поддержана инженерно-техническими работниками, рабочими и служащими предприятия. К декабрю 1971 года 572 инженерно-технических работника предприятия приняли личные творческие планы.

В результате за 9 месяцев 1972 года по сравнению с тем же периодом 1971 года объем реализации продукции вырос на 7 %, а ее себестоимость снизилась на 11,6 %⁴.

Выполняя решения XXIV съезда КПСС и XXVII съезда КПБ, областные комитеты партии, партийные организации предприятий добивались активного участия в соревновании каждого работника, и в первую очередь коммунистов. Быть в авангарде для коммунистов — значит «идти впереди всех по трудовой дисциплине и энергии»⁵. Ныне эта ленинская мысль воплощена в требовании партии о том, чтобы каждый коммунист был «правофланговым в шеренге строителей коммунизма»⁶.

Достоинно выполняли авангардную роль коммунисты Белорусского шинного комбината. По инициативе партийного и профсоюзных комитетов в июле 1973 года во всех цехах, участках, сменах и службах были проведены собрания, на которых каждый шинник взял повышенные индивидуальные обязательства, в цехах были созданы из активистов, новаторов штабы по руководству социалистическим соревнованием. Итоги трудового соперничества подводились ежедневно. «Боевые листки», «Молнии» оперативно сообщали о недостатках, рассказывали о достижениях передовиков. В ходе соревнования здесь родились школы по изучению передовых приемов труда. Когда сборщики В. Ковалев, С. Остапенко, Н. Лосев и другие собрали по 9 автомобильных шин, намного превысив дневное задание, в цехе немедленно организовали семинар по изучению их опыта. И уже через два дня рекорд повторили в других сменах. На экспериментальном участке была достигнута высокая выработка в производстве бортовых колец. Этот опыт изучили сборщики крупногабаритных шин. Спустя некоторое время они превзошли своих учителей⁷.

Высокую трудовую активность, инициативу и деловитость проявляли коммунисты Полоцкого завода стекловолокна, где в социалистическом соревновании и движении за коммунистический труд участвовало 94 % работающих. Размотчица завода Вистунова А. М. обязалась задание пятилетки выполнить за 4 года. Партком одобрил и широко распространил инициативу передовой работницы. Ее почин поддержали свыше 800 рабочих и к декабрю 1973 года более 200 из них закончили личную пятилетку, а 14 уже работали в счет 1977 года. Сочетая применение передовых методов, научную организацию труда с вдумчивым, грамотным подходом к порученному участку работы, многие коммунисты выступали инициаторами повышения производительности труда. Так, член КПСС, ткачиха Шкиндлер А. К. обязалась обслуживать 8 станков вместо 6. Ее примеру последовали другие ткачихи. Члены бригады коммуниста Тихонова Г. И. обязались обслуживать на некоторых ассортиментах шесть печей вместо трех по норме. Их поддержали другие бригады, в итоге прирост производительности труда за четыре года пятилетки составил 52,5 % против 42,1 по контрольному заданию⁸.

Творческое, новаторское отношение к делу на любом участке работы было характерным и для деятельности партийной и профсоюзной организаций Новополоцкого химкомбината. Коллектив этого предприятия творчески развил опыт щекинских химиков. Передовой опыт родственных предприятий страны успешно внедрялся на Гродненском химкомбинате имени С. О. Притыцкого. В конце 1973 года гродненские химики заключили договора о соревновании со Щекинским и Северодонецким химическими комбинатами. Творческая работа партийной и профсоюзных организаций позволили коллективу добиться больших успехов. Предприятию 7 раз присуждались призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании, по итогам 1972 года оно было награждено Юбилейным знаком. В ответ на Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1973 год»⁹ гродненцы обязались выпустить сверх плана 15 тыс. т фосфатных удобрений. Уже к июню комбинат дал сверх плана 12 тыс. т удобрений. С опережением выполнялись и другие обязательства коллектива¹⁰. Впереди были гродненцы и в соревновании с химиками Щекино и Северодонецка.

Особый размах соревнование приобрело после январского, 1975 года, Постановления ЦК КПСС «О Всесоюзном социалистическом соревновании работников промышленности, строительства и транспорта за досрочное выполнение народнохозяйственного плана на 1975 год и успешное завершение девятой пятилетки»¹¹ и апрельского (1975) Пленума

ЦК КПСС, принявшего решение о созыве XXV съезда КПСС. ЦК КПБ, одобрив массовый патриотический почин, принял постановление «Об инициативе коллективов промышленных предприятий республики по развитию социалистического соревнования за достойную встречу XXV съезда КПСС»¹². Эти документы нашли широкий отклик у трудящихся республики. Встав на предсъездовскую вахту, коллектив Гродненского объединения «Азот», например, принял повышенные социалистические обязательства: выпустить сверх плана 440 тыс. т минеральных удобрений, реализовать продукции на 12,7 млн. рублей, получить сверхплановой прибыли 22 млн. рублей¹³. К 30 ноября, на две недели раньше срока, коллектив объединения выполнил план завершающего года пятилетки и взял дополнительные обязательства—выпустить к XXV съезду КПСС 156 тыс. т удобрений.

Шахтеры первого рудоуправления комбината «Беларуськалий» обязались выполнить пятилетку в октябре, выдать на гора вместо 50 тыс. т сверхплановой руды не менее 60 тыс. т. Горняки трудились с полной отдачей. Так, бригада коммуниста С. М. Янчевского на комбайне ПК-8 достигла выработки на одного человека 8.266 т руды в месяц, что превышало производительность комбайнов этого типа в 2,3 раза. Повышенные социалистические обязательства в честь XXV съезда принял и коллектив Белорусского шинного комбината. На предприятии широко развернулось соревнование под девизом «Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами», были приняты обязательства освоить третью очередь завода крупногабаритных шин за 4 месяца вместо 10 по нормативу¹⁴.

В результате напряженной работы всех коллективов за 1971—1975 годы объем продукции, выпускаемой химической и нефтехимической промышленностью республики, увеличился в 2,7 раза¹⁵. Все это явилось следствием умелого партийного руководства социалистическим соревнованием, развития инициативы и творчества масс.

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1972, т. 10, с. 488.

² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2367, л. 43—44.

³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 55, д. 124, л. 3.

⁴ ПА Могилевского ОК КПБ, ф. 6406, оп. 1, д. 16, л. 43; д. 14, л. 47.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 307.

⁶ XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет.— М., 1976, т. 1, с. 89.

⁷ См.: Советская Белоруссия, 1973, 24 июля.

⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 55, д. 124, л. 97, 99.

⁹ См.: Правда, 1973, 6 января.

¹⁰ См.: Советская Белоруссия, 1973, 27 мая.

¹¹ Там же, 1975, 11 января.

¹² Там же, 1975, 17 мая.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 55, д. 125, л. 62.

¹⁴ Советская Белоруссия, 1975, 30 ноября; 7 января; 27 декабря; 14 января.

¹⁵ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 269, л. 6.

Л. В. ШАТЕРНИК

ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССИИ НА ГЕРОИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ КПСС И СОВЕТСКОГО НАРОДА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (1965—1970)

Коммунистическая партия предъявляет к советским специалистам высокие требования, добиваясь «того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего—как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения»¹.

В формировании коммунистической убежденности, в воспитании студентов на героических традициях особую роль играют общественные науки. История КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономия и научный коммунизм помогают студентам усваивать опыт старших поколений по революционному преобразованию мира, приобщают к героическим страницам прошлого и настоящего нашей Родины, учат бережливо-

му, уважительному отношению к традициям революционной борьбы и социалистического строительства, воспитывают желание следовать им.

Геронко-патриотическое воспитание студентов в процессе изучения общественных наук занимало значительное место в деятельности партийных организаций Белоруссии в 1965—1970 годах. Основные направления и формы деятельности вузовских коллективов в этот период определялись решениями XXIII съезда КПСС, XXVI съезда КП Белоруссии, партийными документами, принятыми в связи с празднованием таких важных юбилеев в жизни страны, как 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 50-летие образования БССР и Компартии Белоруссии.

Значительное влияние на повышение уровня преподавания общественных наук, возрастание их роли в воспитании студенческой молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях КПСС и советского народа оказало постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»². ЦК КП Белоруссии разработал мероприятия по осуществлению этого постановления. Обкомы, горкомы, райкомы КПБ получили конкретные задания по улучшению руководства партийными организациями высших учебных заведений, повышению роли и ответственности кафедр общественных наук в воспитании студентов в духе марксизма-ленинизма, патриотических традиций советского народа. В результате областные, городские, районные комитеты КПБ, вузовские парторганизации усилили внимание к вопросам воспитания студенческой молодежи в процессе изучения марксистско-ленинской теории. Партийные организации БГУ, БПИ, Брестского и Витебского пединститутов, Гродненского медицинского и других вузов заметно улучшили идейно-патриотическую работу со студентами. Пропаганда славных традиций прошлого стала теснее увязываться с жизнью студентов, их учебой, трудом, общественно-политической деятельностью. Значительно активизировалось изучение жизни и деятельности В. И. Ленина, ленинского теоретического наследия.

Раскрытие образа В. И. Ленина, выдающегося коммуниста-революционера, жизнь которого стала образцом для многих поколений людей, имеет особое значение для героико-патриотического воспитания студентов. Кафедры общественных наук вузов республики особенно широко развернули эту работу в период празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Преподаватели общественных наук умело использовали публицистическую, художественную, мемуарную литературу, раскрывающую многогранную личность великого вождя. Произведения А. М. Горького, В. В. Маяковского, Д. Ведного, воспоминания соратников В. И. Ленина помогали преподавателям глубже и ярче раскрывать такие ленинские черты характера, как вера в победу пролетарской революции, политическая мудрость, прозорливость, любовь к трудящимся, простота и скромность.

В вузах Минска, Бреста, Гомеля и других городов республики студенты готовили доклады и рефераты по ленинской тематике. Со своими сообщениями студенты выступали как на семинарах, так и на студенческих научных конференциях. В БГУ имени В. И. Ленина только в 1969/1970 учебном году было подготовлено более 400 таких докладов, в БПИ — 156³. Кафедры общественных наук БГУ имени В. И. Ленина, Белорусского технологического, Могилевского машиностроительного, Витебского технологического институтов умело использовали демонстрацию кинофильмов о Ленине, прослушивание грампластинок с записью речей Владимира Ильича, его соратников, выступлений ветеранов революции, войн, труда, первых комсомольцев. При изучении темы «Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны» кафедрой истории КПСС естественных факультетов БГУ практиковалось прослушивание записей выступлений В. И. Ленина: «О крестьянах-середняках», «Что такое Советская власть?», «Разговор с Г. Уэллсом» и других. Перед студентами часто выступали ветераны революции, встречавшиеся с В. И. Лениным. Плодотворную работу по пропаганде героических традиций проводили коммунисты-ветераны, работавшие на кафедрах общественных наук БГУ, МПИ имени Горького, БИНХ и других вузов.

Практика показывает, что воспитание у молодежи патриотических чувств наиболее действенно тогда, когда оно опирается на изучение истории местных партийных организаций, преломляется через традиции родного края. В постановлении ЦК КП Белоруссии от 27 февраля 1968 года

«О 50-летию Белорусской Советской Социалистической Республики» подчеркивалась необходимость использования славной истории БССР и Компартии Белоруссии в воспитании молодежи в духе героических традиций⁴. В связи с этим преподаватели кафедр общественных наук вузов республики в лекциях и на семинарах стали шире использовать материалы из исторического прошлого белорусского народа, становления Советской власти, массового героизма трудящихся республики во время Великой Отечественной войны, мирного строительства. Семинарские занятия по отдельным темам стали проводиться в музеях, на передовых предприятиях. В курсовых и дипломных работах студентов значительно увеличилось количество тем, посвященных героической истории Белоруссии.

Широкое использование местного материала, регулярное проведение экскурсий, семинарских занятий в музеях, производственных коллективах получили широкое распространение в БГУ, БПИ, БИНХ, Брестском педагогическом, Могилевском машиностроительном и других вузах. Кафедрой истории КПСС и научного коммунизма Брестского педагогического института в 1968/1969 учебном году было проведено 10 семинарских занятий на заводах «Газоаппарат», электроламповом, ковровом комбинате, колхозе «Советская Белоруссия» Каменецкого района⁵.

Эффективному использованию героических традиций республики в воспитании студентов способствовало то, что многие преподаватели общественных наук в своей научно-исследовательской работе значительное место уделяли изучению революционного боевого прошлого Белоруссии. При самом активном участии их были написаны «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии» (1967, 1968). Ряд серьезных научных трудов, посвященных истории Компартии Белоруссии, был издан научными работниками БГУ, МРТИ, МГПИ, БИИЖТа.

Эстафету в исследованиях героических традиций трудящихся Белоруссии из рук преподавателей приняли студенты. В курсовых, дипломных работах, рефератах они широко освещали события 1905, 1917 годов, героические подвиги партизан и подпольщиков Белоруссии во время Великой Отечественной войны, участие молодежи, студентов в исторических событиях страны, вопросы воспитания молодежи на патриотических традициях. Отдельные студенты, подготовив реферат и выступив с ним на семинарском занятии, дорабатывали его и получали возможность выступить перед более широкой аудиторией. Так, четыре студента БГУ в мае 1967 года выступили в Одессе на всесоюзной студенческой научной конференции «Революционные традиции Великой Октябрьской социалистической революции — могучее оружие коммунистического воспитания»⁶.

Широкие возможности для воспитания студенческой молодежи на героических традициях партии и народа открыли проводимые с 1966 года конкурсы студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. Кафедры общественных наук вузов республики принимали активное участие в проводимых конкурсах. Проведение таких конкурсов получило признание, число их участников постоянно увеличивалось. Если в I конкурсе, состоявшемся в 1966—1967 годах, участвовало 11,5 тыс. студентов республики, то уже в III, в 1970 году — 48 тыс.⁷

Работа кафедр общественных наук по пропаганде и организации конкурсов проводилась под руководством партийных комитетов. Регулярно вопросы участия студентов в конкурсах рассматривали партийные организации БГУ, БПИ, МГПИ, МГПИИЯ, Витебского технологического и других вузов. В результате научные работы студентов названных вузов чаще других удостоивались высокой оценки жюри республиканских и всесоюзных конкурсов. Так, в 1970 году на III Всесоюзном конкурсе пять работ студентов БГУ получили самые высокие оценки, шесть — были удостоены вторых и третьих премий⁸. Ведущее место в конкурсных исследованиях занимала ленинская тема. На республиканском конкурсе в 1970 году, например, получили первую категорию следующие работы: «Боец ленинской партии», «В. И. Ленин и Белоруссия», «Издание и распространение произведений В. И. Ленина в Белоруссии», «В. И. Ленин и проблемы традиций» и другие. Большое значение для героико-патриотического воспитания будущих специалистов имеет исследование революционных, боевых, трудовых традиций родного края, истории местных партийных, комсомольских организаций, высших учебных заведений. Такая:

тематика была широко представлена в конкурсных работах БПИ, Витебского технологического, Гродненского и Брестского пединститутов.

Сегодня всесоюзный конкурс студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения стал неотъемлемой частью учебного процесса кафедр общественных наук. Партийным организациям вузов, кафедрам общественных наук целесообразно было бы расширить тематику студенческих научных работ, чаще привлекать внимание студентов к исследованиям героических дел современников, разоблачению попыток буржуазной пропаганды фальсифицировать подлинные взаимоотношения между поколениями советских людей, стремление противопоставить их друг другу.

Таким образом, партийные организации, кафедры общественных наук вузов Белоруссии в 1965—1970 годах уделяли серьезное внимание вопросам воспитания студенчества на героических традициях КПСС и советского народа и добились в этом определенных положительных результатов.

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи.— М., 1983, с. 293.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.— М., 1972. т. 9, с. 342.

³ ПА Минского ОК КПБ, ф. 1996, оп. 1, д. 71, л. 25; ЦГАОР БССР, ф. 1220, оп. 1, д. 1662, л. 154.

⁴ См.: Коммунист Белоруссии, 1968, № 3.

⁵ ЦГАОР БССР, ф. 1220, оп. 1, д. 1620, л. 193.

⁶ Там же, д. 1241, л. 128.

⁷ ПА НИП при ЦК КПБ, ф. 63, оп. 7, д. 169, л. 191; д. 222, л. 91.

⁸ ПА Минского ОК КПБ, ф. 370, оп. 2, д. 53, л. 29.

ВЕРНЕР МЭГДЭФРАУ, ЭРИКА ЛАНГЕР

ТЮРИНГСКО-ГАНЗЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Исследуя отношения тюрингских городов с Ганзой, нужно исходить из факта, что они ранее всего установили связи с западноганзейскими городами. В списках членов Рейнского союза городов, заключенного в 1254 году, есть и тюрингский город Мюльхаузен¹.

Для имперского города Мюльхаузена, который имел по соседству лишь несколько дружественных городов, похожих на него по значению и экономическим интересам, могла уже в 1220 и 1231—1232 годах в связи с введением гогенштауфенских имперских законов быть создана почва, на которой в обстановке внутреннего ослабления Германии королевская защита становилась менее эффективной, чем присоединение к союзу высокоразвитых городов на западе страны. В Мюльхаузене в 1256 году было фактически реализовано освобождение от сеньориальной власти. Все же отмеченный для середины XIII века высокий уровень связей между Мюльхаузенем и рейнскими городами нельзя объяснить только совершенно одинаковыми политическими интересами.

В образовании союзов городов доминировали, особенно на ранних этапах, экономические мотивы как результат глубоких социальных и экономических изменений. Выходящий за рамки региона характер Рейнского союза городов следует понимать как результат действия сильно развитых и далеко не ограниченных долиной Рейна хозяйственных связей. Общие экономические интересы в первую очередь потребовали присоединения тюрингского имперского города к Рейнскому союзу городов. Особенно тесные связи сложились у Мюльхаузена с Кёльном². Базой отношений между Кёльном и тюрингскими городами была торговля сукном. В этом существенную роль играло то обстоятельство, что уже в XII и XIII веках Фландрия обеспечивала большую часть Европы своими превосходными сукнами³. Значительную роль в этой торговле играл и северо-ганзейский город Любек, который благодаря выгодному географическому положению (в зоне его операций находились Северное и Балтийское моря, а также устье Эльбы) приобрел большое значение для тюрингских городов. Кроме Мюльхаузена, в разносторонние связи западноганзейскими городами были к концу XIII века вовлечены Эрфурт и Нордхаузен⁴.

В XIV и XV веках, когда в торговле сукном центральное место заняли франкфуртские ярмарки, способствовавшие дальнейшему развитию тор-

говли между Кёльном и тюрингскими городами, купцы из Эрфурта, Мюльхаузена и Нордхаузена встречались в Кёльне, выполнявшем роль посредника.

С развитием товарно-денежных отношений и усилением противоречий между городами и феодальными сеньорами к началу XIV века тюрингский союз городов, как и другие немецкие союзы городов, внутренне консолидировался. Он решительно выступил против дворянства и князей, защищая торговые пути, борясь за расширение автономии и самоуправления. В результате возобновленных соглашений этот союз просуществовал почти 180 лет; в 1469 году он был последний раз продлен на двенадцать лет. Сближение с ганзейской торговой системой позволило тюрингскому союзу городов успешно противостоять притязаниям феодалов. В XIV веке связи с Ганзой становились жизненно важными для тюрингских городов.

Тюрингские города, несмотря на их немалый ремесленный потенциал, развитие и прочные экономические связи с деревней, на обширную экспортную торговлю, были не настолько сильны, чтобы играть относительно самостоятельную роль в масштабах всей Германии.

Одним из главных направлений деятельности этого союза была защита торговых путей. Кроме стабилизации своего союза, тюрингские города стремились к укреплению связей с Ганзой. В первые десятилетия XV века тюрингско-ганзейские связи достигли расцвета. В 20 и 30-е годы XV века тюрингские города стали постоянными поставщиками сукна на северные и северо-восточные рынки Ганзы. Для транзитной торговли сукном с востоком и юго-востоком Европы использовались главным образом сухопутные пути. По данным некоторых источников, партии сукна следовали с запада через Кёльн и Эрфурт на Бреслау (Вроцлав)⁵. Это подтверждает, что тюрингские города, и прежде всего Эрфурт, были для Ганзы ее южными форпостами. В первых десятилетиях эта посредническая функция тюрингских городов приобрела еще большее значение для Ганзы.

В период между Кёльнской конфедерацией (1367) и 20-ми годами XV века союзный характер Ганзы укрепился. Для тюрингского союза городов это означало не только интенсификацию экономических связей, но и сближение с Ганзой на политической арене. Ганзейские города рассчитывали на выполнение тюрингским союзом городов союзнических обязательств в саксонском регионе. Особую активность в этом плане развивали саксонские города, союз которых особенно укрепился с образованием в 1426 году госларского союза городов⁶.

Большой интерес представляет отношение тюрингского союза городов к гуситскому движению в Чехии. Патрицианская верхушка испытала панический страх за свое социальное и политическое могущество. Гуситская идеология, несмотря на неприятие ее средними слоями, находила сильный отклик у городского плебса и крестьян. Страх высших слоев городского населения перед распространением гуситских идей среди оппозиции способствовал тому, что тюрингский союз городов примкнул к госларскому союзу. Вендские города, игравшие в Ганзе ключевую роль, со своей стороны приложили немало усилий, чтобы укрепить связи городов средней Германии с Ганзой, тем более в обстановке, когда внешнеполитическое и экономическое положение Ганзы начало ухудшаться.

Союз тюрингских городов с хальберштадской группой ганзейских городов и прежде всего принадлежность к госларскому союзу городов являлись высшей точкой в развитии тюрингско-ганзейских отношений в средние века. Эти отношения означали ранее недостижимую кульминацию в совпадении экономических и политических интересов, развитии межгородской организации, концентрации сил бюргерства в Нижней и Средней Германии. Выход из госларского союза означал для Эрфурта, Мюльхаузена и Нордхаузена ослабление их близости и освобождение от обязательств в системе политических соглашений с Ганзой. Однако его нельзя интерпретировать как разрыв с союзом городов. Связи тюрингских городов с Ганзой, которые обнаруживаются с XIII века, продолжали развиваться и во второй половине XV века.

⁵ См.: Mägdefrau W. Der Thüringer Städtebund im Mittelalter.— Weimar, 1976; Geschichte Thüringens / Hrsg. von H. Patze und W. Schlesinger.— Köln—Wien, Bd. 11, Teil 1—2, 1973—1974; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse.— Berlin, 1974; Weizsäcker J. Der Rheinische Bund 1254.— Tübingen, 1879, S. 28.

⁶ См.: Günther G. Mühlhausen in Thüringen: 1200 Jahre Geschichte der Thomas-Müntzer-Stadt.— Berlin, 1975, S. 24; Mägdefrau W. Überregionale Kontakte und

Fernhandelsbeziehungen thüringischer Städte im späten Mittelalter.— *Alt-Thüringen* 13, 1975, S. 324 ff.

³ См.: Szekely G. Niederländische und englische Tucharten im Mitteleuropas des 13.—17. Jh.—*Annales Universitatis Scientiarum Budapestiensis, Sectio Historica*, Bd. 8.—Budapest, 1966, S. 11—42; Ammann H. Deutschland und die Tuchindustrie Nordwesteuropas im Mittelalter. *Hänsische Geschichtsblätter*. Hf. 72(1954), S. 1ff.

⁴ См.: Kuske B. Die Kölner Handelsbeziehungen im 15. jh.—*VSWG* 7(1909), S. 304.

⁵ См.: Quellen zur Geschichte des Kölner Handels und Verkehrs im Mittelalter/Hrsg. von B. Kuske.—Bonn, 1917, Bd. 1, № 372.

⁶ *Hänsisches Urkundenbuch*, Bd. 6, № 624.

Ю. В. ИВАНОВСКИЙ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРТИИ БЕЛОРУССИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РАБОТЫ С ПИСЬМАМИ ТРУДЯЩИХСЯ (1976—1984)

В практической деятельности партии по расширению и укреплению связей с массами В. И. Ленин придавал особое значение письмам трудящихся, отмечал необходимость «обязательно приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьезное значение и приводят к серьезным результатам»¹. Творчески развивая ленинские принципы и нормы в документах съездов, постановлениях ЦК КПСС, Коммунистическая партия рассматривает работу с письмами, поступающими в партийные и государственные органы, как непосредственное участие народных масс в решении социально-экономических задач развитого социализма и важнейший участок партийного строительства.

Для успешной реализации установок XXV и XXVI съездов КПСС по совершенствованию работы с письмами в Компартии Белоруссии осуществлен ряд организационных и политико-воспитательных мероприятий. Постановления ЦК КПСС по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся обсуждались на пленумах обкомов, горкомов, райкомов КПБ, в первичных партийных организациях. В сентябре 1979 года XIX пленум ЦК Компартии Белоруссии рассмотрел вопрос «О дальнейшем совершенствовании работы с письмами и улучшении приема трудящихся в партийных, советских и других органах республики»².

За 1976—1980 годы в ЦК КПБ поступило 93 тыс. писем. Более половины из них рассматривалось и контролировалось работниками аппарата³. Секретари, заведующие отделами регулярно информировались о характере поступающих писем. Отраслевые отделы систематически изучали состояние работы с письмами в областных, городских, районных и первичных партийных организациях, министерствах и ведомствах. На основании проведенного анализа отдел пропаганды и агитации, например, рекомендовал партийным комитетам активно использовать письма трудящихся как источник информации о настроениях широких масс, обобщать поступающие предложения и замечания. Лучший опыт партийных и государственных организаций в работе с письмами, актуальные предложения по проблемам экономического и социального развития, изложенные в обращениях трудящихся, явились основой для принятия Бюро и секретариатом ЦК КПБ свыше 50 постановлений текущего и долгосрочного характера.

Целенаправленная работа по выполнению требований ЦК КПБ осуществлялась партийными организациями республики. Мероприятия по улучшению стиля, форм и методов работы с письмами учитывались в перспективных и текущих планах работы обкомов, горкомов и райкомов партии, при подготовке предложений на бюро и секретариат. Только в 1978 году, например, отделами Гомельского обкома подготовлено 25 записок и постановлений по вопросам, поднятым в письмах трудящихся. Горкомы и райкомы партии области за этот период обсудили 153 аналогичных вопроса⁴. Анализ писем и заявлений трудящихся, проведенный Брестским обкомом КПБ, послужил основой для принятия специального постановления об удовлетворении бытовых нужд населения Бреста. Обсуждение постановления проводилось во всех первичных партийных организациях, на заседаниях исполкомов районных Советов народных депутатов, собраниях актива городской партийной организации, сессии городского Совета народных депутатов. Партийные комитеты города обобщили

критические замечания и предложения, высказанные при обсуждении этого вопроса, разработали мероприятия по устранению недостатков⁵.

В организации коллективного мнения трудящихся, для решения задач политического руководства Оршанский горком КПБ использует информационно-аналитическую систему работы с письменными и устными обращениями. Общий отдел после рассмотрения почты первым секретарем производит регистрацию писем по номерам, характеру, предприятиям и учреждениям. Анализ получаемой горкомом корреспонденции проводится по определенным направлениям (деятельность партийных, государственных, общественных организаций; работа предприятий промышленности, строительства, транспорта, связи; трудоустройство; социальное обеспечение и т. д.). Осуществляя комплексное изучение писем по категориям населения, городской комитет партии уделяет особое внимание решению поднимаемых в почте вопросов и проблем. Активное участие в этом принимают работники аппарата, члены горкомов КПБ, партийной комиссии, депутаты городского Совета народных депутатов, народные контролеры.

Определенный опыт работы с письмами и заявлениями накоплен в Чериковском райкоме КПБ. Все поступающие письма исполняются в отделах райкома. Секретари ежемесячно информируются о количестве и содержании писем, ежеквартально — о результатах рассмотрения. В отделах райкома заслушиваются отчеты первичных партийных организаций, хозяйственных руководителей о мерах по совершенствованию этой работы. Вопросы ее улучшения обсуждаются на заседаниях бюро райкома КПБ, собраниях партийной организации аппарата. Практикуются выступления перед населением секретарей, заведующих отделами райкома партии, народных депутатов с информацией о результатах рассмотрения писем.

Учитывая роль трудовых коллективов в развитии политической активности масс, партийные комитеты стали требовать от низовых звеньев совершенствования работы с письменными и устными обращениями. На местах проводятся обсуждения специальных отчетов партийных комитетов и первичных партийных организаций по вопросам работы с письмами и предложениями трудящихся. Партийное бюро Брестской фабрики верхнего трикотажа, например, глубоко и всесторонне изучает предложения рабочих и служащих. Все предложения рассматриваются здесь в установленные сроки, многие из них учитываются при разработке коллективных договоров, в организаторской и идейно-воспитательной работе. Периодически на цеховых рабочих собраниях по инициативе партийного бюро заслушиваются отчеты администрации, проводятся вечера вопросов и ответов. Широко используются на предприятии выступления информационно-пропагандистских групп горкома и райкома партии. Сложившаяся система способствовала сокращению количества письменных жалоб в 1981 году по сравнению с 1979 в пять, а устных — почти в два раза⁶.

Вопросы работы с письмами рассматриваются партийными организациями и при изучении различных сторон политической и организаторской работы в массах. Так, на пленуме Московского райкома КПБ города Минска при обсуждении состояния контроля и проверки исполнения принимаемых решений, повышения активности коммунистов, всех трудящихся района по выполнению задач, поставленных XXV съездом КПСС, поднимались и вопросы работы с письмами. Пленум рекомендовал партийным комитетам, первичным партийным организациям, руководителям государственных и общественных организаций, учреждений принять необходимые меры по выполнению указаний ЦК КПСС и ЦК КПБ об улучшении этой работы⁷.

ЦК КПБ, обкомы, горкомы, райкомы партии обсуждают на заседаниях секретариатов и бюро записки о результатах работы партийных комитетов с письмами трудящихся. Как правило, в таких документах аналитического характера детально показывается состояние дел, выявляются недостатки, намечаются конкретные меры по их устранению. Такой подход к вопросам совершенствования работы с письмами трудящихся, использованию содержащейся в них информации для принятия конкретных решений характерен для Гродненского, Витебского, Могилевского обкомов, Молодечненского, Пинского, Столбцовского, Быховского, Ивановского, Городокского, Браславского райкомов КПБ, многих партийных комитетов.

В ходе выполнения решений XXV и XXVI съездов КПСС в республике получили распространение новые формы активного привлечения трудящихся к участию в управлении производством и общественными делами.

Одной из таких форм стали дни открытого письма в трудовых коллективах. Их проведению предшествует большая подготовительная работа партийных комитетов. Так, за месяц до проведения Оршанским горкомом КПБ дня открытого письма в цехах производственного объединения «Стройматериалы» были вывешены почтовые ящики с обращениями к работникам принять участие в обсуждении темы «Каждую рабочую минуту — на службу XI пятилетке». В ходе обсуждения рабочие объединения Ю. Алексин, Т. Романова, Т. Хританькова, В. Шпирун и другие внесли предложения, направленные на повышение эффективности производства и производительности труда, укрепление дисциплины, усиление экономии и бережливости, улучшение торгового, бытового, медицинского и культурного обслуживания. Реализацию этих предложений контролируют горком партии, исполком городского Совета народных депутатов, партийная и профсоюзная организации объединения⁸.

Партийные комитеты Компартии Белоруссии не только сами постоянно совершенствуют работу с письмами, но и добиваются этого от государственных, общественных и хозяйственных органов. Забота и практическая помощь, например, Советам народных депутатов значительно активизировали претворение в жизнь конструктивных предложений, содержащихся в письмах трудящихся, в наказах избирателей. Так, на одном из заседаний Президиума Верховного Совета СССР была одобрена деятельность Советов народных депутатов Белоруссии с наказами избирателей. Отмечалось, что Советы, укрепляя связи с массами, под руководством партийных организаций ведут активную работу по реализации наказов, которые выражают насущные запросы населения, конкретные интересы отдельных групп трудящихся⁹.

Совершенствованию работы с письмами в Компартии Белоруссии содействовали такие формы, как письма ЦК КПСС, ЦК КПБ передовым трудовым коллективам и ударникам коммунистического труда, публикации в печати писем-обращений знатных людей республики, встречи ответственных партийных работников в период проведения единых политдней с трудящимися, введение постоянных рубрик в партийных газетах, на радио и телевидении, изучение общественного мнения с помощью социологических исследований и другие. Такой деловой, конкретный подход партийных комитетов Белоруссии к работе с письмами способствовал повышению сознательности и активности трудящихся, укреплению связей республиканской партийной организации с массами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 224.

² См.: Советская Белоруссия, 1979, 14 сентября.

³ См.: Материалы XXIX съезда Коммунистической партии Белоруссии. — Минск, 1981, с. 61.

⁴ Советская Белоруссия, 1979, 19 октября.

⁵ См.: Коммунист Белоруссии, 1979, № 12, с. 77.

⁶ См.: Совершенствование стиля партийной работы. — Минск, 1983, с. 142.

⁷ Партархив Минского ОК КПБ, ф. 1, оп. 70, д. 40, л. 23.

⁸ См.: Политинформатор и агитатор, 1983, № 19, с. 14.

⁹ См.: Черненко К. У. Некоторые вопросы творческого развития стиля партийной и государственной работы. — М., 1978, с. 164.

В. А. КОСТЕНИЧ

ПРЕДМЕТ НАУКИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Современный уровень развития науки, связанный с превращением ее в непосредственную производительную силу общества, требует более четкого планирования и управления научной деятельностью. На июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто, что неперенным условием и предпосылкой успешного развития науки является «мировоззренческая четкость» и «методологическая дисциплина мысли»¹.

Методология научного познания как важнейший компонент (средство) оптимизации научной деятельности призвана, во-первых, зафиксировать механизмы формирования, функционирования и развития научного знания, во-вторых, раскрыть его социокультурную детерминированность и, в-третьих, сформулировать продуктивные рекомендации о возможных направлениях дальнейшего развития науки.

Решение этих актуальных задач предполагает выработку соответствующей **системы понятий**, выступающих в рамках методологии науки в качестве наиболее общих **средств** анализа научной деятельности. Что же это за средства? Так, например, по мнению Э. Г. Юдина, центральными, с точки зрения методологии, являются понятия «познавательной ситуации», «объекта исследования», «предмета исследования», «эмпирической области» и «средств исследования»². В принципе можно согласиться с подобной, весьма общей, фиксацией основных логико-понятийных стратегий методологического исследования. И все же позиция Э. Г. Юдина, в которой в общем-то верно схвачены многие из основополагающих характеристик научной деятельности, нуждается, на наш взгляд, в определенной конкретизации и уточнении. Здесь следует обосновать ту точку зрения, согласно которой ведущую роль в методологическом анализе науки играет понятие «предмета науки», фокусирующее в своем содержании смысловые параметры всех остальных понятий методологии науки, и прежде всего таких, как «теория», «научная картина мира» (НКМ), «мировоззренческие основания науки». С этой целью в статье осуществляется своеобразная реконструкция тех смыслов и значений, которые вкладываются различными исследователями в объем и содержание понятия «предмет науки» (предмет научного исследования).

Выражением одной из наиболее традиционных точек зрения о методологическом статусе предмета науки служит позиция тех философов, которые концентрируют свое внимание на противопоставлении предмета науки объекту науки. По мнению сторонников этого подхода, «...определить предмет науки — значит указать на существенное и закономерное его специфического качественно определенного объекта»³. И все-таки одного лишь «указания» явно недостаточно даже в самом первом приближении, поскольку при таком подходе вольно или невольно маскируется практическая природа человеческого познания, не получает своего рационального объяснения процессуальная специфика научной деятельности.

Поэтому более приемлемыми представляются те методологические концепции, в которых акценты смещены в сторону деятельностных компонентов научного знания. Причем предмет науки рассматривается в русле этого подхода как бы в двух взаимодополнительных контекстах. Во-первых, посредством расчленения научной деятельности на отдельные познавательные акты с последующей понятийной спецификацией содержательных мо-

ментов каждого акта. Наиболее характерна в этом отношении точка зрения Э. Г. Юдина, считавшего, что «понятие предмета научного исследования... выражает зависимость всякого конкретного акта познания от существующей в данное время системы знания»⁴. Представление о предмете науки формулируется в рамках второго подхода и с помощью функционального выделения в структуре научной теории особых подсистем (блоков) знания. Так, по мнению И. С. Алексеева⁵, предмет науки, проанализированный через призму той или иной фундаментальной научной теории, может быть истолкован как своего рода «функциональная суперпозиция» (термин И. С. Алексеева) четырех основных блоков теоретической организации знания, отличающихся друг от друга типами представляемого знания. Автором выделяются Э-блок (знание о наблюдаемом), О-блок (знание о ненаблюдаемом), М-блок (математический аппарат) и У-блок (блок управления), включающий интерпретативные схемы, возникающие из взаимодействия и взаимоотображения элементов Э, О, М-блоков между собой.

Таким образом, соотнесение предмета науки с деятельностью, в которой он непосредственно формируется, и с той системой знания (теория), в которой осуществляется его функционирование, должно было бы как будто подтверждать методологическую плодотворность и достаточность второго подхода. Однако осознание фундаментальной значимости социокультурной и мировоззренческой детерминации познавательного процесса инициирует принципиально иную, не сводимую к теоретическим схемам, мировоззренчески ориентированную интерпретацию предмета научного исследования.

Понятие «предмета науки» вводится в более богатую систему семантических отношений, методологическими конструктами которой выступают «НКМ—мировоззренческие основания науки—культура». Оправданность подобного культурологического «среза» при анализе предмета науки обосновывается следующими теоретико-познавательными и методологическими соображениями.

Как убедительно свидетельствуют многочисленные реконструкции генезиса и функционирования научного знания, теория уже не может выступать в качестве исходной аналитической единицы методологии науки. Более того, в литературе показано, что «вне картины мира теория не может быть построена в завершённой форме»⁶. Отсюда следует, что именно НКМ, а не теория (и не совокупность теорий) «представляет в познании главные системно-структурные характеристики предмета исследования... НКМ задает видение этого предмета соответственно определенному этапу исторического развития науки»⁷. НКМ не просто постулирует то или иное видение и понимание предмета науки, но вводит его коррелятивно некоторому типу экспериментально-измерительной деятельности (так называемые «постулаты измерения», конкретизируемые в методологических принципах науки)⁸. Тем самым научная картина мира трансформирует фундаментальные особенности конкретно-исторической практики общества в такие формы, которые допускают содержательную смысловую интерпретацию (теория, эксперимент и др.). Выступая в качестве определенной исследовательской программы, целенаправляющей процедуры получения и систематизации научного знания, НКМ одновременно демонстрирует в своем объяснении те механизмы (исторически обусловленные идеалы и нормы обоснования и обоснования знания), с помощью которых «социальное включается в логическое и преобразует его»⁹.

Таким образом, построение методологически эффективной модели предмета научного исследования предполагает учет, по крайней мере, трех взаимосвязанных факторов. Прежде всего понятие «предмета науки» должно органично (т. е. содержательно и непротиворечиво) вписываться в структуру основных методологических регулятивов научного познания, представленных НКМ, идеалами и нормами познания и мировоззренческими основаниями науки. Далее. Концептуальная структура предмета научного исследования должна быть содержательно полной. Иначе говоря, она обязана эксплицировать те диалектико-логические **принципы** объяснения и понимания предмета науки, которые характеризуют его в границах определенных историко-научных, историко-культурных и методологических традиций.

Проведенный выше сравнительный анализ методологических концепций предмета науки позволяет, на наш взгляд, определить предмет научного исследования как конкретно-исторически обусловленное диалекти-

ческое единство субстратно-субстанциональных, операционально-деятельностных и культурно-категориальных проекций (принципов понимания и объяснения) фундаментальных характеристик научной практики. Охарактеризуем кратко каждую из этих функциональных подструктур предмета науки.

1. Субстратно-субстанциональный уровень рассмотрения предмета научного исследования непосредственно связан с процедурами **онтологизации** теоретических конструкторов науки в НКМ. Предмет науки выступает при этом в качестве понятийного образа объективной реальности «самой по себе», взятой вне контекста конкретно-исторической практики общества.

2. Операционально-деятельностный компонент предмета науки характеризует предмет научного исследования не столько в форме объекта, но прежде всего в форме деятельности. На этом этапе с помощью постулатов измерения и методологических принципов науки содержательно (т. е. применительно к специфике духовного производства) конкретизируются фундаментальные закономерности общественно-исторической деятельности.

3. Культурно-категориальный аспект рассмотрения предмета научного исследования предусматривает методологическую **рационализацию** тех «предельных оснований» мироуяснения и переживания человеком (ученым) своего места в мире, которые функционируют в культуре в виде определенных категориальных структур. Специфически преломляясь в научном исследовании, категориальные структуры культуры детерминируют конкретно-исторические формы понимания предмета науки на том или ином этапе его исторического развития.

Поясним развиваемое в настоящей работе представление о предмете науки на конкретном примере из истории науки. Как известно, в своих «Математических началах натуральной философии» И. Ньютон определяет механику как «учение о движениях, производимых какими бы то ни было силами, и о силах, требуемых для производства каких бы то ни было движений»¹⁰. Посмотрим теперь, какие характеристики присущи понятию **силы** в трактовке выдающегося физика и математика А. Пуанкаре. «Идея силы, — отмечает ученый, — есть понятие **первичное** (здесь и далее выделено нами. — В. К.), мы имеем его в прямой интуиции **усилия**. Но если бы даже эта прямая интуиция, — продолжает свою мысль А. Пуанкаре, — и открывала нам истинную природу силы **самой по себе**, она была бы **недостаточна** для обоснования механики... Не важно знать, что такое сила, а важно знать как ее **измерить**»¹¹. Таким образом, А. Пуанкаре недвусмысленно указывает на необходимость дополнения субстратно-субстанционального определения силы (сила как «усилие») операционально-деятельностной характеристикой (сила, заданная с помощью процедуры измерения). Причем следует подчеркнуть, что А. Пуанкаре приходит к этому же выводу, но уже опираясь на представление о силе как о причине. «Определяя силу как **причину** движения, — считает он, — мы становимся на почву метафизики (т. е. как бы выносим рассмотрение силы в сферу философского и шире — культурного — анализа — В. К.) ... и если бы таким определением пришлось удовольствоваться, оно было бы абсолютно бесплодно. Чтобы определение могло быть к чему-либо пригодно, оно должно научить нас **измерению** силы»¹². Измерение же тогда адекватно исследуемому предмету, когда оно исходит из некоторых, как правило, актуально не осознаваемых самим ученым «гипотез», которые «вполне естественны и которых почти невозможно избежать... Так, например, — поясняет А. Пуанкаре, — трудно не предположить, что влияние очень удаленных тел ничтожно, что малые движения подчинены линейной зависимости, что действие является непрерывной функцией причины»¹³. Конкретизацией же подобных «гипотез» (постулатов измерения) служат, по мнению ученого, методологические принципы физики (принцип относительности, наименьшего действия, сохранения энергии, принцип равенства действия и противодействия и др.). В частности, наиболее общей операционально-деятельностной схемой объяснения силы служит принцип равенства действия и противодействия¹⁴.

Таким образом, пример с трактовкой понятия силы в рамках классической механики убедительно свидетельствует, на наш взгляд, в пользу рассмотрения предмета науки в единстве его субстратно-субстанциональных (онтологических), деятельностных и категориальных компонентов, а следовательно, и о методологической обоснованности рассмотрения пред-

мета научного исследования через призму той или иной НКМ, в которой находят свое концентрированное концептуальное выражение фундаментальные характеристики научного познания.

¹ См.: Философские науки, 1983, № 5, с. 18.

² См.: Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности.— М., 1978, с. 51.

³ Демичев В. А. Объект и предмет науки.— Философские науки, 1983, № 5, с. 131.

⁴ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности, с. 59.

⁵ См.: Алексеев И. С. Структура механики Ньютона.— В кн.: Системный анализ и научное знание.— М., 1978, с. 229.

⁶ Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска.— В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с. 18.

⁷ Степин В. С. Структура и эволюция теоретических знаний.— В кн.: Природа научного познания. Минск, 1979, с. 186.

⁸ См.: Степин В. С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска, с. 28.

⁹ Микulinский С. Р. Методологические вопросы историко-научного исследования.— В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, с. 32.

¹⁰ Ньютон И. Математические начала натуральной философии.— В кн.: Кр ялов А. Н. Собр. трудов. М., 1936, т. 7, с. 2.

¹¹ Пуанкаре А. О науке.— М., 1983, с. 72—73.

¹² Там же, с. 68.

¹³ Там же, с. 98.

¹⁴ Там же, с. 235—236.

С. К. КЛЕСОВ

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДНЫХ СИСТЕМ

XXVI съезд КПСС обратил особое внимание советских ученых на необходимость активизации усилий по изучению строения, состава и эволюции Земли, биосферы, климата, Мирового океана с целью рационального использования их ресурсов, прогнозирования погоды и других явлений природы, повышения эффективности мероприятий в области охраны окружающей среды¹. Основная задача этих исследований состоит в выявлении механизмов поддержания равновесных состояний между компонентами природных систем. Их изучение позволило включить в понятийный аппарат современной науки принцип динамического равновесия.

Значение принципа динамического равновесия для познания механизмов функционирования природных систем было всесторонне обосновано выдающимся советским ученым, академиком В. И. Вернадским. Его выводы о значении этого принципа в исследовании механизмов функционирования природных систем следует использовать в обосновании путей и методов решения современных экологических проблем. При этом особое значение имеет использование данного принципа для выяснения места и роли гидросферы в поддержании устойчивого функционирования природных систем.

Одним из характерных свойств любой материальной системы является ее способность сохранять состояние равновесия. Поддержание состояния подвижного равновесия выражает устойчивость системы. «Равновесие выражает аспект устойчивости, основанный на равенстве протекания процессов в противоположных направлениях»². Как подчеркивал Ф. Энгельс, «равновесие неотделимо от движения»³. Равновесие обнаруживает себя только в движении, но движение есть изменение. Следовательно, динамическое равновесие выступает как единство устойчивости и изменчивости. Это положение легло в основу определения динамического равновесия, которое рассматривается как «единство сохранения и изменения»⁴. В данном случае сохранение понимается как устойчивость как устойчиво специфических форм движения, различных состояний и траекторий, стационарных процессов и т. д.

Единство устойчивости и изменчивости присуще всем формам движения материи, хотя и имеет свою специфику в пределах каждой из них. Понятие равновесия характеризует систему, выражая одну из сторон ее устойчивости. Устойчивость — одна из универсальных характеристик материальных систем. Неустойчивые системы не способны к длительному существованию. Структура системы, находящаяся в равновесии, включает в себе противоположные процессы, взаимно нейтрализующиеся на

определенном уровне. Устойчивость может характеризовать равновесные и неравновесные состояния, проявляющиеся в пределах системы и выраженные состояниями симметрии и асимметрии. Для динамического равновесия характерны черты инвариантности, которые представляют собой величины, остающиеся неизменными, постоянными в ходе отдельных преобразований системы, например, количество движения, баланс, уровень, ритм и др.

Следовательно, законы сохранения, проявляемые в динамическом равновесии природных систем, выражаются такими категориями и понятиями, как устойчивость, изменчивость, инвариантность, симметрия и асимметрия. Принцип противоречия дает возможность понять сущность динамического равновесия. Противоречивая природа любой вещи, явления, процесса обусловлена наличием единства устойчивости и изменчивости. Такое понимание составляет важнейшую методологическую предпосылку правильного решения проблемы динамического равновесия в естествознании. В объективном мире проявляется многообразие форм сохранения. Оно имеет качественную определенность по отношению к специфическим формам движения материи. Равновесие выступает как форма сохранения.

Динамическое равновесие выступает как общенаучное понятие, играет все более возрастающую роль в синтезе научного знания, в решении проблемы единства, интеграции естественных, общественных и технических наук, в укреплении союза философии и естествознания. Динамическое равновесие как общенаучное понятие способствует решению задачи синтеза знаний в науках о Земле, создающих целостную картину природы. Динамическое равновесие необходимо изучать применительно в конкретной форме движения материи и его действие — в конкретной природной системе. Задача формирования целостной научной картины природы требует включения в ее содержание положений и представлений, развиваемых в географических науках, изучающих географическую оболочку планеты, географическую реальность. Понятие «географическая реальность» как объект познания наук о Земле все более оформляет свой статус наряду с понятиями «физическая», «биологическая», «историческая реальность».

Актуальной задачей научного познания является изучение «географической реальности» как единого целого. Это связано с глубоким изучением сущности отдельных природных геосистем, их взаимосвязи и координации, законов их сохранения в соответствии с принципом динамического равновесия. И в этом направлении все более ведущую роль начинает играть понимание сущности географической оболочки как выражения географической реальности. Географическая оболочка включает в себя совокупность саморазвивающихся систем, где доминирующее положение в природных процессах принадлежит гидросфере. Гидросфера как водная оболочка Земли в отличие от суши представляет собой единое целостное природное тело, выступающее в различных агрегатных состояниях. Гидросфера представляет собой открытую динамическую систему и одновременно существенный элемент географической оболочки в целом⁵.

Закономерности физико-географической оболочки как самостоятельной сферы Земли выражают принцип динамического равновесия с точки зрения динамики протекающих в ней процессов в их интенсивности, а равно и со стороны общего характера типичных для них балансов вещества и энергии. Динамичность процессов гидросферы и их равновесное состояние во многом определяются законом географической зональности. Как подчеркивает советский океанолог В. А. Бурков, «в среднем многолетнем аспекте для всего Мирового океана тепловой и водный баланс поверхности равен нулю и, как следствие, гидрофизические и гидрохимические параметры в среднем для океана не изменяются во времени. Однако поступление и отдача тепла, осадки и испарение, передача количества движения от ветра на поверхности Мирового океана распределены неравномерно, подчиняясь квазизональному закону»⁶. Так, длительное обращение водных и воздушных масс в одних и тех же физико-географических условиях приводит к тому, что они приобретают определенную устойчивость. Закон зональности, проявляясь в динамике гидросферы, выражается во всей системе форм движения Мирового океана, в ритмике процессов (годовые, сезонные, суточные колебания, характер течений, волновые процессы, приливы и отливы и др.).

Одна из важнейших особенностей Мирового океана — непрерывное движение его водных масс. Общая циркуляция представляет собой меха-

низм, который поддерживает Мировой океан в стационарном состоянии. Общую циркуляцию возбуждают механические и термохалинные факторы, являющиеся причиной изменений в гидросфере. Механические факторы — это касательное напряжение ветра на поверхности океана и воздействие неравномерного распределения над океаном атмосферного давления. Термохалинные факторы — это неравномерное распределение по площади океана нагревания и охлаждения, осадков и испарения, солёности. Ветровая и термохалинная циркуляции взаимодействуют между собой, образуя сложную динамическую систему, находящуюся в состоянии равновесия.

Принципиальная особенность современных исследований — это изучение океана и атмосферы в их единстве, выявление и описание статистических закономерностей этого взаимодействия в системе «океан — атмосфера». Понятие «система океан — атмосфера» объединяет широкий круг объектов самых различных масштабов, начиная от молекулярных и кончая планетарными образованиями в обеих средах. Океан — атмосфера — единая термодинамическая система. Эти две среды, находясь в непосредственном контакте, непрерывно обмениваются веществом и энергией и, таким образом, находятся в динамическом равновесии, выражением которого является радиационный баланс, состоящий из приходной и расходной частей солнечной энергии. Зональность в количестве получаемой Землей солнечной энергии определяет закономерности океанской циркуляции.

Разнообразные виды океанических движений так или иначе являются результатом взаимодействия океана и атмосферы, составляют в единстве внутреннее динамическое равновесие этих систем, определяемое физическими, термодинамическими, химическими, географическими, биологическими законами сохранения. В каждой из этих систем «сосуществует множество взаимодействующих движений разных масштабов, от крошечного вихорька до планетарного вихря, передающих друг другу и отнимающих друг от друга энергию и соединенных, как петли в клубке, устойчивыми и неустойчивыми связями»⁷.

Само формирование водной оболочки Земли тесно связано с общепланетарными геофизическими процессами, результатом которых явилось образование сопряженных с ней оболочек. На Земле непрерывно происходит единый процесс круговорота воды, охватывающий все природные системы, образуя их взаимодействие и глобальный обмен вещества и энергии в системах: гидросфера $\rightleftharpoons$ атмосфера $\rightleftharpoons$ литосфера $\rightleftharpoons$ биосфера. Океаническая циркуляция во многом определяет климатические условия нашей планеты, создает условия для формирования и распределения биопродуктивных зон. Самое главное достижение современной науки об океане состоит в выявлении его особой роли во всех процессах глобальной системы природы, в сохранении динамического равновесия биосферы.

Динамическое равновесие всей системы природы поддерживается круговоротом воды на Земле, что выражается в мировом водном балансе, являющимся достаточно постоянной величиной. Это есть выражение устойчивости системы. Но в то же время в геологическом масштабе времени обнаруживаются частные нарушения равновесия между балансом океанических и балансом континентальных вод, что является выражением изменчивости системы. Проявление изменчивости находит свое выражение в колебании уровня морей и океанов. Так, за последние 17 тыс. лет уровень океана поднялся примерно на 100 м⁸. Однако эти изменения не нарушают общего динамического равновесия гидросферы, но исследование этой проблемы наиболее важно для решения практических задач.

Таким образом, принцип динамического равновесия имеет большое значение в изучении динамики отдельных природных систем, различных форм движения материи и их взаимодействия. Применение принципа динамического равновесия в науках о Земле позволяет разрабатывать научную стратегию в нейтрализации антропогенных воздействий на природу, в оптимизации устойчивости гидросферы и биосферы.

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 147.

² Водопьянов П. А. Понятие динамического равновесия и его роль в научном познании. — В кн.: Динамическое равновесие человека и природы. — Минск, 1977, с. 42.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 561.

⁴ Марков В. И. Проблема сохранения и современная наука. — Рига, 1980, с. 13.

- ⁵ См.: Леонтьев О. К. Физическая география Мирового океана.— М., 1982.
⁶ Бурков В. А. Общая циркуляция Мирового океана.— Л., 1980, с. 8.
⁷ Перри А. Х., Уокер Дж. М. Система «океан—атмосфера».— Л., 1979, с. 11.
⁸ См.: Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет.— М., 1982, с. 6.

М. Р. ЖБАНКОВ

ИЗМЕНЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СТАНОВЛЕНИЯ НАУКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Цель данной работы — рассмотреть влияние массового сознания Ренессанса на формирование науки нового времени. Содержание понятия «массовое сознание» можно раскрыть в нескольких аспектах. Носителем массового сознания выступают широкие слои, занятые в сфере материального производства. Массовое сознание, несущее мировоззренческие нормативы угнетенных, противостоит официальной идеологии господствующих классов. Оно формируется и функционирует в среде производителей материальных благ. Поэтому именно массовое сознание непосредственно отражает ход развития материального производства. Это определяет его существенную роль в трансформации общемировоззренческих структур эпохи. И, наконец, необходимо различать массовое и обыденное сознание. Если массовое сознание отличается классовой принадлежностью, то обыденное сознание присуще как угнетенным слоям и классам, так и господствующим классам. Как отмечает Г. Н. Волков, «обыденное сознание — это совокупность мнений, почерпнутых из повседневного житейского опыта, довольно часто — из некритического и наивного восприятия лежащих на поверхности явлений... Обыденное сознание с присущим ему «здоровым смыслом» доверяет только тому, что можно «пощупать», но в то же время удивительно легко и безоговорочно принимает на веру представления, освященные ореолом «общепринятости...»¹. На первый взгляд, очевидна противоречивость соединения в обыденном сознании «чистого» эмпиризма и слепого принятия «общепринятых» идей. Однако это противоречие снимается в контексте более глубокого рассмотрения специфики структурных уровней массового сознания.

Повседневная жизнь представляет человеку мир на уровне явлений и элементарных эмпирических зависимостей. Личный опыт людей труда и обмен информацией подобного рода формируют как бы низший, «обыденный» слой массового сознания. Будучи не в состоянии на этом этапе создать на основе часто противоречивых эмпирических данных целостный образ мира, человек труда обращается в поисках решения к более общим мировоззренческим установкам своего времени. Система общемировоззренческих принципов образует следующий, более высокий уровень массового сознания. Но это не просто отражение в сознании народных масс установок официальной идеологии. Базисные принципы массового сознания конкретной эпохи определяются характером материального производства, испытывая также влияние не только стереотипов мышления, насаждаемых господствующими классами, но и традиций, аккумулирующих опыт практической деятельности предшествующих поколений трудящихся масс. В отличие от обыденного сознания массовое сознание пытается не только осознать обыденный опыт, но и выявить существенные характеристики бытия, его глубинные закономерности.

Особенно возрастает роль массового сознания в период смены общественно-исторических формаций. Официальная идеология правящих кругов переживает в это время кризис, одновременно растет влияние массового сознания, способного более непосредственно отразить меняющуюся реальность. Изменения в массовом сознании играют значительную роль не только в ходе революционных социальных преобразований, но и в процессе трансформации категорий культуры в целом и становления естественнонаучного видения мира в частности. Поэтому их изучение возможно, по нашему мнению, существенно углубить представления о социальной детерминации формирования в эпоху Возрождения основных принципов стиля мышления классического естествознания.

В эпоху Ренессанса традиционные для средневековья религиозные мировоззренческие установки потеряли свою главенствующую роль, а образ мышления, взгляд на мир, присущий исторически прогрессивному классу — буржуазии, еще не сформировался. Подобное «междоуцарствие» порождало в среде людей труда попытки построения модели мироздания

на основе собственного практического опыта, отображаемого массовым сознанием. Как известно, в период позднего средневековья и Возрождения широкое распространение получили специфические формы массового сознания, сосуществовавшие с официальным мировидением господствующих классов и подрывавшие его основы. Это были прежде всего всевозможные еретические течения, «магическое» мышление, учения народных мистиков. Они распространяли в народе такие враждебные феодально-теократическому ортодоксальному мышлению идеи, как самоценность индивида, рациональная познаваемость мира, ценность земной жизни, возможность постижения законов бытия без церковной лицензии. Массовое сознание как бы стремилось преодолеть свою «второстепенность» по отношению к господствующему мировоззрению правящих классов, непосредственно включаясь в процесс формирования базисных мировоззренческих установок нового исторического периода. Речь идет не о возникновении еще одной чисто умозрительной системы мироздания, конструирование которых было характерной чертой средневекового постижения мира. Массовое сознание воспринимало исторические изменения в жизни общества и практике освоения природы и на этой реальной основе строило качественно новые формы мировидения. В мышлении людей труда непосредственно отражались изменения сферы материального производства, переход от феодального способа производства к капиталистическому. Оно быстрее адаптировалось к новым реалиям труда, разумеется, не во всем адекватно отражая их, но тем не менее существенно влияя на изменение общекультурного видения мира.

В целом в духовной жизни Возрождения обнаруживаются две идущие навстречу друг другу тенденции. В этот исторический период меняется характер субъекта теоретического знания. Интеллектуальная деятельность перестает быть монополией господствующего класса, выходит за рамки средневековых сословных ограничений. Ренессанс порождает новую социальную группу — гуманистическую интеллигенцию, профессиональных носителей внецерковного теоретического знания. Среди них — врачи и дипломаты, художники и торговцы. И по своему происхождению, и по роду занятий эти люди постоянно соприкасались с практическим преобразованием мира, его активным освоением, что не могло не повлиять на их мировоззрение. В их мышлении происходит как бы столкновение двух мировидений — определенного средневековой традицией интеллектуальной деятельности и основанного на неортодоксальных формах массового сознания. Постепенно основой и критерием истинности знания для гуманистов Возрождения становится сознательное обращение к опытным данным, чувственно воспринимаемой реальности. Таким образом, теоретическое знание о мире в своем развитии интенсивно сближается с практическим преобразованием природы.

Одновременно шла глубокая перестройка основополагающих принципов массового сознания. Сущностью «очистки» массового сознания от рудиментов средневекового мышления было формирование в его рамках кардинально новых нормативов построения и трансляции знаний о мире в понятийной форме. Каким же образом шел этот процесс, что стало исходной его точкой?

Напомним установки средневекового мышления. Предполагалось, что прироста знания нет, оно изначально вложено богом в природу, и познание — его терпеливая и старательная дешифровка. Скрытый смысл природных явлений человек стремился постичь путем догадок, озарений, сравнений и сопоставлений. Познание в этот период осуществлялось через поиск сходного, выявление места предмета изучения в природе понималось как постижение «контекста». Поэтому, как указывает М. Фуко, для средневекового человека «познать животное, растение или какое-нибудь явление на земле — значит собрать всю совокупность знаков, которые могут содержаться в них или быть отнесены к ним»². Поиск истины идет через коллекционирование свойств и сочетаний, присущих предмету. Такой метод, весьма действенный для конкретных эмпирических зависимостей, выходя за пределы «наглядно-предметного мира» (Л. С. Выготский) индивида превращался в самое произвольное и фантастическое комбинирование. При этом индивид «не выходит за пределы наглядно-образных конкретных фактических связей между отдельными предметами»³, абсолютизирует их. Именно поэтому объединение предметов вне индивидуального практического опыта часто шло на основе неопределенных, «размытых» признаков. Подобные построения позволяли

объединить абсолютно несовместимые в действительности вещи и явления. Попытки практического применения подобного знания неизбежно доказывали как его абсолютную избыточность, так и гносеологическую несостоятельность. Нагромождение зависимостей не уточняло образ предмета, а как бы «размывало» его в бесконечности взаимосвязей. Развитие такого знания давало лишь «дерево возможностей» роста символов, но не умножало позитивного знания о мире.

Меняющаяся социальная реальность вела ренессансных интеллектуалов ко все более четкому осознанию необходимости нового шага в развитии познания природы — выявлению закономерностей бытия вещей и явлений. Существенное влияние на этот процесс оказывали как постоянно растущий практический опыт трудовых масс, так и образы и идеи, выработанные неортодоксальными формами массового сознания, которые первыми попытались по-своему самостоятельно осмыслить меняющийся мир. Однако первоначально поиск нового понятийного аппарата осуществлялся еще по принципам и в образах средневекового мышления. Поиск шел с помощью аллегорий, символов, аналогий в их неповторимом «соединении эмоционального и рационального восприятия, познавательных и ценностных установок»⁴.

Такое познание было неизбежно субъективно, лично, тесно соприкасалось с отношением к миру, присущим искусству. В эпоху Возрождения, как известно, еще не существовало различий между ремесленниками и художниками как социальными слоями. И Леонардо да Винчи, и Якоб Бёме опирались в своих трудах на собственный индивидуальный опыт. Новый образ мира формировался в ходе его активного преобразования, становясь необходимым участником этого процесса. Беспорядочное соединение разнообразных связей и свойств сменяется своеобразными образами-понятиями, по своему происхождению весьма близкими знаменитым образам «темного» Гераклита. Эфесец мучительно искал словесный эквивалент представлениям, переполнявшим его сознание, стремясь выжить в словах и их сочетаниях скрытую суть вещей. «Гераклит находился в начале сознательной работы над словом и понятием, — пишет Ф. Х. Кессиди, — стремясь выразить диалектику абстрактно-всеобщего и конкретно-чувственного (...) в образах-понятиях, эфесец переходил, точнее совершал скачок от единичного предмета или явления к общему логосу, к общей истине, минуя особенное...»⁵ Аналогичные попытки выразить сущностные характеристики мироздания в наглядных, эмоционально ярких образах характерны и для народного мышления эпохи Возрождения, в частности для «мыслителя-сапожника» Якоба Бёме. В своих трактатах он с равной энергией апеллирует и к библейским сказаниям, и к житейскому опыту читателей. Цитаты из евангелий перемежаются рассуждениями о ремесле и садоводстве, а с помощью эмпирических образов ведется речь о глубинных законах земного бытия. Как указывает Гегель, «Бёме применяет действительность в качестве понятия, т. е. натянуто пользуется для изложения своих идей предметами природы и чувственными свойствами, вместо определения понятий»⁶. В ходе подобного «болезненного борения души и сознания с языком» (Гегель) возникает своеобразный «эрзац» понятия, претендующий на его «экологическую нишу» в системе знания. Стремясь выразить сущностные характеристики вещей и явлений, ренессансное мышление, на деле, по-прежнему оперирует нерасчлененными данными опыта, всем разнообразием связей и зависимостей. Форма знания здесь неразрывно связана с этим содержанием, неизбежно порождая широкий спектр образов и ассоциаций.

Однако происходящая в эпоху Возрождения дифференциация ремесленного производства развивала у людей специфически односторонний взгляд на действительность. Точка зрения на тот или иной предмет или явление в значительной степени определялась профессией и, выделяя отдельные, важные для нее черты, отбрасывала все прочие как несущественные. В соответствии с преобразованием сферы материального производства видение мира в массовом сознании постепенно фрагментировалось. В дальнейшем изоляция отдельных элементов опыта вела к появлению умения рассматривать их вне конкретной и фактической связи, а затем — и произвольно комбинировать. Так, с одной стороны, абстрактное мышление становится существеннейшим фактором познания и для широких масс. «Профессиональная односторонность» видения мира оборачивается средством его постижения как целого. Как отмечал К. Маркс, «...рассудок не только сам односторонен, его роль по существу сводится к то-

му, чтобы сделать мир односторонним, — великая и достойная удивления работа, ибо только односторонность формирует и вырывает частное из неорганической массы целого... Заклучая всякое содержание мира в устойчивые рамки... рассудок выявляет многообразие мира, ибо без этих многочисленных односторонностей мир не был бы многосторонним»⁷. С другой стороны, сама производственная практика, становясь все более коллективной, массовой принимает «абстрактный» (при повторяемости и воспроизводимости) характер. Развитие ремесленного производства, рост мануфактур постепенно освобождают ренессансный образ природы от пантеистической, личностной окраски.

Итак, в период Возрождения идет неуклонный процесс сближения ранее жестко разграниченных средневековой схоластикой теоретической и практической деятельности. Целью познания существенных связей и закономерностей мира природы становится их практическое использование в интересах человека. В то же время опыт производительной деятельности ремесленников начинает активно осмысляться в абстрактной, понятийной форме. В процессе мануфактурного производства человек все более «отчуждается» от природы. Ренессансный образ природы сменяется пониманием окружающего мира как объекта деятельности, функционирующего по законам механики.

Рассмотрение эпохи Возрождения подтверждает идею о том, что в переходные периоды истории общества роль массового сознания особенно значительна. Во время кризиса официального мировидения и перехода к более прогрессивному способу общественного производства, который массовое сознание непосредственно отражает, оно является той основой, на которой происходит формирование исторически нового мировидения. Становление базисных мировоззренческих принципов нового времени и адекватного им понятийного аппарата существенно определялось процессами, происходившими в массовом сознании эпохи Возрождения.

¹ Волков Г. Н. У колыбели науки. — М., 1971, с. 22.

² Фуко М. Слова и вещи. — М., 1977, с. 88.

³ Выготский Л. С. Собр. соч. — М., 1982, т. 2, с. 147.

⁴ Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. — М., 1982, с. 33.

⁵ Кессиди Ф. Х. Гераклит. — М., 1982, с. 75.

⁶ Гегель. Соч. — М.-Л., 1932, т. XI, с. 233.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 128—129.

А. С. КЛЕВЧЕНЯ, Г. БРОЙКЕР

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ УБЕЖДЕНИЯ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Убеждение как феномен сознания человека и как понятие его выражающее становится в настоящее время предметом специального научного исследования. Научный анализ убеждения актуален как в теоретическом, так и в практически-политическом отношениях. В настоящее время актуальность изучения убеждения повышается обострением идеологической борьбы в международном плане, между капитализмом и социализмом. Буржуазные идеологи уже давно обратились к изучению различных аспектов убеждения, чтобы влиять на становление мировоззрения человека в целях формирования «...иллюзорного мировосприятия объектов буржуазной жизнедеятельности»¹. Они стремятся оказать влияние и на людей социалистического общества с целью возрождения у них эгоистических, националистических, частнособственнических настроений, элементов обывательской психологии. Из этого следует, что практическая значимость изучения убеждений определяется тем, что они играют важную роль в процессе формирования нового человека, коммунистической личности.

Для ГДР проблема убеждения приобретает особую актуальность в связи с развенчанием мифов о преимуществах буржуазного образа жизни, капиталистической системы. Различные аспекты убеждений становятся здесь предметом научного анализа педагогов, психологов, логиков, философов. Кроме того, по проблеме убеждения проводятся конкретные социо-

логические исследования, которые дают интересный фактический материал и существенно обогащают содержание теоретических исследований.

Педагоги, вполне естественно, изучают убеждения в неразрывной взаимосвязи с задачами обучения и воспитания учащихся. Их интересует прежде всего проблема формирования научных убеждений в процессе преподавания естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, формы и методы воспитания социалистических убеждений, идеологическая вооруженность учащихся, воспитание социалистической личности.

Один из ведущих представителей педагогического направления в исследовании убеждений А. Германн пытается, исходя из содержания понятия «убеждение», раскрыть содержание понятия «социалистическое убеждение», а затем точнее и более подробно раскрывать содержание тех понятий, которые имеют особо важное значение в педагогической практике. Раскрывая содержание понятия «убеждение» вообще, без его конкретной видовой направленности, А. Германн указывает, что убеждение — это нормы поведения и действия, которые человек (личность) усвоил на основе теоретического и практического опыта, политической и общественной деятельности, запросов индивидуального опыта. Убеждения представляют собой решающую основу для ориентации человека в окружающем мире. Социалистические убеждения — это нормы, которые усваивает социалистическая личность на основе научного марксистско-ленинского мировоззрения, политики марксистско-ленинской партии рабочего класса. Они формируются при активном и всестороннем участии в строительстве социализма, в борьбе за победу социалистических общественных отношений, социалистической нравственности, господство социалистической идеологии. Социалистические убеждения неизмеримо повышают революционный энтузиазм как отдельных личностей, так и широких народных масс. Из рассуждений А. Германна следует, что социалистические убеждения как нормы детерминируют действия и поведение социалистической личности².

При психологическом подходе к проблеме убеждения в центре внимания оказываются вопросы, связанные с исследованием мотивации поведения личности, выявлением причин ее разнообразных действий. Авторы этих исследований пытаются разработать и определить оптимальную модель поведения личности социалистического общества, раскрыть общественную обусловленность ее поведения. Особый интерес представляют идея рассмотрения поведения как творческой и сознательной деятельности, вопросы внутренней и внешней определенности поведения личности.

С более широких методологических позиций подходят к проблеме убеждений представители философской точки зрения. Они видят основные свои задачи, во-первых, в разработке научной теории убеждения и, во-вторых, в системном изучении этого сложного феномена сознания человека. Задача состоит в том, считают они, чтобы раскрыть общие закономерности становления и формирования убеждений, наиболее общие и характерные свойства, присущие им, специфические особенности формирования социалистических, а затем и коммунистических убеждений.

Б. Окун, Д. Виттих, В. Прейскайз и другие систематически выступают со статьями по проблеме убеждения на страницах философского журнала «Дойче Цайтшрифт фюр философи», в которых высказывают ряд оригинальных соображений. Б. Окун, например, полагает, что исходным пунктом анализа проблемы убеждения должно быть изучение отношения познания и действий человека, раскрытие творческих элементов в его сознании, сопоставление объективного и субъективного факторов в деятельности людей. Анализ отношения познания и действий приводит Б. Окуна к проблеме истины. Из раскрытия же диалектики истины и лжи с необходимостью следует понятие «уверенность». Понятия «уверенность» и «истина» отражают характерные признаки высказываний, играют важную роль при обосновании действий человека. У Б. Окуна из уверенности в истине следует убежденность в истине. И лишь после этого человек будет готов положить эти высказывания в основу своих практических действий³.

Однако такое понимание убеждения вызвало ряд критических замечаний. Б. Окуна упрекали в том, что он в процессе своих исследований пришел к абстрактно-схематическому изображению проблемы убеждения, что его понимание убеждения сопоставляется только с истинными утверждениями (высказываниями). Кроме того, из его поля зрения фактически выпала проблематика социалистических убеждений и их воспитания и формирования. В ответе критикам Б. Окун разъяснил, что своим истолковани-

ем убеждения он стремился подчеркнуть важную функцию истинных утверждений (высказываний) для обоснования индивидуальных программ действия, раскрыть роль знания в процессе формирования убеждений.

В 80-х годах содержание научных исследований проблемы убеждения еще более расширяется. Д. Виттих и Б. Окун различают научное, теоретическое мировоззрение и житейское (обыденное) сознание¹. Они пытаются раскрыть взаимосвязи между научным диалектико-материалистическим мировоззрением и убеждениями человека, показать влияние марксистско-ленинской теории на формирование как научного мировоззрения, так и социалистических убеждений.

Марксистско-ленинская теория, справедливо считают авторы, является теоретической основой научного мировоззрения, социалистических убеждений. Поэтому для каждого человека социалистического общества важно не только знать теоретические положения марксизма-ленинизма, но и руководствоваться ими в практической, трудовой деятельности. Однако влияние марксистско-ленинского учения не ограничивается сферой научного мировоззрения. Оно распространяется и на житейское (обыденное) сознание. Поэтому задачи марксистско-ленинской пропаганды, образования должны быть направлены на то, чтобы обыденное сознание развивалось, становилось все более научным.

Таким образом, краткий обзор научных исследований, посвященных проблематике убеждений, дает основание заключить, что ученые Германской Демократической Республики ведут интенсивные и разнообразные научные исследования. Они бесспорно окажут положительное влияние на развитие социалистического сознания трудящихся, будут способствовать торжеству социалистической идеологии в ГДР.

¹ Звиглянич В. А. Логико-гносеологические и социальные аспекты категории видимости и сущности.— Киев, 1980, с. 8.

² См.: Herrmann A. Zu den Begriffen Überzeugung und Einstellung.— In: DZfPh, 1973, H. 10, S. 1263.

³ См.: Okun B. Überzeugung-Studien zur Erkenntnistheorie-Überzeugung. Zum Begriff und zur Herausbildung von Überzeugungen.— Berlin, 1978, S. 13.

⁴ См.: Wittich D. Der Marxismus-Leninismus als theoretische und praktizierte Weltanschauung.— In: DZfPh, 1979, H. 10; Okun B. Marxistisch-leninistische Theorie und weltanschauliches Bewußtsein — In: DZfPh, 1983, H. 4.

В. И. КАРАВКИН

УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ПРЕКРАСНОМ В ПРИРОДЕ

Известно, что природе у Гегеля явно не повезло. Она для него не высшее, не истинное, не прекрасное, а лишь инобытие высшего, прекрасного. «...Природа заключает в себе абсолютную идею, но она есть идея в форме положенного абсолютным духом инобытия духа; поэтому мы и называем ее сотворенной. Ее истиной является само полагающее начало—дух в его идеальности и отрицательности»¹. «Природа» Гегеля—это как бы следствие и результат логической операции, но не формально-логической, а диалектической. В этом-то диалектическом подходе—истинности того положительного, что приходится на долю отвергаемой Гегелем природы. Все существующие в природе неодушевленные тела, по Гегелю, существуют не сами по себе, не как тела, обладающие самостоятельностью, а как тела, своей субстанцией имеющие понятие, которое, чтобы дать им существование, погружается в объективность. Таким образом, понятие, погружаясь в объективность, становится неодушевленным, переходит в чувственную материальность. Эта неодушевленность, чувственная материальность характеризуется особенностью, единичностью тел, имеющих механические и физические свойства. Но хотя каждое тело обладает особенной самостоятельностью, оно входит в систему тел. Понятие составляет все самостоятельные, особенные тела объединиться в одну систему. Тот факт, что природа представляет собой сложную, диалектически противоречивую систему, где каждый единичный элемент представляет собой часть целого, интерпретируется Гегелем как фактическое доказательство того, что понятие присутствует в телах и является их движущей силой. «Лишь этот третий способ проявления природы представляет собой форму существования идеи, и идея в ее природном существовании есть жизнь. Мертвая, неорганическая природа несоразмерна идее,

и лишь живая, органическая природа является ее действительностью» (127). Жизнь представляет собой единство, тождество души и тела. Это единство души внутри самого тела обнаруживается как чувство. Именно потому, что органическая природа содержит в себе душу, она есть нечто высшее по отношению к неорганической природе. Но это высшее, жизнь, существует в тождестве противоположностей, в борьбе и преодолении противоречий между идеальным, духовным и реальным, телесным. Непрерывное диалектическое противоборство между идеальным и реальным и «составляет непрерывный процесс жизни, а жизнь существует лишь как процесс» (129). Жизненный процесс есть деятельность двоякого рода: как чувственность и как идеальность. Чувственность, по Гегелю, сопрягается с телесным началом организма. Идеальность представляет животворящее начало. Члены организма действуют, пока существует скрепляющая их душа. Поэтому телесность существует отрицательным образом, как явление, являющаяся реальность. Душа носит внутренний, идеальный, утвердительный характер. Она обнаруживает себя тем, что выступает в телесности. «Это идеализм жизненного начала. Ибо не только философия идеалистична, а уже сама природа в качестве жизни делает фактически то же самое, что совершает в своей духовной области идеалистическая философия», — делает дорогой сердцу идеалиста вывод Гегель (129—130).

После того, как в самой природе обнаружено идеальное начало, для Гегеля есть все основания рассматривать ее как «прекрасное». «С одной стороны, он считает, что прекрасное в природе не может быть предметом анализа в науке эстетике. С другой стороны, Гегель все же подвергает разбору прекрасное в природе, которое, согласно ему, опять-таки имеет источником идею»².

Чувственное, единичное, реальное — прекрасно, так как это форма идеи. Но красота в природе, любые живые существа прекрасны не сами по себе, а для человека. Поэтому, для того чтобы понять, в чем сущность красоты природы, необходимо прежде всего выяснить, почему, в результате каких причин природа представляется прекрасной человеку. Этим Гегель указывает на глубокую диалектику объекта и субъекта эстетического отношения. Если бы это положение великого немецкого философа было вовремя усвоено, не возникло бы спора в советской эстетике между так называемыми «природниками» и «общественниками». Гегель, решая задачу прекрасного в природе, тут же поясняет: вне человека эту задачу решить вообще невозможно; объективные свойства природы, которые делают ее прекрасной, сами по себе являются лишь потенциальными; становятся актуальными они только тогда, когда к ним «прикасается» человек. Однако не все, к чему человек «прикасается», прекрасно. Следовательно, необходимо выяснить, какая именно связь человека с природой рождает прекрасное. По Гегелю, ни чувственное созерцание единичных, случайных, произвольных явлений, ни рассудочное рассмотрение сущности этих явлений не делают их для нас прекрасными. «Красота может быть выражена лишь в облике, как том единственном явлении, в котором объективный идеализм жизненного начала делается предметом восприятия для нас как субъектов, чувственно созерцающих и рассматривающих предметы» (134). «Облик» не может быть постигнут рассудком, так же, как не может быть воспринят лишь чувственно. Но чувства и мышление диалектически связаны между собой.

«Не остается ничего другого, кроме того, что предмет существует для внешнего чувства, и в качестве подлинного способа рассмотрения прекрасного в природе мы получаем чувственно осмысленное (*sinnvoll*) созерцание природной формы. «*Sinn*» есть именно то чудесное слово, которое само употребляется в двух противоположных значениях. Оно обозначает: во-первых, органы непосредственного восприятия, но, кроме того, мы называем «*sinn*» значение, мысль вообще. С одной стороны, «*sinn*» соотносится с непосредственно внешним аспектом существования, с другой — с внутренней сущностью этого существования» (138). Итак, человек способен чувственно осмысливать действительность, что и позволяет ему потенциально прекрасную природу делать актуально прекрасной.

Рассмотрев субъект эстетических отношений, Гегель переходит к исследованию объекта, к описанию тех свойств природы, которые делают ее объектом эстетического наслаждения, оговариваясь, правда, что такое рассмотрение является следствием неудовлетворенности природной красотой. Верно уловив глубокую диалектику объекта и субъекта, Гегель подчеркивает, что лишь абстрактно, отрываясь от действительного единства,

можно говорить отдельно об объекте прекрасного. Сам по себе вне субъекта объект, в данном контексте — природа, не может быть ни прекрасным, ни безобразным.

Отвлечемся от того, что даже специально характеризуя прекрасное в природе, идеалист Гегель постоянно принижает ее красоту. Посмотрим, какие качества, свойства, аспекты природы, абстрагируясь, Гегель называет потенциально красивыми. Он различает две, находящиеся в диалектическом единстве, стороны красоты природы. Это «красота абстрактной формы» и «красота абстрактного единства чувственного материала». Когда Гегель говорит о красоте формы, он характеризует различные формы и фигуры внешнего, геометрического строения тел, причем ведет изложение от наиболее простого структурного строения тела к сложному: правильность, гармоничность. Характеризуя красоту чувственного материала, Гегель указывает на те свойства тел, которые не зависят от его геометрического строения, от его формообразующих элементов, а непосредственно воздействуют на наши органы чувств: цвет, звук.

Наиболее простой формой красоты в природе Гегель считает «правильность». Правильность — это внешнее тождество, одинаковое повторение одной и той же фигуры, дающее единство формы предметов. Куб, приводит пример Гегель, правильное тело, ибо со всех сторон он обладает одинаковыми по величине поверхностями, имеет одинаковые линии и углы. С правильностью тесно связана симметрия. В симметрии одинаковая форма не просто повторяется, а приводится в одной связи с другой формой того же вида. Так, у человека симметрично расположены уши, глаза, руки, ноги. Обе формы, как правильность, так и симметрия, представляют собой «определенность величины», которая безразлична к качественной определенности предмета. Примеры правильности и симметрии можно найти как в неживой природе (минералы), так и в органической (растения, животные, человек). На более высокой ступени красоты абстрактной формы, чем правильность и симметрия, находится «закономерность». Закономерность характеризуется Гегелем как переход к свободе природной и духовной жизни, но это еще не сама свобода, а именно переход к ней. «Здесь имеет место качественное отношение между различными сторонами, которое не является ни абстрактным повторением одной и той же определенности, ни равномерной сменой одинакового и неодинакового, а представляет собой одновременное совмещение существенно различных сторон» (148). Если две одинаковые параллельные линии образуют правильность, то эллипс и парабола обнаруживают закономерность. Закономерность является тем началом, которое устанавливает не только различия, но и их единство.

Еще более высокую ступень занимает гармония, которая является не простым единством, а согласованностью качественных различий. Мы можем наблюдать гармоническое сочетание цветов, музыкальных тонов, движение разнообразных фигур и т. д. Хотя гармония во внешней красоте абстрактной формы является высшей ступенью и уже приближается к субъективной свободе, она все же не выражает духовности, идеальности.

Второй аспект красоты природы связан не с формой, а с материальным, чувственным как таковым. Самым существенным здесь является «абстрактная чистота материала». Гладкая поверхность, чистота звуковых тонов, несмешанные цвета — вот примеры красоты как абстрактного единства чувственного материала. Данному аспекту Гегель уделяет очень мало места.

На доказательство неудовлетворенности прекрасным в природе Гегель не жалеет слов. Правомерный вопрос об отличии красоты в природе от красоты в искусстве трансформируется им в вопрос, почему красота в природе несовершенна и в чем проявляется это несовершенство. То, что только такая постановка вопроса является правомерной, для немецкого идеалиста бесспорно, потому что идея прекрасного адекватна не красота в природе, а красота в искусстве.

Общую характеристику учения Гегеля о прекрасном в природе можно дать такую же, которую дает В. И. Ленин «Науке логики» немецкого мыслителя: «в этом **самом идеалистическом** произведении Гегеля **всего меньше** идеализма, **всего больше** материализма. «Противоречиво», но факт!»³ Идеалист Гегель отрицает прекрасное в природе. Гегель-диалектик вскрывает глубинные основания существования красоты природы. Идеалист Гегель рассматривает природу как инобытие идеала, прекрасного. Гегель-диалектик восхищается ее красо-

тою, видит бытие, сущность прекрасного в природе в воздействии на чувства и мысли человека внутренне присущих ей качеств. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что в самой идеалистической, консервативной части эстетической теории Гегеля «всего меньше идеализма, всего больше материализма». Вопрос об эстетических свойствах природы, эстетическом отношении к природе является одним из основных фундаментальных вопросов марксистско-ленинской эстетики. «Понятия «эстетика природы» и «эстетическое отношение к природе» отражают определенные аспекты отношений общества к окружающей действительности и носят мировоззренческий характер. Эти категории органически связаны с областью эстетической культуры, составляющей существенную часть духовной жизни общества»⁴. Обращение к учению о прекрасном в природе одного из величайших мыслителей прошлого, чье творчество послужило одним из источников философии марксизма, поможет в поисках ответа на актуальные вопросы о сущности эстетического отношения к природе.

¹ Гегель. Эстетика.— М., 1968, т. 1, с. 100. В дальнейшем в тексте статьи (в скобках) указываются страницы этого издания.

² Овсянников М. Ф. Теория эстетической мысли.— М., 1984, с. 253—254.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.

⁴ Апресян Г. З. Эстетическое отношение к природе в социалистическом обществе.— М., 1981, с. 3.

Навуковы камунізм

В. Ф. СТУЛЬСКИЙ

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Наиболее массовой формой и действенным средством вовлечения широких народных масс в управление социальными процессами выступает участие их в общественном контроле. Особая социальная ценность общественного контроля при социализме состоит в том, что он обладает значительным воспитательным потенциалом, т. е. совокупностью материальных и духовных средств и механизмов общественного контроля, которые оказывают или могут оказывать влияние на формирование всесторонне развитой личности. Реализуется он через организационную структуру различных форм общественного контроля, т. е. советы и комиссии, создаваемые при органах государственной власти, общественные и самостоятельные организации и их органы, группы и посты народного контроля, общие собрания (конференции) трудовых коллективов, письма и заявления трудящихся, общественное мнение и т. д. Воспитательное значение общественного контроля заключается в специфике отношений, в которые вступают индивиды, вовлеченные в его сферу.

Во-первых, отношения контроля—это отношения **политические**. На политический, классовый характер контроля указывал В. И. Ленин. Он отмечал: «Подходя к выяснению понятия «контроль», а также вопроса о том, когда и кто будет осуществлять этот контроль, нужно ни на минуту не упускать из виду классовый характер современного государства...»¹ Отношения контроля есть отношения власти, ибо, «чтобы контролировать, нужно иметь власть»². Трудящиеся социалистического общества являются подлинными субъектами власти и реализуют ее посредством осуществления контроля снизу за функционированием политической системы. Участие в общественном контроле повышает политические качества, политическую культуру личности.

Во-вторых, это отношения **социальные**, т. е. отношения, в которые вступают индивиды как носители определенных социальных качеств, определенных социальных групп, главным образом как носители качественно различных видов труда, а также различного уровня квалификации, образования, уровня жизни, положения в обществе. Отношения между ними способствуют взаимообогащению, сближению, стиранию имеющихся различий, накладывают отпечаток на развитие социальных качеств личности: убеждения и взгляды, потребности и способности, знания и умения и др.

В-третьих, это отношения **правовые**. Правовой аспект их обусловлен тем, что основные, самые общие моменты этих отношений регламентируются, регулируются правовыми нормами, так как без установления определенных правомочий проверяющих и обязанностей проверяемых общественный контроль был бы лишен возможности оказывать эффективное воздействие на контролируемые процессы. Общественный контроль выступает действенным средством предотвращения причин и условий, способствующих правонарушениям, выполняет функцию охраны законных прав и интересов личности.

В-четвертых, это отношения **моральные**, т. е. отношения носителей определенных нравственных качеств. Они представляют собой форму нравственной самостоятельности трудящихся, направленную на сохранение и совершенствование общественно значимых норм и ценностей.

В-пятых, это отношения **социально-психологические** (интеллектуальные, волевые, эмоциональные). Они проходят через сознание людей, требуют определенных волевых усилий и всегда носят эмоциональную окраску. Представляя собой форму межличностного общения, взаимного психологического воздействия, отношения контроля влияют на формирование настроений, склонностей, привычек, характера — всей социально-психологической структуры личности.

И, наконец, это отношения, в которых на основе сопоставления деятельности людей с имеющимися образцами и нормами производится эстетическая оценка их поступков и поведения. Отношения контроля, таким образом, оказывают влияние на становление и развитие эстетических ориентаций и вкусов личности, накладывают отпечаток на эстетику ее поведения.

Все отмеченные стороны отношений контроля, столь различные по своей природе и содержанию, представляют, однако, единое, органически целое образование и функционируют на основе отношений экономических. Следует отметить, что в отдельных случаях отношения контроля сами могут выступать как отношения экономических. Так, например, контроль общественности за хозяйственной деятельностью, использованием и сохранностью социалистической собственности, мерой труда и мерой потребления имеет ярко выраженный экономический аспект, который существенным образом может влиять на развитие экономического сознания личности.

Общественный контроль, являясь не только системой общественных отношений, но и специфическим видом социально-политической и духовной деятельности, выполняет информативную, оценочную, регулятивную, корректирующую функции, а также функцию обратной связи в воспитательном процессе. Различные формы его осуществления есть бесплатный, без расчета на вознаграждение, добровольный труд на благо всего общества, где не только проявляется, но и формируется творческая активность трудящихся. Этот вид общественной деятельности основан преимущественно на мотивах идейного порядка, является, таким образом, средством воспитания коммунистического мировоззрения на практике.

Самый широкий охват трудящихся контрольной деятельностью осуществляется через трудовые коллективы. Здесь формируются и действуют общественные и самодеятельные организации, осуществляющие контроль снизу. В трудовых коллективах нашей страны, например, созданы и функционируют 143,9 тыс. постоянно действующих производственных советов, в состав которых избрано 6 млн. 429 тыс. рабочих и служащих. Всего в профсоюзах активную работу ведут 53 млн. человек.³ В Белорусской ССР в группах и постах народного контроля ведут работу 383 тыс. человек, действуют 42 тыс. штабов и отрядов «Комсомольского прожектора»⁴.

С принятием «Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями» влияние общественного контроля в них значительно расширилось. Закон открывает новые возможности для более глубокого проникновения трудящихся в деятельность различных сторон общественной жизни, значительно расширяет диапазон подконтрольных объектов. Все это способствует формированию, закреплению и углублению сознания сопричастности к делам коллектива и общества, вырабатывает чувство высокой ответственности за порученное дело, поддерживает постоянное деловое напряжение, выступает важным средством повышения социальной активности.

Разумеется, реализация воспитательного потенциала общественного контроля не может осуществляться стихийно. Здесь необходима большая организационная работа как со стороны партийных и общественных организаций, так и со стороны самих трудящихся. Придавая большое значение контролю снизу, В. И. Ленин требовал, чтобы включение в общественный контроль происходило постепенно, начиная с выполнения элементарных контрольных функций; постоянно «...через партию и через профсоюзы... проверять, участвуют ли все и каковы результаты участия...»⁵

Естественно, участие в общественном контроле не может заменить другие методы и формы воспитательной работы. Только творческое сочетание различных ее видов, в том числе и возможностей контрольной деятельности, может дать положительный воспитательный эффект. При этом, как подчеркивалось на июньском (1983) Пленуме ЦК КПСС, важно «не придумывать абстрактно дальнейшие пути и формы развертывания демо-

кратии, а идти от жизни. В этом гарантия наших программных установок»⁶. Только при таком подходе общественный контроль сможет наиболее полно реализовать свою воспитательную функцию, т. е. комплексно и целенаправленно воздействовать на формирование всесторонне развитой личности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 239—240.

² Там же, т. 31, с. 346.

³ См.: Труд, 1983, 7 октября.

⁴ См.: Органы народного контроля.— Минск, 1982, с. 255, 267.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 66.

⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.—М., 1983, с. 17.

А. А. ХАЦКЕВИЧ

ЛЕНИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КПСС И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Всемирно-исторические достижения единой семьи народов СССР, совместно строящих коммунизм, являются мобилизирующим примером для трудящихся капиталистических и развивающихся стран в их борьбе за коренное решение социальных проблем, в том числе и национального вопроса. Именно поэтому в ожесточенной конфронтации с коммунистической идеологией наши враги уделяют пристальное внимание проблемам национальных отношений в Советском Союзе. Делается это с целью разжечь в нашей стране националистические и шовинистические настроения, противопоставить СССР другим социалистическим странам, рабочим и трудящимся всего мира, доказать «неприемлемость» путей решения национального вопроса в СССР для других государств.

Буржуазные идеологи пытаются придать антикоммунизму и антисоветизму наукообразную форму. Если в 40—60-е годы основная ставка в идеологической борьбе с СССР делалась на пропаганду сепаратистских идей, стимулирование религиозных пережитков, то сейчас главное внимание «советологов» концентрируется на демографических процессах, проблемах размещения промышленности в национальных республиках, кадровой политике, вопросах культуры, образования. Буржуазные идеологи прежде всего ставят под сомнение сам факт решения национального вопроса в нашей стране. Они стремятся доказать, что национализм был и остается неискоренимым явлением общественно-политической жизни СССР. Так, один из апологетов буржуазной «советологии» Г. Симон в статье «Нерусские народы в общественной жизни и внутренней политике СССР» заявляет, что образование СССР осуществлялось исключительно административным путем и сопровождалось исключительными мерами, включая военные, поэтому и национальное сознание не могло, дескать, развиваться в направлении интернационализации советского общества, и потому отношения в нем чреваты якобы национальными конфликтами¹. Подобные выводы можно найти еще у одного «специалиста» по странам Восточной Европы—Ласло Ревеша. В книге «Народ 100 наций» он утверждает, что в нынешних условиях русский и советский колониализм привел к тому, что «ненависть к общему врагу—русскому народу—сближает народы, столетиями борющиеся против этого врага»².

В попытках доказать, что в СССР национальный вопрос не решен, буржуазные идеологи руководствуются антинаучным положением, что нация—феномен, природное, извечное и неизменное явление. Они умышленно игнорируют тот факт, что нация—это историческая, социально-этническая общность, сложившаяся при капитализме и развивающаяся в условиях социализма. Ведущая сторона в развитии наций—социальная, а не языковая или психологическая. Типичным приемом, применяемым также «советологами» при «научном анализе» национальных отношений в СССР, является использование категорий и понятий, характерных для межнациональных отношений капитализма—таких, как «насилие», «подавление», «колониализм», «сепаратистские тенденции». Все это делается с целью приписать слабости и пороки капитализма в области национальных отношений социализму.

Более чем 60-летний опыт развития социалистических наций в составе СССР наглядно доказывает, что преодоление антагонизма наций зави-

сит от социальной организации общества. «Марксизм впервые вскрыл органическую связь национального вопроса с социальной, классовой структурой общества, с господствующим типом собственности»³. Вне антагонизмов классов национальные различия людей никогда не породят национального вопроса. Практика реального социализма опровергает тезис буржуазных «советологов» о неотвратимости враждебных отношений между народами, о невозможности решения национального вопроса.

Буржуазные идеологи отрицают действие двух тенденций в развитии национальных отношений при социализме — расцвета и сближения наций. В их интерпретации это взаимоисключающие друг друга процессы. «В структуре национального и интернационального будут поддерживаться и поощряться только изменения в сторону интернационального»⁴, — уверяет Симон. «Агрессивный национализм русских» скрывается под «идеологической маской», т. е. «упор делается на объективную закономерность процесса сближения и слияния советских наций в единый советский народ» и под «желаемой общей социалистической культурой подразумевается русский язык и русская культура»⁶, — утверждает Ревеш. Сближение изображается как результат «принуждения», «господства» русской нации, а интернациональное единство советского народа представляется как «насильственная ассимиляция» и «денационализация». Подобная постановка вопроса совершенно неправомерна. В СССР сближение наций происходит в условиях последовательного осуществления партией интернационалистских принципов равноправия и добровольности, причем обязательно на основе свободного национального развития и расцвета наций, народностей. Процесс сближения наций нельзя смешивать с процессом слияния. Сближение предполагает сохранение национальных особенностей. Слияние же — дело далекого будущего. С точки зрения наших идейных противников, слияние и сближение наций — единовременный процесс, происходящий сейчас в нашей стране. И это один из методологических пороков их спекуляций.

Объективной основой сближения наций, народностей является социалистическая экономика. Неуклонное упрочение единого народнохозяйственного комплекса нашей страны открывает огромные возможности для умножения усилий всего советского народа в строительстве материально-технической базы коммунизма. Фальсификаторы же пытаются доказать, что экономическое развитие советских национальных республик якобы не отвечает интересам коренных национальностей. Так, «советологи» У. Росту, Д. Уилер, Р. Пайпс, вынужденные частично признать известные всему миру достижения в экономической области всех советских республик, в то же время клеветнически разглагольствуют о несправедливом распределении национального дохода между ними, об «ущемлении» их интересов, об «экономической дискриминации» и «колониальной политике» со стороны русской нации в духе политики царского самодержавия. «Советологи» белорусского происхождения расцвет экономики и культуры Советской Белоруссии рассматривают как «политику экономического закабаления», «русификации» и «унификации» белорусской социалистической нации.

Буржуазные идеологи умышленно не хотят видеть, что в условиях развитого социализма экономика СССР представляет собой единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны и являющийся прочной материальной основой дружбы и сотрудничества народов Советского Союза. КПСС и Советское государство самым внимательным образом учитывают интересы каждой республики, каждой нации и народности СССР и органически сочетают их с интересами советского народа в целом. Как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине образования СССР, «в дружной семье народов динамично растет экономика всех советских республик. Современная промышленность, сельское хозяйство, наука, подлинный расцвет культуры — вот что характеризует сегодня любую из них»⁶. В Белоруссии, например, выпуск только промышленной продукции с 1940 по 1982 год вырос более чем в 30 раз. В республике созданы станкостроительная, автомобильная, тракторная, радиоэлектронная, приборостроительная отрасли. Республика выпускает каждый шестой трактор страны, седьмой металлорежущий станок, производит 81 %₀ силооборочных и кормооборочных комбайнов, более половины калийных удобрений; занимает третье место в стране по производству льна и картофеля⁷.

Больших успехов добился белорусский народ и в развитии народного образования, науки, культуры. В республике ежегодно различными видами обучения охвачено 3,9 млн. человек. В народное хозяйство в 1983 году направлено 78 тыс. специалистов, в том числе 31 тыс. с высшим образованием⁸. Эти и другие факты начисто опровергают мифы буржуазных фальсификаторов о некоей «обделенности» Белоруссии и ее «отставании» от других республик нашей страны.

Необходимо напомнить, что до революции уровень экономического развития Белоруссии был довольно низким. В 1913 году здесь производилось продукции на душу населения в 5 раз, а электроэнергии в 15 раз меньше, чем в среднем по России. После империалистической и гражданской войн из 715 фабрик и заводов, имевшихся на территории восточных областей Белоруссии, было уничтожено 480⁹. Огромные потери понесла республика и в годы Великой Отечественной войны. Фашисты разрушили и сожгли 209 городов и райцентров, 9200 сел и деревень. БССР потеряла свыше половины своего национального богатства. Но благодаря самоотверженной бескорыстной помощи всех народов Советского Союза республика смогла в кратчайший срок восстановить и ускоренно развивать свою экономику.

Одно из великих преимуществ социализма в том и состоит, что экономические отношения между социалистическими республиками страны определяются не величиной вклада каждой из них в общее производство, а ее местом и ролью в социалистическом разделении труда, оптимальным и наиболее эффективным использованием каждым народом ресурсов своей республики при широком и всестороннем сотрудничестве с другими республиками Советского Союза.

Извращение интернационалистских основ национальной политики КПСС буржуазными «советологами» преследует цель — посеять рознь между народами СССР, подорвать их единство. Поэтому необходимо вести самую решительную наступательную борьбу с различного рода фальсификациями ленинской национальной политики КПСС, аргументированно и своевременно подвергая их критическому анализу.

¹ См.: Simon G. Die nichtrussischen Völker in Gesellschaft und Außenpolitik der UdSSR.— Osteuropa, 1979, № 6.

² Revesz L. Volk aus 100 Nationalitäten. Die sovjetische Minderheitsfrage.— Bern, 1978, S. 47.

³ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР.— М., 1982, с. 4.

⁴ Simon G. Op. cit., S. 513.

⁵ Revesz L. Op. cit., S. 63.

⁶ Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».— М., 1982, с. 7.

⁷ См.: Киселев Т. Я. Советская Белоруссия.— М., 1982, с. 41; Народное хозяйство СССР 1922—1982 г.— М., 1982, с. 83.

⁸ См.: Советская Белоруссия, 1984, 1 февраля.

⁹ См.: Марцуль Г. С. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы.— М., 1975, с. 50.

Г. И. ОЛЕХНОВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Главной экономической особенностью периода Великой Отечественной войны СССР является создание слаженного военного хозяйства (СВХ) как особого типа экономики, которое вобрало в себя лучшее, что было накоплено опытом предвоенных лет. Умелое использование этого опыта, равно как и дальнейшее познание экономических законов социализма, стало одним из важнейших факторов экономической победы нашей страны над империалистической Германией. В свою очередь, богатейшая хозяйственная практика периода войны дала «...множество примеров эффективных, рациональных хозяйственных решений производственной, трудовой дисциплины... использования каждой минуты рабочего времени, экономии каждого грамма сырья и материалов...»¹, которые во многом не потеряли своей актуальности и сегодня.

Приступая к созданию слаженного военного хозяйства, Государственный Комитет Обороны, партия и правительство опирались на ленинские принципы перестройки экономики на военный лад, которые требовали без колебаний подчинить интересам войны всю внутреннюю жизнь страны². Такая установка означала: перераспределение материальных, финансовых и трудовых ресурсов в интересах производства оборонной продукции; резкое повышение производительности труда на каждом рабочем месте при сокращении численности наиболее трудоспособных работников в связи с их мобилизацией на фронт; бесперебойное снабжение военных отраслей оборудованием, сырьем, топливом, кадрами; организацию сельскохозяйственного производства и производства предметов потребления на уровне, который позволял снабжать фронт и тыл жизненно важной продукцией; организацию четкой работы транспорта; новое промышленное, транспортное, энергетическое строительство на Востоке страны, а позже (по мере изгнания фашистов с советской земли) быстрое восстановление народного хозяйства на освобожденных территориях для активного подключения их к военно-экономическому потенциалу страны. Реализация этих процессов давала нашему обществу гарантию выдержки длительную войну и обеспечить победу над врагом.

Создание слаженного военного хозяйства проходило в чрезвычайно тяжелой обстановке: к осени 1941 года враг оккупировал значительную часть европейской территории страны, где проживало 42 % населения, производилась 1/3 промышленной продукции, засеивалось 47 % посевных площадей. Поэтому в прифронтовой зоне главной формой перестройки народнохозяйственной структуры на военный лад стала массовая эвакуация людских и материальных ресурсов в глубь страны. К ноябрю 1941 года в советский тыл было перебазировано оборудование и кадры 1523 промышленных предприятий; 8,5 млн. голов общественного скота; значительная часть производственных фондов МТС; множество материальных и культурных ценностей, эвакуировано более 10 млн. человек. Таким образом, за 3—4 месяца на тысячи километров в глубь СССР практически переместилась целая индустриальная страна.

Слаженное и быстрорастущее военное хозяйство отличалось высоким уровнем экономической организации и эффективным использованием пре-

имущества социалистического производства. Имея в 3—4 раза меньше стали и в 3—3,5 раза меньше угля, советский тыл производил в годы войны в 2 раза больше вооружения и боевой техники, чем империалистическая Германия, в распоряжении которой практически находился военно-экономический потенциал всей Западной Европы.

Однако слаженное военное хозяйство должно было производить не только военную, но и гражданскую продукцию, причем удельный вес последней (производство средств производства и производство предметов потребления), начиная с 1943 года, стабильно увеличивался, а удельный вес военной продукции снижался: так, в 1942 году на долю гражданской продукции приходилось 36,1, а на долю военной—63,9 %; в 1943—соответственно—41,7 и 58,3; в 1944—48,7 и 51,3; в 1945 году соответственно—59,9 и 40,1 %³.

Такой высокий жизненный тонус СВХ был обусловлен прежде всего общественной собственностью на средства производства, при которой интересы работников, производственных коллективов и общества сливаются воедино, образуя атмосферу высокой социальной ответственности каждого человека за интересы общества в целом. Поэтому любой экономический процесс, вызванный к жизни объективной необходимостью, решался и в условиях СВХ быстро, целенаправленно, с присущей социализму планомерностью.

Напротив, в условиях капитализма с его частной собственностью на средства производства развитие экономики в современной войне базируется на процессах разрушения и деформации производительных сил. Опыт фашистской Германии доказал это еще раз. При каждом последующем цикле воспроизводства экономический базис этой страны становился все более узким, процесс общественного производства внутренне разорванным, пока, наконец, государственно-монополистический капитал Германии не оказался перед лицом все растущего недопроизводства продукции, а затем и полного военно-экономического краха.

Реализация великих экономических преимуществ социалистической системы хозяйства в условиях СВХ происходила путем умелого использования экономических законов социализма, которые выражали глубинную природу социалистических производственных отношений, хотя конкретные формы проявления этих законов (а следовательно, и формы их использования) равно как факторы и условия, которые воздействовали на эти конкретные формы, претерпели в период войны серьезные изменения. Проиллюстрируем это на примерах. Внутреннюю, причинно-следственную связь явлений, присущих экономической природе сложенного военного хозяйства, наиболее ярко, на наш взгляд, выражали:

Основной экономический закон, содержание которого определялось объективной необходимостью обеспечить на основе непрерывного роста и совершенствования сложенного военного хозяйства бесперебойное снабжение действующей армии и фронта необходимой продукцией. Принцип «Все для фронта, все для победы!» выражал высшую цель экономической стратегии социалистического общества, вступившего в смертельную схватку с фашизмом. При этом генетическая основа социалистического способа производства оставалась неизменной, так как характер соединения работников со средствами производства и в условиях СВХ был непосредственным и планомерным. Вот почему СВХ заключало в себе практически неограниченные возможности для быстрого роста и совершенствования выпускаемой оборонной продукции, для максимального использования в этих целях всех имевшихся ресурсов;

Закон планомерного пропорционального развития, действие которого сводилось к резкому изменению сложившихся в мирное время соотношений в хозяйственном механизме страны, к глубокой структурной перестройке всего общественного производства, распределения, обмена и потребления путем установления особых (весьма специфических с позиций мирной экономики) оборонных пропорций. Такая перестройка была объективно-вынужденной, она явилась тем неизбежным злом большой войны, когда приходилось ломать народное хозяйство, «...придавая ему односторонний военный характер, и идти на сокращение потребления в тылу, чтобы обеспечить регулярное снабжение армии на фронте...»⁴ Предприятия, которые выпускали продукцию непосредственно для фронта, получали необходимые средства производства и рабочую силу в первую очередь и в достаточном количестве. Этот закон соблюдался плановыми органами со всею строгостью военного времени. В результате уже в 1942 году на

нужды фронта использовалось более 58 % национального дохода страны, 68 % ее промышленной продукции, 24 % — сельского хозяйства, 61 % транспорта⁵;

Закон экономии рабочего времени, наиболее обобщенно выразивший объективную необходимость минимальных затрат совокупного общественного времени на реализацию высшей цели сложенного военного хозяйства. Система жесткого государственного контроля за всем процессом воспроизводства и распределения материальных и трудовых ресурсов обеспечивала непосредственную связь между количеством общественного времени на выполнение государственных планов и программ и размером той потребности в данном времени, которую определял фронт и которая в условиях войны выступала общественно необходимой;

Закон повышающейся производительности общественного труда, действие которого, как и в мирное время, было обусловлено всей системой экономических законов. Чем выше росла производительность труда, тем больше становились размеры совокупного общественного и военного продукта, тем полнее удовлетворялись главные потребности всего общества и каждого его члена («Все для фронта, все для победы!»). Борьба за рост производительности труда шла на каждом рабочем месте. В итоге с 1942 по 1944 год производительность труда в промышленности советского тыла выросла на 43, а в непосредственно оборонных отраслях — на 121 %. Среднемесячная выработка на одного рабочего на завершающем этапе войны выросла на 70,2 %⁶.

Поскольку экономические законы реализуются не непосредственно, а «...в приближении, в тенденции, в среднем...»⁷, через производственную, трудовую деятельность коллективов и индивидов — постольку анализ процесса их реализации неотделим от анализа главной производительной силы общества, т. е. рабочего, трудящегося. В ходе войны, когда приходилось непрерывно наращивать выпуск боевой техники, вооружения, боеприпасов, осваивать новую технологию, новые методы производства, происходили и качественное развитие, бурный рост квалификации и профессиональной культуры личного фактора производства, поскольку качественно менялись и орудия труда, и средства производства, и содержание производственных функций рабочего.

Такую войну, как Великая Отечественная, могло выиграть только государство, обладавшее присущими его социалистической природе преимуществами и объективными возможностями (экономическими, военно-техническими, морально-политическими и собственно военными), которые в совокупности и предопределили исход борьбы.

¹ Косыгин А. Н. В едином строю защитников Родины.— Коммунист, 1980, № 7, с. 59.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.

³ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны.— М., 1970, с. 350.

⁴ Жданов А. А. 29-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.— М., 1946, с. 11.

⁵ См.: Плановое хозяйство, 1971, № 1, с. 52.

⁶ См.: Кравченко Г. С. Указ. соч., с. 340.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 355.

В. Б. ЛЮКОВИЧ

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ БУРЖУАЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Выделение экономической функции буржуазного государства из ряда других, через которые реализуется деятельность господствующего класса, вызвано необходимостью анализа государственного вмешательства в экономическую жизнь общества. Государственно-монополистическое регулирование, проводимое развитыми капиталистическими странами с целью стабилизации кризисного развития экономики, непосредственно связано с осуществлением буржуазным государством экономической функции. Исследование государственной деятельности в экономической сфере, однако, не исчерпывается проблемой государственно-монополистического регулирования, хотя составляет важный ее момент, поскольку буржуазное

государство с самого начала своего становления активно воздействовало на экономику.

Марксистская концепция государства является составной частью диалектико-материалистического учения о развитии человеческого общества, поскольку основоположники марксизма рассматривали появление государства как закономерный процесс развития общественных отношений. Материальные основы существования государства со всей полнотой изложены в «Капитале» К. Маркса и фундаментальной работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Несомненный интерес, как в гносеологическом, так и в методологическом плане вызывают работы К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1847 годов, в которых были заложены научные основы историко-материалистического понимания государства. Так, в работе «К критике гегелевской философии права» К. Маркс показал, что всякое государство может быть понято только обращением к «гражданскому обществу», т. е. к совокупности производственных отношений, которые образуют базис всякого общества. Анализ общественного производства означает одновременно и анализ материальной основы государства. Основоположниками научного коммунизма была вскрыта закономерная связь между политическим государством и экономическим господством определенного класса. Ф. Энгельс писал: «Связующей силой цивилизованного общества служит государство, которое во все типичные периоды является государством господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса»¹. Причем деятельность буржуазного государства находится в прямой зависимости от развития капиталистической собственности. При всем разнообразии методов первоначального накопления капитала в разных странах «все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»². К. Маркс и Ф. Энгельс указали на тот факт, что образование государства в историческом процессе развития общества уходит своими корнями в материальную, экономическую жизнь. Появление элементов государственного устройства или зачатков государственности обнаруживается на стадии первобытнообщинного производства в виде управления совместным трудом, а также организации защиты общинной собственности и т. д. С развитием отношений обмена, а следовательно, с возникновением неравенства в распределении и появлением имущественного неравенства возникает разделение общества на классы и происходит становление эксплуататорского государства.

В основе образования буржуазного государства лежали экономические интересы частной собственности, обусловленные общими принципами организации производства и обмена, вследствие чего появляется необходимость выразить этот общий интерес господствующего класса, противостоящий общему интересу другого класса, в виде «всеобщего» интереса, который принимает форму государства. Относительная самостоятельность, которой обладает буржуазное государство по отношению к «гражданскому обществу», является ничем иным, как выражением соотношения сил, на которых оно покоится. Авторы «Немецкой идеологии» писали, что «на деле государство есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»³. Стало быть, деятельность буржуазного государства основывается на выполнении им функций, вытекающих из условий существования того класса, интересы которого оно представляет. А если принять во внимание взаимосвязь государства и собственности, детерминированную господствующей формой собственности, то становится понятным, что государство в первую очередь выражает интересы монополистической буржуазии. И это непосредственно отражается на функциональной деятельности государства, которая воплощается в экономической, политической, идеологической и социальной функциях. Посредством экономической функции буржуазное государство осуществляет непосредственную связь с экономическим базисом, с капиталистической собственностью как материальной основой классового господства вообще. Соединение государства с экономической структурой происходит как путем создания государственной собственности, так и путем образования смешанных институтов и прежде всего расширением взаимных представительств или образования «личной унии» в различных фи-

нансово-промышленных учреждениях. При этом все функции государства оказываются тесно «сотрудничающими» одна с другой. И если экономическое господство заключается в контроле над средствами производства, процессом производства и его результатами как условиями, обеспечивающими воспроизводство капиталистических отношений и сохранение всего капиталистического способа производства, то политическое господство, а значит и функция, выражаются в обеспечении государственных гарантий этого господства, а идеологическое — в оправдании средств этого господства.

Капиталистическая частная собственность представлена, с одной стороны, антагонистическим противоречием между наемным трудом и капиталом, а с другой — неантагонистическим, между различными группами класса капиталистов, а потому и государство, которое является «концентрированным выражением буржуазного общества», вынуждено соответствующим образом реагировать на эти противоречия. В этом случае буржуазное государство стремится, во-первых, обеспечить общие условия функционирования капиталистической собственности, а во-вторых, условия функционирования господствующей формы собственности. При этом нужно иметь в виду, что равновесие этих условий зависит от степени остроты антагонистического противоречия, поскольку оно есть выражение классовой борьбы. Более того, развитие капиталистической собственности, определяемое законом прибавочной стоимости, приводит к ее эволюции, которая находит выражение в смене и сосуществовании различных форм собственности, следовательно, и к обострению борьбы внутри класса капиталистов. А это отражается на экономической функции государства, так как обеспечение нормального хода воспроизводства общественного капитала является первостепенной задачей, решение которой связывается с необходимостью государственного вмешательства в экономическую жизнь общества. И сращивание государства с капиталистической собственностью происходит через расширение экономической деятельности, что, в конечном итоге, приводит к превращению государства в «совокупного капиталиста».

Государственная капиталистическая собственность является закономерным результатом самодвижения капиталистической частной собственности и выступает одной из ее форм, которая по сути дела означает, что экономическая функция буржуазного государства находит в ней адекватное выражение, но, как писал Ф. Энгельс, «государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения»⁴. Следовательно, экономическая функция буржуазного государства, степень ее возрастания показывает, как это следует из указаний основоположников научного коммунизма, что в такой же мере возрастают и противоречия отношений капиталистической собственности.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 176.

² Там же, т. 23, с. 761.

³ Там же, т. 3, с. 62.

⁴ Там же, т. 20, с. 290.

ГУСТАВ КЕРНЕР

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ МЫСЛИ ПО ПРОБЛЕМАМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Буржуазная контрреволюционная эмигрантская экономическая мысль 20-х годов проблемы распределения при социализме трактовала с реакционных позиций. В связи с тем, что контрреволюционная эмиграция «оседала» преимущественно в Германии, естественно в ее теориях отразилось влияние германского реформизма и ревизионизма. Попытки ревизии марксизма в вопросах распределительных отношений при социализме предпринимал Б. Бруцкус, выдворенный за пределы Советской России за контрреволюционную деятельность. Он начал с того, что извратил марксово определение содержания заработной платы при капитализме. Б. Бруцкус утверждал, что К. Маркс в содержание заработной платы при капитализме включал обеспечение лишь чисто физического прожиточного минимума, что — неправомерно. К. Маркс представлял заработную плату

как превращенную форму товара «рабочая сила», включающую физические и социальные границы стоимости этого специфического товара. Переходя к анализу социализма, Б. Бруцкус утверждал, что рабочий класс здесь не сможет получать даже этого минимума, а будет «доволен тем, если социализм сможет по меньшей мере гарантировать ему прожиточный минимум»¹. При этом Б. Бруцкус сознательно уводит читателя в сторону от освещения данного вопроса в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Классики марксизма-ленинизма видели органическую взаимосвязь и взаимозависимость таких важнейших для социализма социально-экономических проблем, как социалистическое обобществление производства, развитие общественной собственности на средства производства, планирование народного хозяйства и социалистическое распределение. Они обосновали объективную обусловленность распределения характером производства, раскрыли тесную взаимосвязь между производством и потреблением. Экономические действия в коммунистической общественной формации направлены на то, чтобы «обеспечить всем членам общества путем общественного производства не только вполне достаточные и с каждым днем улучшающиеся материальные условия существования, но также полное свободное развитие и применение их физических и духовных способностей»².

Зависимость между производством, распределением, обменом и потреблением классики марксизма-ленинизма понимали не односторонне, а как многообразную взаимозависимость; они также считали, что и само производство зависит от распределения, обмена и потребления, поэтому предвидели, что труд людей при социализме все больше будет обогащаться элементами творчества, новаторства, что физически тяжелый и монотонный труд постепенно исчезнет и ему на смену придет труд, воедино соединяющий физические и умственные способности, дающий возможность в полную силу развернуться творческим способностям человека.

Ф. Энгельс писал, что при социализме труд станет средством освобождения людей, «предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные»³. Вместе с тем он подчеркивал стимулирующее воздействие распределения на производство и всестороннее развитие личности, указывая, что при социализме «развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»⁴.

Б. Бруцкус сознательно обходит в своих измышлениях данное положение, пытается навязать читателю мысль, что при социализме проблемы распределения не может быть. Вместо раскрытия взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса или В. И. Ленина, или буржуазной критики положений марксизма-ленинизма в данном вопросе он ставит демагогический вопрос в духе Лассалья: сможет ли социализм определить к выдаче рабочему «неурезанный доход»⁵. Между тем в «Критике Готской программы» К. Маркс показал несостоятельность взглядов Лассалья и утверждал, что социалистическое общество не должно и не может весь общественный продукт расходовать на нужды индивидуального потребления. Для обеспечения непрерывности производства оно должно прежде всего возместить потребленные средства производства, выделить часть ресурсов на расширение производства и создание резервов. Кроме этого, часть средств необходимо расходовать на создание общественных фондов потребления и лишь оставляющую часть продукта общества можно распределить между работниками с учетом количества и качества труда⁶.

В. Бруцкус и другие контрреволюционные эмигранты, обходя анализ проблем распределения при социализме, изложенный в ряде работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, выхватывают из контекста отдельные цитаты и на их основе делают антинаучные выводы. Так случилось и с письмом К. Маркса от 05.05.1875 года Вильгельму Бракке, в котором К. Маркс не отвергал возможности вычетов из заработной платы работников определенной суммы, расходуемой на социальное страхование, просвещение, культуру и т. д. Возможность подобных вычетов допускалась и В. И. Лениным. Б. Бруцкус, не указывая точного размера этих вычетов (при социализме они незначительны), пытается обосновать тезис о том, что социалистическое государство не может обеспечить трудящимся нормальный прожиточный минимум, изымая не только прибавочный, но и большую часть необходимого продукта.

Контрреволюционная эмигрантская экономическая мысль пыталась вульгаризировать марксизм, провозгласить одной из его догм уравнилельное распределение. Ею была взята на вооружение мелкобуржуазная троцкистская теория распределительных отношений. Что же касается позиции марксизма в данном вопросе, известно, что К. Маркс и В. И. Ленин всегда были категорическими противниками уравнилельного распределения в социалистическом обществе. Эта и подобная фальсификация экономической теории марксизма составляет сущность основных высказываний контрреволюционной эмиграции о якобы отсутствующей теории социалистической революции, о неразработанности проблем социалистического строительства, на основе чего делался вывод о «преждевременности» социализма, формулировались посылки о логической и исторической несостоятельности постановки вопроса о победе социализма в СССР. Между тем исходные позиции социалистического строительства — общественная собственность на средства производства, планомерная форма развития общественного производства, распределение по труду — были развиты классиками марксизма-ленинизма задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ Brutzkus B. Die Lehren des Marxismus im Lichte der russischen Revolution.— Berlin, 1928, S. 391.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 294.

³ Там же, с. 305.

⁴ Там же, с. 206.

⁵ Brutzkus B. Die Lehren des Marxismus, S. 48—49, 57.

⁶ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 17.

И. А. СКАЗЕЦКАЯ

БРИГАДНАЯ ФОРМА КООПЕРАЦИИ ТРУДА И ОПТИМАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ И ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Экономическая политика партии предусматривает расширение участия коллективов в мобилизации резервов роста производительности труда. Это находит свое воплощение в развитии социалистического соревнования, в создании бригадных форм организации и оплаты труда.

Эффективность процесса труда каждого производственного коллектива (бригады) при социализме достигается творческим, сознательным отношением к совместному труду, творческим характером социалистической кооперации труда. Творческий характер кооперации означает, что совместная деятельность людей направлена на совершенствование организации, овладение передовыми методами и приемами труда, на развитие прогрессивных форм социалистического соревнования и укрепление трудовой дисциплины. Между участниками совместного труда осуществляется прямой, непосредственный обмен производственной деятельностью, выступающий в форме товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, соревнования.

Общественная собственность на средства производства коренным образом изменила положение трудящихся в производстве. Собственность на средства производства — одно из основных звеньев всей системы производственных отношений. Форма собственности в свою очередь обуславливает определенный способ соединения работников со средствами производства и выступает как «отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда», т. е. отношение «распределения элементов самого производства»¹.

Труд при социализме носит всеобщий характер, поэтому соединение работников со средствами производства обязательно и осуществляется в интересах всех трудящихся. Рабочий в социалистическом производстве является равноправным совладельцем (хозяином) средств производства. Рабочая сила как совокупность физических и умственных способностей человека здесь не может быть продана как товар. Но установление общественной собственности на средства производства еще не означает, что превращение «моего» в «наше» проходит безболезненно. Конечно, «получить» право хозяина и стать хозяином — настоящим, мудрым, рачительным — далеко не одно и то же», — отмечал Ю. В. Андропов².

В процессе производства трудящиеся, становясь собственниками средств производства, вступают в новые экономические отношения, которых нет в капиталистическом обществе. Отношения проявляются в развитии коллективизма и ответственности за качество труда и продукции, дисциплину труда, в творческом отношении к труду.

В этих условиях «в планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции». «Именно кооперация труда свободных и ассоциированных работников, — по словам К. Маркса, — обуславливает необходимость планомерного их сотрудничества»³. Только через кооперацию может быть осуществлено прямое, планомерное соединение всех участников общественного производства со средствами производства, а бригадная форма кооперации труда порождает новые стимулы к труду — заинтересованность людей (членов данного трудового коллектива) в развитии общественного производства посредством материального и морального поощрения.

Бригады нового типа определяются как коллективы, работающие на единый наряд, — конечный результат с использованием коэффициента трудового участия (КТУ). Оплата труда за конечные результаты работы, являющиеся плодом коллективных усилий, порождает тесную связь между членами бригады, основанную на коллективной заинтересованности и коллективной ответственности. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс видели преимущества совместного труда не только в возможности производства в крупном масштабе, но главным образом в том, что свободный, ассоциированный труд содержит в себе широкие возможности для творчества.

Научно-технический прогресс оказывает существенное влияние на развитие бригадной формы труда. Трудовой коллектив никогда не бывает абсолютно однородным. Разные опыт и квалификация, темперамент и инициатива, интересы и увлечения — все это имеет значение и, безусловно, должно учитываться при распределении обязанностей в бригаде. Уравниловка в таких случаях, как правило, существенно снижает творческий потенциал коллектива. Распределение обязанностей в бригаде должно быть строго дифференцированным. С оплатой же труда дело обстоит намного сложнее. Коллектив или личность, равенство или дифференцирование — вот главная проблема, которую необходимо решать, устанавливая наиболее подходящую форму распределения бригадного заработка в каждом конкретном случае. Социологические исследования могут предоставить надежную «обратную связь», т. е. дать информацию о реакции на введение новшеств. Такое социологическое исследование проводилось в I квартале 1983 года на производственном объединении «Интеграл». В субъективном мнении рабочих о коллективных методах труда отразилось восприятие конкретных изменений, происходящих в жизни коллектива. Так, на вопрос анкеты «Считаете ли Вы, что при работе на единый наряд необходимо учитывать индивидуальный вклад и инициативу каждого работника, т. е. использовать КТУ?» каждый второй анкетированный полагает, что КТУ следует применять в любом случае. Это в общем совпадает с объективным положением дел в объединении: приблизительно столько же процентов бригад (46 %) используют КТУ в своей работе в настоящее время, что на 4 % больше по сравнению с 1981 годом. На вопрос «Если КТУ у Вас используется, способствует ли это более справедливому распределению заработной платы между членами бригады?» 56,2 % анкетированных ответили: «Да, в бригаде каждый получает только то, что он заслуживает». 23,4 % отметили, что использование КТУ способствует справедливому распределению премиальных, но не касается тарифных ставок, что в общем тоже приемлемо. 20 % анкетированных утверждали, что использование КТУ в бригаде не приносит пользы. Подсчет КТУ в соответствии с квалификацией работников в специализированных бригадах, где все выполняют одну и ту же операцию, не только бесполезен, но и вреден. Это не означает, что в таких бригадах КТУ применять вовсе не следует. Уравниловка в них еще более опасна. Объективная специфика работы в таких бригадах позволяет учитывать индивидуальную выработку каждого. Поэтому наиболее рациональным здесь является подсчет КТУ именно по этому основному показателю. В общем этот метод мало чем отличается от индивидуальных способов распределения и учета труда. Но такие специализированные на одной операции бригады вообще имеют несколько искусственный характер.

В некоторых комплексных бригадах, особенно там, где работники хотя и выполняют разные операции, но по каждой из них легко подсчитыва-

ются объективные результаты, целесообразно использовать экран соревнования. Наиболее рационально в таких случаях подводить итоги соревнования не по прямой выработке (ибо трудно сопоставить выработку на разных операциях), а по проценту выполнения сменных заданий, которые должны доводиться как в соответствии с объективной необходимостью, так и с учетом индивидуальных возможностей каждого работника.

Добиться максимального объективного и справедливого распределения заработной платы в таких бригадах — задача нелегкая, но вместе с тем чрезвычайно важная, особенно там, где численность бригады достигает нескольких десятков человек, и где поэтому существенно осложнен взаимный контроль работников. В такой ситуации, даже при условии абсолютно добросовестной работы каждого, у некоторых работников вполне может создаться субъективное мнение, что кто-то проявляет недостаточно добросовестное отношение к труду. Естественно, отношения в коллективе от этого не улучшаются. Учет КТУ (при грамотном его использовании) позволяет снимать напряжение такого рода.

В бригадах с небольшой численностью работающих использование КТУ может оказаться излишним. Здесь вступают в силу другие стимулы: взаимное доверие, коллективизм, товарищеское сотрудничество. Введение КТУ в таких случаях может нарушить атмосферу взаимного доверия и ответственности в коллективе. Нет, таким образом, единого мнения о том, надо или не надо использовать КТУ в бригадах. Необходимо предоставить право выбора самому коллективу, чтобы совершенствование оплаты труда обеспечивало соответствие заработной платы каждого работника личному трудовому вкладу и зависело от конечных результатов работы коллектива.

Внедрение бригадных форм кооперации труда на производстве, несомненно, предполагает определенную демократизацию управления, состоящую прежде всего в предоставлении известной самостоятельности бригадам. Уровень демократизации управления на предприятии свидетельствует о степени зрелости коллектива. Однако не подлежит сомнению и то, что демократия должна разумно сочетаться с централизмом в управлении.

Важным показателем оптимального сочетания коллективных и личных интересов в бригаде является количество рабочих рук, которые может высвободить бригада. Способность производить то же количество продукции меньшим количеством людей свидетельствует, как правило, о принципиальной перестройке организации труда в бригаде, что чрезвычайно важно в условиях острого дефицита трудовых ресурсов.

Из 624 анкетированных на вопрос «Как Вы полагаете, сколько человек могла бы высвободить ваша бригада без снижения своей выработки при условии, что общий заработок бригада получила бы только за сделанную работу без учета количества людей?» 20,8 % ответило, что их бригада могла бы высвободить только одного человека, 12,8 — двух, 36,5 — трех, 22,3 — четырех, 7,5 % — пятерых. «Как практически осуществить их высвобождение?» — отвечая на этот вопрос, лишь 20,8 % анкетированных высказались, что лишних людей необходимо переводить в другие бригады или на индивидуальную работу; 12,8 % предложили переводить высвобождающихся рабочих на другие предприятия; 36,5 % предложили компромиссное решение: требовать увеличения объема работы, выполняемой бригадой, для обеспечения занятости высвободившихся людей. Это, конечно, было бы неплохо, если бы всегда существовала возможность такого выхода. А что делать, когда такой возможности нет? Судя по всему, большинство из этих 36,5 % присоединится к тем 7,5 %, которые временно посылают освободившихся людей на работу в другие подразделения с поступлением заработка в общий фонд бригады, или даже к тем 22,3 %, которые считают, что следует перераспределить имеющуюся работу поровну, т. е. фактически отказаться от высвобождения лишних рабочих рук. Вряд ли такое положение можно признать удовлетворительным. Необходимо выполнять план с наименьшей численностью персонала, а освободившихся людей переводить в другие подразделения.

В условиях коллективной формы организации труда значительная часть заработной платы каждого рабочего непосредственно зависит от результатов коллективного труда. Поле труда каждого отдельного члена бригады расширяется при этом до пределов всей совместной работы как известной совокупности операций и становится вследствие этого общим для всех работающих. Это находит выражение в форме освоения каждым производителем смежных профессий, многостаночного обслуживания, что

в конечном итоге приводит к росту производительности труда. Перемена трудовых функций дает дополнительный импульс деятельности рабочего.

Переход к коллективным формам кооперации труда в социалистическом обществе приобретает все большее значение для решения проблем, связанных с совершенствованием соединения работников со средствами производства, так как главное в бригадной форме кооперации — развитие коллективизма, возрастание ответственности за работу, повышение качества труда и продукта, повышение производительности труда. Оплата труда за конечные результаты, являющиеся плодом коллективных усилий, порождает тесную связь между членами бригады, основанную на коллективной материальной заинтересованности и коллективной ответственности.

Члены комплексных бригад овладевают профессиями своих товарищей, так как этого требует специфика их труда в бригаде, где связи между работниками наиболее осязательны и непосредственны, и поэтому у них возникает потребность овладевать дополнительными трудовыми функциями. При этом появляется возможность не только развивать способности человека, но и применять их.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20; т. 24, с. 39.

² Коммунист, 1983, № 3, с. 12.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 341, 342.

А. А. БОРИСОВ, Г. Я. КОНОВАЛОВ

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ РАЗМЕРОВ ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ

(на примере предприятий Минплодоовощхоза БССР)

При реализации Продовольственной программы предстоит решать вопросы концентрации перерабатывающей промышленности, в т. ч. и плодоовощеконсервной. Чтобы устранить дальние перевозки, приводящие к снижению качества и потерям продукции, предусмотрено значительно расширить сеть предприятий, приблизить их к местам производства. Одновременно получит дальнейшее развитие агропромышленная интеграция, а также переработка плодоовощной продукции непосредственно в колхозах и совхозах.

Наряду с более эффективным использованием сырьевых ресурсов для плодоовощеконсервной промышленности большое значение имеет снижение затрат на переработку плодоовощной продукции. Так, по 26 предприятиям Минплодоовощхоза БССР затраты на 1 руб. товарной продукции в 1982 году колебались в пределах от 0,81 руб. до 1,50 руб., а выработка на 1 работающего от 5,0 до 23,0 тыс. руб.

Большое влияние на эффективность работы предприятий оказывает уровень концентрации производства. «Рост размеров промышленных предприятий, — писал К. Маркс, — повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития его материальных движущих сил, т. е. для прогрессирующего превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно комбинированные и научно направляемые процессы производства»¹.

Следовательно, влияние размеров производства на результаты работы предприятий общепризнанно. Но здесь возникает вопрос, имеющий принципиальную важность: в каких пределах наиболее экономически выгодно повышать размеры производства?

С этой целью нами проанализированы данные по выработке на 1 работающего на предприятиях плодоовощеконсервной промышленности БССР с различными объемами производства (табл. 1).

В данном случае фактические данные сгруппированных предприятий выражают криволинейную форму зависимости производительности труда от размера производства и модель этой связи выразится параболой второго порядка, т. е.

$$yx = a + bx + vx^2, \quad (1)$$

где: а, б и в — неизвестные коэффициенты.

Таблица 1

Число предприятий в группе	Среднегодовой объем товарной продукции, млн. руб.	Выработка на одного работающего, тыс. руб.
9	0,1—1,1 (0,6)	8,4
7	1,1—2,1 (1,6)	9,0
3	2,1—3,1 (2,6)	9,2
3	3,1—4,1 (3,6)	16,4
2	4,1—5,1 (4,6)	13,8
2	5,1—6,1 (5,6)	13,2

Для нахождения этих коэффициентов обращаемся к способу наименьших квадратов и решаем следующую систему уравнений:

$$\begin{aligned}\Sigma y &= an + b\Sigma x + c\Sigma x^2, \\ \Sigma xy &= a\Sigma x + b\Sigma x^2 + c\Sigma x^3, \\ \Sigma x^2y &= a\Sigma x^2 + b\Sigma x^3 + c\Sigma x^4,\end{aligned}\quad (2)$$

где: n — число групп предприятий, по которым анализируются данные.

В качестве аргумента возьмем связанную с заданными значениями линейно величину

$$x_1 = \frac{x - 3,1}{1,0}.$$

Так, для группы с годовым объемом товарной продукции 0,6 млн. руб.

$$x_1 = \frac{0,6 - 3,1}{1,0} = -2,5 \text{ и т. д.}$$

Численные значения сумм для решения уравнений (2) рассчитываем во вспомогательной табл. 2.

Таблица 2

Среднегодовой объем товарной продукции, млн. руб.	Выработка на работника, тыс. руб.	Расчетные графы				
		x_1	x_1^2	x_1^4	x_1y	x_1^2y
0,6	8,4	-2,5	6,25	39,0625	-21,0	52,5
1,6	9,0	-1,5	2,25	5,0625	-13,5	20,25
2,6	9,2	-0,5	0,25	0,0625	-4,6	2,30
3,6	16,4	0,5	0,25	0,0625	8,2	4,10
4,6	13,8	1,5	2,25	5,0625	21,7	31,05
5,6	13,2	2,5	6,25	39,0625	33,0	82,50
—	70,0	—	17,5	88,375	23,8	192,6

Используя данные табл. 2 и учитывая, что сумма всех нечетных степеней x_1 равна нулю, получим нормальные уравнения (2) в виде: $a \cdot 6 + b \cdot 17,5 = 70,0$; $b \cdot 17,5 = 23,8$; $a \cdot 17,5 + b \cdot 88,375 = 192,6$. Из этой системы получаем: $a = 12,534$; $b = 1,3$; $c = -0,3$. Таким образом: $\bar{y}x_1 = 12,534 + 1,3x_1 - 0,3x_1^2$. Заменяя x_1 на x , получим зависимость уровня производительности труда от размера производства

$$\bar{y}x = 5,734 + 3,16x - 0,3x^2, \quad (3)$$

где: $\bar{y}x$ — средний уровень выработки, тыс. руб. (при заданных значениях x); x — объем вырабатываемой продукции, млн. руб.

Сравнение значений эмпирической модели (3) с исходными данными приведено в табл. 3.

Таблица 3

Выработка на работника, т. т. руб.	
фактически	по формуле (3)
8,4	7,5
9,0	10,0
9,2	11,9
16,4	13,2
13,8	13,9
13,2	14,0

Таблица 4

Группы предприятий по выпуску продукции, млн. руб.	Затраты на 1 руб. товарной продукции
0,6	1,25
1,6	1,13
2,6	1,17
3,6	1,01
4,6	1,11
5,6	1,09

Построенная модель (3) позволяет сделать важный вывод для повышения эффективности работы предприятий. Так, из табл. 3 следует, что наибольший рост выработки на одного работающего наблюдается при объеме производимой продукции в интервале 0,6—3,6 млн. руб. в год. Увеличение размера вырабатываемой продукции на 500 тыс. руб. в год приводит к росту выработки в среднем на 1,5 тыс. руб., в то время как аналогичный прирост вырабатываемой продукции в интервале 3,6—6,0 млн. руб. в год дает снижение выработки в среднем на 640 руб. Итак, анализ модели (3) показывает, что интенсивному росту выработки способствует увеличение размеров предприятия в интервале 0,6—3,6 млн. руб.

Этот вывод подтверждается и анализом показателя затрат на 1 руб. товарной продукции (см. табл. 4).

В результате экономико-статистического анализа нами получена модель зависимости затрат на 1 руб. товарной продукции от размеров производства, которая выражается формулой

$$\bar{y}_x = 1,06 + \frac{0,113}{x}, \quad (4)$$

где: y_x — расчетные затраты на 1 руб. товарной продукции (руб., при заданных значениях x); x — объем выпуска продукции (млн. руб.). Значение модели (4) в расчетах эффективности производства состоит в следующем. Она позволяет для исследованной группы предприятий определить средний показатель затрат на 1 руб. товарной продукции в зависимости от размеров ее выпуска. Модель показывает, что под воздействием возрастающего выпуска продукции затраты на 1 руб. товарной продукции могут стать равными 1,06 руб. Из нее также следует, что значительное снижение себестоимости продукции имеет место в интервале ее производства 0,6—3,6 млн. руб. Прирост выпуска продукции предприятиями на 500 тыс. руб. в год дает снижение затрат на 1 руб. товарной продукции в среднем на 5 коп.

При группировке предприятий нами не включен Быховский консервно-овощесушильный завод вследствие значительного отличия его от других предприятий по размеру производства. Вместе с тем анализируемые показатели данного завода лишь подтверждают выявленную зависимость. При объеме товарной продукции в 8,5 млн. руб. выработка на заводе составила 12,8 тыс. руб., а затраты на 1 руб. товарной продукции 1,17 руб.

Естественно, что на результаты анализа в определенной мере оказали влияние такие факторы, как уровень специализации, степень использования основных фондов, ассортимент выпускаемой продукции и т. д.

Вместе с тем можно сделать следующий вывод. Для повышения эффективности работы предприятий плодоовощеконсервной промышленности целесообразно на современном этапе концентрировать их производство в указанных размерах.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 642.

В. П. ЕВДОКИМОВ

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Системность имеет место в любой сфере и в любом виде человеческой деятельности. В юриспруденции параллельно существуют два крупных системных образования — система права и система законодательства. Раскрытие необходимости их совместного существования, характера взаимоотношений и степени воздействия друг на друга представляет значительный научный интерес.

Обычно в литературе система права исследуется посредством изучения ее структуры. Структура же, как известно, представляет собой элементный состав системы с комплексом закономерно присущих ему внутренних связей. Выяснить соотношение систем права и законодательства можно путем проведения сравнительного анализа их элементов, структурных подразделений и связей между ними.

Если норма права является общепризнанным элементом системы права, то вопрос об элементе системы законодательства остается дискуссионным¹. Наиболее верным с точки зрения системы законодательства как органического единства всех изданных в установленном порядке нормативно-правовых актов, закономерно связанных между собой отношениями иерархического, отраслевого и федеративного видов, представляется признание элементов этой системы нормативного акта в целом. Как известно, элементом системы является та минимальная ее часть, которая способна сохранять присущие данной системе свойства. Если система законодательства в целом призвана регулировать весь комплекс общественных отношений, нуждающихся в таком регулировании, то каждый отдельный нормативный акт издается с целью комплексного регулирования определенного «участка» этих отношений. Содержащиеся в нормативном акте статьи, пункты, части и т. п. тесно взаимосвязаны между собой и взаимозависимы друг от друга, чем достигается цельность, интегративность нормативного акта и его всестороннее воздействие на предмет регулирования. Отсюда видно, что нормативный акт представляет собой систему законодательства в «миниатюре», т. е. является ее элементом.

При всем этом существует мнение, что практическая необходимость разделять понятия «норма права» и «нормативный акт» отсутствует². Общеизвестно, что эти понятия соотносятся друг с другом как содержание и форма. Но, хотя форма и зависит от содержания, она имеет относительную самостоятельность и сама может активно воздействовать на содержание. В нынешних условиях существования нашего общества, когда единственным источником права является нормативно-правовой акт, правовая норма представляет собой прежде всего идею о том, каким образом регламентировать поведение людей в определенных ситуациях. Но это не просто идея, а идея, воплощенная в конкретную форму, в которой она приобретает практическое значение. Как политическая значимость идеи требует соответствующей формы выражения (закона, указа, постановления и т. д.), так и внешняя форма может придавать идее различную социальную значимость. Поэтому отождествлять норму права и нормативный акт нельзя, хотя эти понятия в настоящее время, безусловно, органически взаимосвязаны. Норма — идея, правило, а нормативный акт — еще и средство, при помощи которого правило реализуется, становится фактом.

В «чистом» же виде правовая норма есть идея, нуждающаяся в реализации, а нормативный акт — более объемное понятие, это есть правовая идея плюс гарантии ее реализации.

В соответствии с общепринятым структурным делением систем права и законодательства их элементы группируются в институты и отрасли. Анализ соотношения отраслей права и законодательства является ключевым вопросом при исследовании взаимоотношений двух систем. Невозможность четкого определения сущности отрасли права и отрасли законодательства и их соотношения друг с другом явилась причиной появления множества концепций о целой иерархии отраслей, что привело к искусственному усложнению конструкции системы права и системы законодательства и весьма затруднило определение соотношений между этими системами, как и между их отраслями. И вот предлагается выход из создавшегося положения, средство избавиться от путаницы в этом вопросе: «отрасль права и отрасль законодательства — различные термины, за которыми скрывается тождественное содержание»³. Автор утверждает, что разделение отрасли права и отрасли законодательства по принципу «идеальное — реальное», «идея — ее осуществление» не имеет практического смысла и не способствует совершенствованию правовой материи и углублению наших знаний о ней. Единственно практически действующей, реальной автору представляется лишь отрасль законодательства, а существование понятия «отрасль права» является уже излишним как лишенное функциональной нагрузки. Но может ли отрасль права как самостоятельное понятие так долго существовать, если в этом нет никакой практической необходимости? Для чего же существует отрасль права как совокупность идей, воплощенных в нормативно-правовых актах? Чтобы регулировать общественные отношения? Но ведь сущность соотносится с окружающим миром через свою форму. Идеи сами по себе не регулируют общественные отношения, их регулируют акты при помощи содержащихся в них идей, т. е. правовых норм. А если общественные отношения регулируются отраслью законодательства, представляющей единство формы и содержания, то что же остается на долю отрасли права? Единственным ответом на этот вопрос представляется тот, что деление права на отрасли вызвано необходимостью познания и изучения самого права. Именно с целью облегчить процесс его изучения известные отрасли права и были в свое время выделены учеными-правоведами из всей массы правового материала. Изучая право, мы изучаем идеи, заключенные в нормативно-правовых актах, т. е. по сути дела изучаем законодательство. Но законодательство чрезвычайно обширно и содержит массу повторяющихся моментов, т. е. абсолютно не приспособлено для изучения содержащихся в нем правовых идей. Поэтому сами эти уже реализованные, т. е. имеющие практическую значимость, идеи с целью их познания и изучения были классифицированы и распределены по институтам и отраслям. Следовательно, подменять отрасль права отраслью законодательства нельзя, обе они являются практически необходимыми и поэтому имеют право на существование.

Вообще объективное начало отрасли и самой системы законодательства нередко необоснованно игнорируется. Система законодательства трактуется лишь как результат деятельности по упорядочению нормативного материала⁴. По нашему мнению, систематизироваться может лишь законодательство, уже являющееся системой, так как сама систематизация отражает объективно имеющиеся внутри совокупности нормативно-правовых актов связи и отношения. Вывод о чисто субъективном происхождении системы законодательства имеет своей основой представление о том, что лишь система права отражает структуру общественных отношений, т. е. основывается на объективной реальности, а система законодательства отражает уже систему права, т. е. соотносится с объективной реальностью опосредованно, через систему права. Но при этом не учитывается, что система действующих в обществе отношений многоструктурна, а структура права и структура законодательства являются разными аспектами этой макроструктуры, отражают систему общественных отношений в разных плоскостях. И вообще спор о субъективности либо объективности системы права и системы законодательства безоснователен, ибо «сами критерии объективного и субъективного в праве достаточно расплывчаты. И право как система норм, и законодательство — синтез объективного и субъективного, четкую грань между ними провести невозможно»⁵. И право, и законодательство субъективны как продукт воли человека, но объективны

как закономерный результат развития общества, как имеющаяся в наличии реальность. Их конкретная форма, их структура являются одним из вариантов системности данных явлений, избранным с учетом удобства их функционирования в интересующем государстве направлении.

Но если система законодательства имеет свое материальное воплощение в виде нормативно-правовых актов, то система права существует лишь в нашем сознании, да на страницах научных работ и учебных пособий. Этот факт еще раз подтверждает, что практически действующей, активной является только система законодательства, а систематизация права имеет прежде всего прикладное значение — создание средства его познания. Система права и система законодательства — явления, служащие разным целям, выполняющие каждая свою специфическую функцию и развивающиеся по своим собственным законам. Поэтому вряд ли существует необходимость максимального сближения системы законодательства с системой права, ее ориентации на последнюю. Сторонники данной точки зрения считают, что развитие системы законодательства в указанном направлении устранил излишнюю множественность актов, обеспечит доступность и обозримость законодательства, упростит деятельность по его применению и т. п.⁶ Если следовать этому курсу, то отрасль законодательства должна быть чуть ли не копией отрасли права, фотографическим отображением отрасли права в форме законодательства, что фактически и предлагается. Но практика пошла по другому пути, и для этого имелись свои причины — различная функциональность этих отраслей. Система права действительно должна быть основой системы законодательства, но основой не в смысле соответствия структурного деления, а в смысле использования набора ее (системы права) элементов в качестве «кирпичиков» для «строительства» по собственному проекту. Система права — это полный набор, «комплект инструментов» для регулирования отношений в обществе, она служит своеобразным источником, из которого законодатель черпает модели правовых норм для их материализации и практического употребления. В настоящее время возникновение принципиально новых, отличных по своей природе правовых норм, не подпадающих под требования существующих отраслей права, маловероятно. Система права выполняет роль основы, на которой базируется законодательство, способное изменять свою структуру в пределах, обусловленных системой права, точнее, ее элементным составом. При условии стабильности системы права и маловероятности появления принципиально отличных правовых норм система законодательства не может выйти за рамки системы права, т. е. воспользоваться не входящими в конкретную систему права «инструментами». Только в этом смысле система права является основой системы законодательства. Призывы к ориентации системы законодательства на систему права, к их максимальному сближению основаны на устоявшемся представлении о системе законодательства как внешней форме системы права, являющейся ее содержанием⁷. Однако искусственно разделять форму и содержание нельзя. Система законодательства представляет собой органическое единство нормативно-правовых актов (содержание) с присущими им связями и отношениями, т. е. выраженная определенным образом — в виде известной нам системы (конкретная форма). В свою очередь, конкретная система права — идеальная конструкция, в ее основе (содержание) находятся нормы права (идеи), а формой является наше представление о взаиморасположении этих норм. Система права — это «объективизированный в сфере общественного сознания результат систематизации правовых норм»⁸. Даже если рассматривать систему законодательства с точки зрения наличия в ней правовых норм, то и тогда она не может выступить формой системы права. В системе законодательства нормы права упорядочены одним образом, в системе права — другим. Система права сама представляет собой конкретную форму объединения правовых норм и поэтому не может принять другую форму, в данном случае форму системы законодательства, не ликвидировав своей. Различная организация сосуществования норм права вызвана необходимостью выполнения специфических задач. Нормы права могут быть искусственно изъяты из своей материальной «оболочки» и своеобразно организованы между собой только с одной целью — ради познания, исследования. Прежде чем занять свое место в системе права, норма проходит три необходимых стадии: сначала в результате творческих усилий появляется идея о способе регламентации человеческого поведения, затем как признание ее актуальности следует технический процесс материализации, «одевание»

идеи, т. е. включение ее в текст правового акта и уже после этого — включение нормы из акта и присоединение ее к группе других (институту, отрасли права). Система права была выделена в свое время как результат изучения правовых норм и затем предложена в качестве схемы, теоретического подспорья для дальнейшего исследования многообразия нормы права.

В отличие от системы права система законодательства является непосредственно практически действующей, организованной определенным образом с целью наиболее эффективного применения права. Если система права в своем развитии ориентируется на нужды познания, то система законодательства — непосредственно на нужды практики, на практических работников. Здесь следует иметь в виду, что под развитием системы права подразумевается не качественное и количественное изменение самих правовых норм, обусловленное совершенствованием общественных отношений, а развитие именно системности этих норм.

¹ См.: Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. — М., 1979, с. 25.

² См.: Лившиц Р. З. Отрасль права — отрасль законодательства. — Советское государство и право, 1984, № 2, с. 28.

³ Там же, с. 28.

⁴ См.: Советское право / Под ред. Пашкова А. С. и Явича Л. С. — М., 1982, с. 15.

⁵ Лившиц Р. З. — Советское государство и право, 1984, № 2, с. 28.

⁶ См.: Система советского законодательства. — М., 1980, с. 55; Общая теория права. — Л., 1976, с. 136; Советское право, с. 15.

⁷ См.: Советское право, с. 15; Система советского законодательства, с. 55; Поленина С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства, с. 23 и др.

⁸ Система советского законодательства. — М., 1980, с. 43.

В. Г. ТИХИНЯ, Л. Н. РАКИТИНА

О СВЕДУЩИХ СВИДЕТЕЛЯХ И СПЕЦИАЛИСТАХ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Свидетельские показания представляют собой одно из наиболее распространенных средств доказывания в гражданских делах. Согласно действующему законодательству в качестве свидетеля может быть допрошено любое лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, относящиеся к делу (ч. 1 ст. 41 ГПК БССР, ч. 1 ст. 61 ГПК РСФСР). Всякий человек, обладая способностью правильно воспринимать определенные факты и сохранять их в своей памяти, может быть вызван в суд и допрошен в качестве свидетеля. Однако имеются и ограничения. Они названы в ч. 2 ст. 41 ГПК БССР (ч. 2 ст. 61 ГПК РСФСР) и сводятся к двум моментам. В первом случае ограничения связаны с необходимостью сохранения служебной тайны (не могут быть вызваны в суд и допрошены в качестве свидетелей представители по гражданскому делу или защитники по уголовному делу об обстоятельствах, которые им стали известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника), в другом случае речь идет о психофизической неспособности человека быть свидетелем по делу. Гражданский процессуальный закон указывает, что лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать факты или давать о них правильные показания, не могут быть вызваны в суд и допрошены в качестве свидетелей.

Действующее законодательство не устанавливает возрастных ограничений для лиц, которые могут быть свидетелями по гражданским делам, поэтому малолетние дети также могут свидетельствовать об известных им обстоятельствах. Статья 163 ГПК БССР (ст. 173 ГПК РСФСР) определяет порядок их допроса, который, как правило, должен происходить в присутствии специалиста в области детской психологии и педагогики.

Инициативу о вызове гражданина в суд в качестве свидетеля могут проявить как стороны, так и другие лица, участвующие в деле. В этом случае ходатайствующий о вызове свидетеля участник процесса обязан указать, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, может подтвердить свидетель и сообщить суду его имя, отчество, фамилию и место жительства. Инициатором вызова в суд свидетеля может быть и сам суд, но в каждом случае у суда должно возникнуть предположение, что

свидетель сумеет подтвердить существенные для дела обстоятельства. Свидетель — это гражданин, юридически не заинтересованный в исходе дела. Граждане, у которых заинтересованность в деле носит юридический характер, привлекаются в качестве лиц, участвующих в деле, а не свидетелей. В то же время иной (кроме юридического) интерес гражданина к делу не препятствует его допросу как свидетеля.

Процесс формирования свидетельских показаний условно подразделяется на несколько стадий: 1) восприятие (получение, накопление информации); 2) запоминание (сохранение информации в памяти); 3) припоминание (восстановление информации в памяти); 4) воспроизведение (передача информации).

Основой свидетельских показаний является личное восприятие свидетелем каких-либо фактов, имеющих значение для дела. Сведения об этих фактах свидетель может получить в различное время — как до возбуждения дела в суде (наиболее типичный случай), так и после возбуждения гражданского дела в суде, что случается, конечно, гораздо реже. Большое воздействие на процесс восприятия оказывают субъективные условия (душевное состояние, направленность внимания человека, его профессия, образование и т. д.). Как показывает судебная практика, значительное влияние на процесс формирования свидетельских показаний оказывают специальные знания. Можно привести такой пример. М. являлся членом дачно-строительного кооператива и имел в пользовании дачу. По нотариально удостоверенному завещанию все свое имущество, в том числе и дачу, М. завещал К. Позже, находясь на лечении в больнице, М. составил новое завещание, по которому все свое имущество завещал Л. После смерти М. в суд с иском о признании второго завещания недействительным обратилась К., ссылаясь на то, что в силу болезненного состояния М. не понимал значения своих действий в момент составления этого документа. Народный суд тщательно исследовал это обстоятельство: назначил по делу судебно-психиатрическую экспертизу, допросил главного врача больницы, который показал, что в момент составления и подписания завещания больной М. имел ясное сознание и понимал значение своих действий. Эти показания, а также заключение эксперта-психиатра и другие средства доказывания позволили суду прийти к выводу о необоснованности исковых требований К.¹ Другой пример. П. обратился в суд с иском о восстановлении на работе и оплате вынужденного прогула, считая неправильным увольнение по п. 3 ст. 33 КЗоТ РСФСР ввиду систематического неисполнения им трудовых обязанностей. Народный суд установил, что все дисциплинарные взыскания, послужившие основанием для увольнения П., применены правильно. Все допущенные П. нарушения трудовой дисциплины нашли полное подтверждение в судебном заседании, а нарушение истцом 22 сентября правил антисептики при взятии у животных проб крови на бруцеллез подтвердилось как объяснениями самого истца, так и показаниями свидетеля С. — ветеринарного фельдшера. Выяснив, что П. уволен законно, суд обоснованно отказал ему в иске².

Как видим, и главный врач, и ветеринарный фельдшер дали полные и правильные показания относительно воспринятых ими фактов, так как каждый из них не только видел и слышал все происходившее на его глазах, но и понимал, что больной М. находился в момент составления и подписания завещания в ясном сознании и отдавал отчет своим действиям, а истец П. нарушал правила антисептики при взятии проб крови у животных. Те специальные знания, которыми обладал каждый из свидетелей, помогли им правильно и глубоко воспринять факты, о которых они позже свидетельствовали в суде. Причем их восприятие оказалось более полным и глубоким, чем у любого другого человека, не обладающего специальными знаниями в этой области. Свидетелей, обладающих специальными знаниями в какой-либо области человеческой деятельности, и воспринимающих обстоятельства, имеющие значение для дела, в свете этих специальных знаний, можно именовать свидетелями особого рода, или сведущими свидетелями.

Сведущие свидетели отличаются от обычных не только особенностями восприятия, но и запоминания (сохранения полученной информации). Способность к запоминанию у всех людей различна, но практика подтверждает такую особенность человеческой памяти: она хорошо удерживает все то, что связано с мотивами поведения и интересами запоминающего. Если в круг интересов свидетеля входят не только его профессия, образование, но и спорт, искусство, коллекционирование и т. д., т. е. множество раз-

личных специальных знаний, то можно объяснить, почему математик, профессионально хорошо запоминающий цифры, так же легко улавливает мелодии, звуки и т. д. Специальные знания сведущего свидетеля способствуют сохранению в его памяти информации, которую он получил в момент восприятия каких-либо обстоятельств, имеющих значение для дела.

Поскольку припоминание практически неотделимо от воспроизведения, представляющего собой изложение, передачу свидетелем сведений о воспринятых им некогда действиях и событиях, можно указать на влияние специальных знаний, которыми обладает сведущий свидетель, и на эти стадии процесса формирования свидетельских показаний. Здесь это проявляется в том, что сведущий свидетель, восстанавливая в памяти все детали лично воспринятых им обстоятельств, полно, грамотно и с использованием необходимых специальных терминов излагает сведения об этих обстоятельствах. Сведущий свидетель при воспроизведении может также высказать свое мнение, основанное на специальных знаниях, по поводу того или иного обстоятельства.

Таким образом, сведущие свидетели — это такие юридически незаинтересованные в исходе дела участники гражданского судопроизводства, которые отличаются от свидетелей в обычном понимании этого слова только тем, что они располагают специальными знаниями и в силу этого глубже и полнее воспринимают обстоятельства, имеющие значение для дела, сохраняют их в своей памяти и воспроизводят во всех деталях сведения об этих обстоятельствах. Их мнение, основанное на специальных знаниях, судом может быть учтено при вынесении решения, как это и было сделано в приведенных нами примерах из судебной практики. В остальном сведущие свидетели ничем не отличаются от других граждан, оказавшихся в положении свидетелей.

В гражданской процессуальной литературе вопрос о сведущих свидетелях рассматривался Ю. М. Жуковым. К этой группе он относит свидетелей, которые дают показания о фактах, воспринятых ими как специалистами той или иной области знаний, и лиц, сообщающих суду сведения об общем опытном положении науки или практики безотносительно к обстоятельствам данного дела, хотя и допрашиваемых в качестве свидетелей³.

Если отнесение к числу сведущих свидетелей лиц, чьи специальные знания оказали влияние на восприятие ими имеющих значение для дела обстоятельств, не вызывает возражений, то мнение о лицах, освещающих «опытное положение науки или практики безотносительно к обстоятельствам дела», нам представляется весьма спорным. Надо сказать, что и судебная практика нередко лиц, сообщающих какие-либо сведения из той или иной области человеческого знания, именует свидетелями. Так, рассматривая гражданское дело по иску К. о восстановлении на работе, народный суд, проверяя утверждение истца о том, что он принял таблетки аминоксина и этим объясняется его состояние, которое администрация ошибочно приняла за нетрезвое, допросил в качестве свидетеля врача-терапевта. Терапевт в судебном заседании показала, что аминоксин вызывает реакцию торможения, но не дает запаха алкоголя и не вызывает опьянения⁴.

Совершенно очевидно, что процессуальная природа такого «свидетеля», хотя бы и сведущего, как называет его Ю. М. Жуков, совершенно иная, основой его показаний является не личное восприятие им каких-либо обстоятельств, имеющих значение для дела, а исключительно специальные знания, которыми обладает это сведущее лицо. Отсюда вытекает различная причинная обусловленность появления этих сведущих лиц (лиц, обладающих специальными знаниями) в процессе. Сведущий свидетель сообщает суду то, что он лично воспринял (видел, слышал и т. д.), он свидетельствует о фактах, только ему известных. В силу такого личного характера восприятия фактов, имеющих значение для дела, сведущий свидетель, как и любой другой свидетель, незаменим. Другое же сведущее лицо сообщает при допросе сведения, относящиеся к той или иной области специальных знаний, подчас не связанные тесно с конкретными обстоятельствами дела, и поэтому оно может быть заменено другим без всякого ущерба для дела. Показания сведущего свидетеля после того, как они проверены экспертизой, не утрачивают своего доказательственного значения в части фактических данных, воспринятых им как свидетелем, сведения же, сообщенные сведущим лицом другого рода, опровергнутые экспертизой, утрачивают для суда какое-либо значение. Можно

указать и на другие отличительные признаки, позволяющие отграничить одно сведущее лицо (сведущего свидетеля) от другого сведущего лица, но, на наш взгляд, достаточно и названных нами для вывода о том, что «лица, сообщающие суду общее опытное положение науки или практики», являются специалистами, оказывающими суду справочно-консультационную помощь, а не сведущими свидетелями.

Действующее гражданское процессуальное законодательство не предусматривает пока такой формы участия специалиста в гражданском судопроизводстве, как допрос его в судебном заседании. Поэтому суды вынуждены специалистов допрашивать по правилам, установленным для допроса свидетелей. Однако в теории гражданского процессуального права специалистов следует отличать от сведущих свидетелей с тем, чтобы при дальнейшем совершенствовании гражданского процессуального законодательства эти аспекты могли быть учтены законодателем.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1969, № 12, с. 5.

² См.: Там же, 1983, № 4, с. 1—2.

³ См.: Труды Иркутского университета, т. XLV, серия юрид., вып. 8, ч. 3.— Иркутск, 1967, с. 68.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1983, № 12, с. 1.

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

ЭТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА СУДЕБНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В судебных прениях особое значение имеет нравственная сторона взаимоотношений между участниками процесса, их внутренняя культура. По своему характеру судебные прения—это всегда противоборство сторон, отстаивание каждой из них своих суждений, оценок, выводов. Выступая в суде, прокурор, защитники и другие участники процесса излагают свое понимание фактов, опровергают неправильные с их точки зрения суждения и оценки противной стороны, указывают на несостоятельность приводимых аргументов, недостаточную убедительность сделанных выводов. При этом между участниками судебных прений могут возникнуть расхождения в интерпретации собранных по делу данных, определении их правовой значимости. Ведь каждый участник процесса подходит к пониманию и оценке собранных по делу данных с позиций личного опыта, знаний и защищаемых им процессуальных интересов.

На этой основе между участниками процесса возможен острый полемический спор, доказывание несостоятельности точки зрения противной стороны и истинности своей позиции. Такой спор, независимо от его оснований, должен проходить корректно, с соблюдением всех этических норм во взаимоотношениях между участниками процесса, в обстановке строгой официальности, присущей судебной процедуре. Недопустимо использование судебных прений для ненужного препирательства, сведения счетов, амбициозных выпадов, мелочных придирок, попыток дискредитировать своего процессуального оппонента. Как правильно отмечают авторы книги «Судебная этика», участники судебных прений, выполняя ответственные обязанности, должны сосредоточить свои усилия на тщательном анализе обстоятельств дела и собранных по делу доказательств, избегать пустословия, не допускать грубых и оскорбительных замечаний в адрес других участников процесса, терпимо относиться к их мнению¹. Не соглашаясь с теми или иными высказываниями и суждениями других субъектов процесса, участники судебных прений не должны проявлять нервозности, запальчивости. Свою правоту они должны обосновывать тщательным и глубоким анализом собранных по делу данных, умением убеждать оппонентов в верности своей интерпретации фактических и юридических обстоятельств дела.

Чем значительней расхождения в отстаиваемых позициях между участниками судебных прений, чем острее ведущийся спор относительно тех или иных фактических и юридических обстоятельств дела, тем больше сдержанности и такта должны проявлять участники судебных прений, тем более убедительными должны быть содержащиеся в их речах аргументы и доводы, тем более доказательными должны быть выводы и предложения².

Этические правила требуют вдумчивого и обстоятельного анализа всех собранных по делу материалов, в том числе соображений, высказанных другой процессуальной стороной, приведения тех аргументов, которые по-

зволяют или не позволяют выступающему согласиться с соображениями и выводами других участников судебных прений или вызывают необходимость оспаривать их.

Оспаривая выдвинутые противной стороной утверждения, нельзя переносить полемику на факты, касающиеся личности выступающего, осмеивать недостатки, относящиеся к форме, стилю или композиции речи. Это относится и к внешним формам поведения. Бывает, что отдельные участники процесса пытаются всем своим видом, позой, жестами, мимикой выразить явное неодобрение тому, что говорит прокурор или другой участник судебных прений. Они демонстративно пожимают плечами, гримасничают, явно рассчитывая на публику.

В книге Председателя Верховного суда Литовской ССР А. А. Ликаса «Культура судебного процесса» приводится пример, когда адвокат, закончив речь, сел за свой стол, развернул газету и стал ее читать, откровенно демонстрируя свое пренебрежение к тому, что скажут другие, что сделает суд³. Этот адвокат своим поведением выразил не только неуважение к коллегам, но проявил низкую общую и профессиональную культуру.

Теория и практика судебных прений должны культивировать среди советских юристов чувства взаимного уважения, понимание ответственности, честное и добросовестное отношение к своим обязанностям. Они должны уважать нравственные чувства людей, не затрагивать их без крайней необходимости. Какие бы эмоции не вызывали у обвинителя или защитника коллеги по процессу, а также подсудимый, потерпевший, свидетели, какими бы антипатичными они ни казались, в их действиях, в речах не должно быть ничего такого, что способно оскорбить или унижить достоинство этих лиц, задеть их самолюбие.

Недопустимы также какие-либо намеки предосудительного характера о поведении или взаимоотношениях лиц, имеющих отношение к судебному процессу, в особенности, если они основаны не на достоверных данных, а на различного рода слухах, сплетнях или личных предположениях произносящего судебную речь. Для целей правосудия годятся не любые средства, а лишь те, которые отвечают закону и требованиям морали.

Этические нормы и правила должны отражаться и на форме судебной речи, выборе стиливых приемов изложения материала, использования конкретных языковых средств. В речи совершенно недопустимы развязность тона, игнорирование общепринятых правил приличия, нарочитая пренебрежительность к доводам и суждениям других лиц.

Нельзя осмеивать доводы или глумиться над фактами, которые могут болезненно восприниматься участвующими в процессе лицами, поскольку затрагивают их глубоко личные обстоятельства или касаются моментов, связанных с несчастьем в их жизни, вызванным определенными трагическими событиями. Этика судебной речи требует также, чтобы выступления участников судебных прений были свободны от жаргонных слов и выражений, от сомнительных и банальных высказываний, вульгаризмов. Их допустимо использовать только в случаях, когда производится разбор такого рода выражений, допущенных другими участниками процесса.

Подлинное правосудие возможно только на базе высокой судебной культуры, которая является как показателем высокого уровня осуществления правосудия в нашем государстве, так и свидетельством совершенства правовой системы, обеспечивающей охрану прав и законных интересов советских граждан.

¹ См.: Горский Г. В., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика, — Воронеж, 1973, с. 127.

² См.: Гольдинер В. Д. Защитительная речь. — М., 1970, с. 166.

³ См.: Ликас А. А. Культура судебного процесса. — М., 1971, с. 30.

М. Ф. ЧУДАКОВ

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ КАК СУБЪЕКТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Термин «трудовой коллектив» в политической и правовой литературе появился сравнительно недавно. В Проекте Конституции СССР 1977 года трудовые коллективы еще именовались коллективами трудящихся, а ст. 16, которой регламентировались их права, располагалась в гл. II «Экономическая система» и не включала полномочий в области политиче-

ской жизни.¹ Однако (что весьма характерно и показательно для социалистической демократии) в ходе всенародного обсуждения Проекта Конституции СССР на основании предложений трудящихся было закреплено наименование «трудовой коллектив». В статью были внесены существенные дополнения, закрепляющие участие трудовых коллективов в обсуждении и решении государственных и общественных дел, а сама статья была перенесена в главу «Политическая система». Этим самым трудовой коллектив был законодательно признан и утвержден элементом политической системы советского общества.

Полномочия трудовых коллективов можно условно разделить на две группы: полномочия в области управления производственными делами (внутренние полномочия) и полномочия в области управления государственными делами (внешние полномочия). Как до принятия Конституции СССР 1977 года, так и после, те и другие полномочия закрепляются рядом нормативных актов. Среди актов, закрепляющих полномочия трудовых коллективов первой группы, можно выделить: «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (ст. 38, ст. 45), «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» (ст. 97), «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях» (ст. 10, ст. 45), «Закон СССР о народном контроле в СССР» (ст. ст. 1, 5, 17, 18)² и др. Большинство норм о правах трудовых коллективов вошло в Конституцию СССР и конституции союзных республик из отраслевых нормативных актов. Отметим, что это не только законы, принятые Верховным Советом СССР, но и акты, утвержденные указами Президиума Верховного Совета СССР. К примеру, Положение о правах профсоюзного комитета профессионального союза (ст. 2, ст. 8), Положение о социалистическом государственном предприятии (ст. 102) и ряд других. Помимо законодательных норм, права трудового коллектива и его общего собрания закрепляются и в актах, принятых руководящими органами общественных организаций, например, в Примерном Уставе колхоза (ст. ст. 45—50, 53, 56, 59).

Различные аспекты деятельности социалистического трудового коллектива были закреплены почти в трех десятках нормативных актов. После утверждения Конституции СССР 1977 года потребовалась правовая регламентация статуса трудового коллектива. В декабре 1977 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил «План организации работы по приведению законодательства Союза ССР и союзных республик в соответствие с Конституцией СССР». 15-й пункт этого «Плана» предусматривал разработку проекта законодательного акта о правах трудовых коллективов. Проект поручалось подготовить Совету Министров СССР с участием ВЦПС и ЦК ВЛКСМ.³ 12 апреля 1983 года проект закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями был опубликован в печати. В его обсуждении приняло участие свыше 110 млн. человек. Рассмотрению проекта были посвящены 1 млн. 230 тыс. собраний коллективов, на которых выступило свыше 5 млн. советских граждан. Большое число писем поступило в ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, в редакции газет и журналов, радио и телевидения. Было высказано почти 130 тыс. предложений и замечаний, 21 статья из 23 подверглась изменениям и дополнениям. 17 июня 1983 года сессия Верховного Совета СССР утвердила новый закон, и с 1 августа он вступил в действие.

Закон СССР о трудовых коллективах содержит четыре раздела и вводную часть (преамбулу). Это комплексный правовой акт, нормы которого относятся к нескольким отраслям советского законодательства: государственному, трудовому, административному праву. Комплексный характер означает, что данный закон детально не регламентирует все многообразные отношения и связи, возникающие в процессе функционирования этого социального организма. Это акт, развивающий конституционные положения и закрепляющий наиболее важные аспекты деятельности трудовых коллективов как элемента политической системы и как элемента единого народно-хозяйственного механизма.

Согласно закону, трудовые коллективы имеют право рассматривать вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, вносимые на их обсуждение Советами народных депутатов. Основные полномочия трудовых коллективов в обсуждении и решении государственных и общественных дел весьма существенны. Это — рассмотре-

ние проектов законов и решений местных Советов, затрагивающих интересы трудового коллектива. Это — выдвижение кандидатов в депутаты, представителей в избирательные комиссии, кандидатов в народные судьи и избрание народных заседателей. Это — право возбуждения вопросов об отзыве депутатов Советов народных депутатов, народных судей, право отзыва народных заседателей, а также полномочия по избранию постоянно действующих производственных совещаний, комитетов, групп и постов народного контроля, товарищеских судов и других общественных органов.

Большую часть закона о трудовых коллективах занимают главы II и III, посвященные основным полномочиям трудовых коллективов в управлении предприятиями, учреждениями, организациями и осуществлению этих полномочий трудовых коллективов (формы осуществления и органы, реализующие полномочия). Конкретным полномочиям трудовых коллективов в этой области посвящено 12 статей, каждая из которых закрепляет регулирование отдельной группы общественных отношений — полномочия в области планирования экономического и социального развития, в обеспечении трудовой дисциплины, в улучшении социально-культурных и жилищно-бытовых условий и др.

Весьма важным и новым моментом является закрепленное законом положение о том, что полномочия трудовых коллективов осуществляются непосредственно общими собраниями (конференциями) трудовых коллективов (ст. 19). Это означает, что решающее значение приобретает непосредственная (прямая) демократия, формой которой являются общие собрания трудовых коллективов. Закон устанавливает, что такие собрания должны проводиться по мере необходимости, но не реже двух раз в год. Повышение роли общих собраний трудовых коллективов, их выход на первое место в качестве императивного, а не совещательного органа, т. е. органа, принимающего обязательные решения, а не ограничивающегося принятием рекомендаций, реально обозначено в ст. 21 закона, где сказано: «решения собрания (конференции) трудового коллектива, принятые в соответствии с его полномочиями и действующим законодательством, обязательны для членов коллектива, администрации предприятия, учреждения, организации».

Такое развитие демократии означает расширение возможностей и творческой инициативы как трудовых коллективов в целом, так и их отдельных членов. Каждый работник, каждый член трудового коллектива может принимать участие не только в решении вопросов внутренней жизни, но и в осуществлении внешних функций коллектива, выступающего как субъект политической системы, реализуя тем самым свое право на участие в управлении государственными и общественными делами. Важнейшим и единственным условием для этого является участие в совместном коллективном труде, т. е. членство в трудовом коллективе.

Советская общественность, партия справедливо считают, что закон о трудовых коллективах — важный инструмент развития советской демократии, социалистического самоуправления народа. Однако после первых двух лет его действия партийные и профсоюзные работники, юристы стали отмечать, что закон в определенной степени «не работает», ряд его положений реализуется не в полной мере. В недавнем постановлении ЦК КПСС «О работе партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, администрации Минского автомобильного завода производственного объединения «Белавтомаз» по выполнению Закона СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями»⁴ отмечается, что на этом заводе закон использует еще не в полную силу.

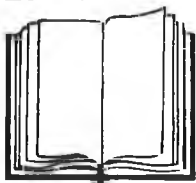
ЦК КПСС обязал партийные, советские, комсомольские органы усилить работу по практическому осуществлению закона, организовать его изучение во всех формах экономического образования трудящихся, системе переподготовки кадров, в школах, профтехучилищах, высших и средних специальных учебных заведениях. Соответствующим организациям предложено подготовить и издать массовым тиражом комментарий к Закону СССР о трудовых коллективах.

¹ Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, представленный Конституционной комиссией и одобренный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на всенародное обсуждение. — Минск, 1977, с. 10.

² Ведомости Верховного Совета СССР, 1959, № 1, ст. 6, № 21, № 29, ст. 249; 1970, № 29, ст. 265; 1980, № 44, ст. 909; 1979, № 49, ст. 840.

³ Конституция общенародного государства. — М., 1978, с. 102.

⁴ Правда, 1985, 28 июня.

Рэцэнзіі

Хрестоматія по истории БССР (1917—1983): Для ист. фак. вузов / Сост. А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцов, П. З. Савочкин, А. И. Сидоренко. 2-е изд., перераб. и доп.—Минск: изд-во «Университетское», 1984.—453 с.

Со времени выхода первого издания хрестоматии по истории БССР советского периода прошло более 10 лет. За эти годы белорусский народ, руководимый Коммунистической партией, существенно продвинулся вперед по всем направлениям совершенствования развитого социалистического общества. Новое издание хрестоматии отражает эти изменения. Необходимость значительной переработки и переиздания хрестоматии обусловлена и выходом новой «Программы курса истории БССР для исторических факультетов университетов и педагогических институтов». Вышедшее в 1972 году ограниченным тиражом первое издание хрестоматии не отвечает нуждам учебного процесса.

Настоящее учебное пособие логически и хронологически продолжает изданную в 1977 году хрестоматию по истории Белоруссии с древнейших времен до периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Документы в новой хрестоматии показывают героическую борьбу трудящихся масс Белоруссии под руководством Коммунистической партии за победу Октябрьской революции, особенности развития исторических событий и сложность борьбы на территории Белоруссии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. В работе отражены социально-экономическое, политическое и культурное развитие БССР в советский период, а также массовый характер борьбы трудящихся республики против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны.

Специальные разделы хрестоматии посвящены борьбе трудящихся Западной Белоруссии за освобождение из-под гнета польских помещиков и капиталистов, воссоединению белорусского народа в едином Белорусском советском государстве. Большое внимание уделено материалам, освещающим внутреннее развитие БССР в послевоенные годы. Документально обобщен опыт борьбы белорусского народа, Компартии республики, государственных и общественных организаций по строительству развитого социалистического общества и постепенному перерастанию его в коммунизм. Ряд документов свидетельствует о деятельности Белорусской ССР на международной арене, развитии ее зарубежных связей, участии в борьбе за разрядку и мир. История белорусского народа представлена в сочетании национальных и интернациональных тенденций общественного прогресса, взаимопомощи и дружбы народов СССР.

Второе издание хрестоматии существенно отличается от первого. Обновлена документальная основа, несколько изменены структура, количество и качество материала, написано предисловие, составлен географический указатель. Здесь — решения Коммунистической партии и Советского правительства, архивные материалы, документы, извлеченные из статистических сборников и периодической печати. При расположении их в хрестоматии выдержана периодизация, принятая в советской историографической науке. С точки зрения методики, минимум отобранного в пособие историко-документального материала позволяет студентам наиболее полно ощутить дух эпохи, коренным образом углубить свои знания по предмету, привить навыки самостоятельной работы с источниками. Составителями учтена специфика читаемых на исторических факультетах курсов по истории БССР, их увязка

с общим курсом отечественной истории. На материале истории своей республики преподаватели получили возможность показать последовательное осуществление партией ленинской национальной политики, процесс расцвета и сближения наций и народностей СССР, формирование новой исторической общности людей—советского народа. Однако хрестоматия выиграла бы, если в дополнение к географическому был составлен предметно-тематический указатель по опубликованным документам. Это облегчило бы их использование студентами при написании курсовых, дипломных и научных кружковых работ.

**В. Г. Рудкин,
В. А. Сосно,
М. Ф. Чудаев.**

М. В. Научитель, Н. Е. Титова. Иллюзии «общества благосостояния»: Критика концепции радикалов.— М.: Высшая школа, 1984.— 80 с.

Идеологическая борьба на современном этапе отличается большим многообразием форм, методов и неоднородностью ее участников. В орбиту борьбы коммунистической и капиталистической идеологий втягиваются многие социальные силы, в том числе и промежуточные классы капиталистического общества. Все более широкое распространение получают на Западе теории мелкобуржуазных экономистов—радикалов, критическому анализу которых посвящена книга М. В. Научителя и Н. Е. Титовой.

Как правильно отмечают авторы, экономические концепции радикалов являются продуктом углубляющегося кризиса буржуазной политэкономии. В радикальной политической экономии воплотились «нарастающая неустойчивость капитализма, социальные и классовые противоречия современной эпохи, их преломление в сознании определенной части университетских кругов, интеллигенции капиталистических стран, критически оценивающих реальности современного мира и ищущих решения острых социальных вопросов» (с. 7). Представители радикальной политэкономии в своих работах отводят большое место критике современного капитализма. А левые радикалы не ограничиваются обличением его отдельных недостатков, а критикуют капитализм как систему, делая вывод о необходимости замены его другим общественным строем. Леворадикальные экономисты обвиняют капитализм, особенно монополии, в антигуманизме, в усилении эксплуатации трудящихся, в ухудшении социальных и экономических условий жизни людей. В то же время экономисты-радикалы нередко представляют в искаженном виде общественно-политический строй реаль-

ного социализма, факторы его развития, роль и возможности ускорения научно-технического прогресса, процесс повышения народного благосостояния в социалистическом обществе.

Авторы книги основное внимание уделили критическому анализу концептуальных основ «радикальной» теории «благосостояния». Социальная неоднородность экономистов-радикалов определила их разноречивые толкования этой проблемы. Отвергая существовавшую ранее неоклассическую теорию «благосостояния», представители умеренного крыла радикалов, примыкающие к буржуазному реформизму, не выходят за рамки поисков «улучшения» и «обновления» капитализма. Левые радикалы выводят решение проблемы благосостояния за пределы капитализма. В то же время они критически настроены к реальному социализму, не верят в возможность действительного обеспечения полного благосостояния широких трудящихся масс в социалистических странах. Леворадикальные экономисты противопоставляют капитализму неопределенный, абстрактный, далекий от реальностей идеал общества «благосостояния». Авторы книги справедливо подчеркивают, что проблема народного благосостояния поставлена на реальную, научную основу только в странах социализма, руководствующихся марксистско-ленинской теорией (с. 71). Построение в нашей стране развитого социализма привело к созданию более благоприятных условий для последовательной реализации высшей цели экономической стратегии КПСС—обеспечения народного благосостояния, неуклонного повышения жизненного уровня советских людей. XXVI съезд партии и последующие пленумы ЦК КПСС наметили пути дальнейшего подъема экономики, повышения интенсификации и эффективности общественного производства в целях обеспечения дальнейшего роста народного благосостояния.

Книга М. В. Научителя и Н. Е. Титовой представляет собой интересное, глубокое исследование леворадикальных теорий «общества благосостояния» и будет полезна не только научным работникам, но и изучающим марксистско-ленинские общественные науки студентам.

**Н. И. Базылев,
В. Ф. Бондарев.**

В. М. Семенов. Суд и правосудие в СССР.— М.: Юридическая лит-ра, 1984.— 319 с.

Выход в свет нового учебника по курсу «Суд и правосудие в СССР» для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение», весьма своевременен, так как имевшиеся учебники по данной дисципли-

не в значительной мере устарели. Ознакомление с содержанием рецензируемого издания позволяет прийти к выводу, что мы имеем полноценный учебник, написанный в полном соответствии с действующей программой. Он охватывает все без исключения темы курса, выполнен квалифицированно, с учетом нового законодательства.

Все вопросы излагаются с учетом решений партии о дальнейшем укреплении законности и развитии советской демократии, усилении борьбы с преступностью, повышении роли общественности в предупреждении правонарушений, улучшении правового воспитания и правовой пропаганды. Дожидчиво и вместе с тем с надлежащей теоретической глубиной освещаются методологические вопросы советского судостроительства и прокурорского надзора. В этой связи следует одобрить включение в систему конституционных основ правосудия презумпции невиновности как важной гарантии права обвиняемого на защиту, как свидетельство последовательного демократизма и гуманизма советского суда.

Используя многолетний опыт преподавания указанного курса, автор обращает внимание на вопросы, которые вызывают у студентов определенные затруднения (понятие о судебных инстанциях и звеньях судебной системы, о судебном надзоре и организационном руководстве судами и их соотношении и др.). Удачно написаны главы, посвященные действующей советской судебной системе, прокуратуре, органам предварительного следствия и дознания, адвокатуры и другим вопросам. Убедительно раскрыта классовая сущность суда и прокуратуры буржуазных государств, показан антидемократический характер принципов их организации.

Давая положительную оценку рецензируемому учебнику в целом, следует высказать и некоторые критические замечания. Так, в первой главе при изложении основных понятий курса следовало бы остановиться на понятии «правоохранительные органы», показать соотношение этого понятия с понятием «органы юстиции» в широком смысле слова.

Неоправданно упрощенно изложены в учебнике дискуссионные вопросы. Без всяких оговорок автор утверждает, например, что советское судостроительство и прокурорский надзор — подотрасли государственного права (с. 4), что в стране действует единый следственный аппарат (с. 249). Между тем это спорные вопросы.

В учебнике, к сожалению, допущены досадные неточности и опечатки. Так, в книге не раз говорится о целях и задачах правосудия (с. 6, 196 и др.). Между тем действующие Основы законодательства о судостроительстве (в редакции закона от 25 июня 1980 г.), формулируя задачи суда

(ст. 3), такого разграничения не делают. На с. 69, 115 председатель районного (городского) народного суда именуется и старшим народным судьей. Однако общесоюзный судостроительный закон последнего наименования для руководителей указанных судов не предусматривает (ст. 21 Основ). На с. 194 отмечается, что упразднение министерств юстиции союзных республик было завершено в 1960 году, хотя известно, что в РСФСР и УССР они были ликвидированы в 1963 году. Вместо контроля за выполнением судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР говорится о руководящих разъяснениях Пленума Верховного суда АССР (с. 150). В сноске 3 на с. 157 утверждается, что Президиум Верховного Суда РСФСР судебных дел в порядке надзора не рассматривает. В то время как таким полномочием не наделен Пленум Верховного Суда РСФСР. Дела об оскорблении, клевете, побоях и легких телесных повреждениях, не повлекших расстройства здоровья (если они совершены впервые), отнесенные к ведению товарищеских судов, включены в группу дел об аморальных проступках и недостойном поведении. Очевидно, более правильно отнести их к делам о малозначительных проступлениях.

И. И. Мартинovich.

И. С. Тишкевич. **Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность.** — Минск: Изд-во «Университетское», 1984. — 168 с.

Рецензируемая работа — первое в БССР монографическое исследование проблемы охраны социалистической собственности с помощью уголовно-правовых средств. Она выполнена на высоком научном уровне, использует публикации последних лет, опирается на глубокий анализ практики применения норм, сосредоточенных в главе 7 Уголовного кодекса БССР (ст. 87 — 99). Автор не уходит от спорных вопросов юридической квалификации посягательства против народного достояния и излагает по ним аргументированные практические рекомендации. Центральное место в монографии отводится характеристике таких наиболее опасных посягательств, как хищения, общее определение и отдельные признаки которых (безвозмездный характер, вредные последствия, цели и мотивы действий виновных) прямо не закреплены в законе.

Опираясь на сложившееся в практике понятие хищения (с. 15), автор обстоятельно раскрывает структуру этого преступления, уделяет особое внимание наиболее принципиальным моментам. К их числу относится вопрос о социалистическом имуществе как предмете хищения. В ра-

боте отстаивается взгляд, согласно которому таким предметом не могут быть электроэнергия и газ, пользование которыми без оплаты образует не хищение, а предусмотренное ст. 92 УК причинение материального ущерба путем обмана (с. 20—21). Заслуживает внимания предложение о целесообразности издать акт аутентичного толкования о квалификации случаев завладения талонами на бензин и различными знаками для расчетов с населением за услуги, поскольку указания на этот счет высших судебных органов «прямо не вытекают из действующих уголовно-правовых норм» (с. 32—33). Думается, эту проблему можно решить и путем включения в уголовный кодекс специальной статьи, содержащей разъяснение употребляемых в нем терминов, в том числе понятия «имущество».

При анализе признака безвозмездности основательным сомнением подвергается его трактовка Пленумом Верховного Суда СССР (с. 121). Принципиальную значимость имеет положение о том, что хищение предполагает недостачу социалистического имущества с переходом его во владение виновных и вместе с тем преступное обогащение этих лиц, получающих возможность пользоваться и распоряжаться имуществом как собственным, а потому лишь с наступлением таких «двусторонних» последствий преступление признается оконченным (с. 44, 55—57). Весьма важен для практики сформулированный в монографии тезис, согласно которому необходимым признаком хищения считается корыстная цель в смысле стремления к обогащению не обязательно себя, но и других лиц. Вполне уместна в данной связи ссылка на ст. 10 Конституции СССР. Что касается корыстных мотивов, то они, по справедливому замечанию автора, не являются при хищении единственно возможными (с. 62—63).

Объем работы не позволил одинаково подробно исследовать все аспекты проблемы. Монография не свободна и от частных недостатков. Не вполне точно указывается, например, минимальный размер особо крупных хищений, описанных ст. 91¹ УК (с. 113, 127). Вызывает сомнение трактовка момента окончания хищения, совершенного путем разбоя (с. 128—129). Целесообразно было бы определить конкретные критерии разграничения преступного мелкого хищения (ч. 1 ст. 94 УК) и одноименного проступка. Однако в целом работа И. С. Тишкевича является полезным руководством для практических работников и всех тех, кто интересуется вопросами уголовного права.

Э. С. Тенчов.

Т. А. Абдылдаев, А. К. Бакаев. Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-

технической революции. — Фрунзе: «Илим», 1983. — 196 с.

Развертывание современной научно-технической революции приводит к росту и расширению производства новых искусственных материалов, техники, изменению технологии многих производств. Это способствует уменьшению зависимости человека от стихийных сил природы и повышению степени господства над нею. Но этот процесс порождает и другое явление — возрастание зависимости существования человека от характера протекания природных процессов, углубление и расширение экологических проблем. Противоречивое взаимоотношение между человеком и природой находит свое выражение во многих формах. Одной из них является взаимоотношение естественного и искусственного. Его исследование имеет важное научно-познавательное, мировоззренческое и практическое значение. Определенное внимание к разработке этих аспектов взаимоотношения естественного и искусственного в условиях современной научно-технической революции привлекает рецензируемая монография.

Исследование проблемы соотношения естественного и искусственного авторы начинают с анализа понятий «естественное» и «искусственное». Ими показано, что подходы к определению этих понятий даются многими современными науками. Однако конкретные науки дают односторонние представления о сущности естественного и искусственного. В этой связи правомерна постановка авторами вопроса о необходимости философско-методологического анализа данных понятий.

На основе обобщения частных представлений о естественном и искусственном авторами выделены общие и существенные стороны этих понятий. Под естественным ими понимается все то, что дается и заложено в природе, ее способность к саморазвитию и компенсации определенных форм воздействия человека. Искусственное — это преднамеренное воздействие человека на природу и изменение естественных, природных предметов и процессов с целью приспособления их к практическим потребностям человека (с. 45).

Поскольку в понятиях «естественное» и «искусственное» фиксируются качественно различные стороны предметов и явлений материального мира, то во взаимоотношении этих понятий имеет место единство и различие. Естественное является основой, предпосылкой для искусственного. Искусственное повторяет, воспроизводит, продолжает естественное. Единство естественного и искусственного, как показывают авторы, проявляется не только в генетическом, но и в структурном и целевом отношении. В то же время ими обращается внимание на противоречивое взаимоотношение есте-

«естественного и искусственного, их взаимопроникновение и изменение соотносительной роли по мере развертывания научно-технической революции.

В заключительной части работы дается краткий критический анализ попыток недооценки и абсолютизации роли естественного и искусственного в решении современных экологических проблем, которые предпринимаются некоторыми западными учеными. Авторы делают обоснованный вывод, что метафизическая трактовка соотношения естественного и искусственного некоторыми западными теоретиками служит оправданием устоев капиталистического природопользования.

В рецензируемой монографии затронут ряд важных проблем взаимоотношения общества и природы, отмечена методологическая роль представлений о естественном и искусственном в решении современных экологических проблем. Все это привлечет внимание исследователей к рассматриваемым авторами вопросам. Вместе с тем данная работа имеет и недостатки. Так, многие разделы перегружены фактическим, цифровым материалом, им недостает четких и глубоких выводов и обобщений. Нуждается в более серьезном обосновании развиваемое в монографии представление о широте понятий «естественное» и «искусственное», статусе философских категорий.

В целом же монография Т. А. Абдылдаева и А. К. Бакаева является полезным вкладом в разработку проблем научно-технической революции и взаимоотношения общества и природы.

**П. С. Карако
Э. В. Волкова**

И. К. Смирнов. Метод исследования экономического закона капитализма в «Капитале» К. Маркса. — Л.: Издательство ЛГУ, 1984. — 152 с.

Монография И. К. Смирнова отвечает современным запросам исследователей проблем совершенствования производственных отношений. В этом назрела острая необходимость, которая диктуется нынешними возможностями и потребностями в преобразовании производительных сил, что затруднительно без дальнейшего развития системы производственных отношений.

В первом разделе книги автор выясняет составляющие диалектического метода, разработанного Гегелем и Марксом: начала, сущность процесса, противоречия, абстрактное и конкретное, историческое и логическое и др. И хотя, на первый взгляд, все это известно, но они здесь даны системно, последовательно, глубоко, и, что очень важно, на основе положений политэкономической науки. Во втором параграфе уточняется место товара, показывается, что он «зародыш жизни

и смерти» капитализма, начало системы его экономических категорий. Далее обосновываются подходы к рассмотрению его развития, перехода в противоположность (в меновую стоимость и деньги), противоречие и т. д. Это как раз те вопросы, которые были поставлены на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, и которые должны, говоря словами В. И. Ленина, войти в плоть и кровь каждого экономиста и во всю силу ставиться в каждом исследовании.

Ценны положения главы «Диалектический закон», в которой показаны как место закона в системе диалектической логики, его диалектика и классификация, так и процесс познания. Здесь немало ценных советов, которые имеют право на повседневно применение. Автор книги исследует законы как процесс, как движение. При этом выделяет основной, производные законы и закон движения. Двум последним он и уделяет максимум внимания в основной части книги. Их анализ он начинает с выяснения основного отношения — отношения присвоения. Затем переходит к анализу начала капитала — денег, вывода их из потребительной и меновой стоимости товара. В ходе его рассматривает отличия абстрактного и конкретного, простого и сложного, категории сферы бытия и сферы сущности, а также развития форм стоимости. Это позволяет сделать вывод о том, что становление продукта труда товаром, меновой стоимостью и деньгами и их законов и есть раскрытие специфической диалектической логики специфического предмета. Дальнейший анализ денег и основного производственного отношения приводит автора к выводу, что основным законом капитализма является закон стоимости. Это утверждение можно и оспаривать, но бесспорно данный закон является господствующим в капиталистической формации, от него производятся другие законы.

Интересны и полезны материалы заключительной главы книги «Движение основного экономического закона капитализма» особенно потому, что они завершаются выводами об основном, исходном экономическом отношении, основном экономическом законе, действительных производственных отношениях, основном противоречии социализма. Это важнейшие и наиболее острые вопросы современного этапа развития политэкономической науки, которые ждут решения. Свои концепции автор пока только выдвинул. Их предстоит еще и доказать или, как выражается автор, вывести, обосновать, а также связать со всей системой производственных отношений, экономических законов и категорий, наметить возможные формы и методы их использования в целях ускорения развития социалистического общества.

В. В. Середа

А. Г. Тиковенко. **Начальник и подчиненный.** — Минск: «Наука и техника», 1984. — 160 с.

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что одним из условий ускорения темпов роста экономического развития является повсеместное повышение организованности и дисциплины, коренное улучшение стиля деятельности государственного аппарата. В этом отношении рецензируемая работа представляет несомненный интерес.

Первая глава работы посвящена характеристике служебных отношений в советском аппарате государственного управления. Автор раскрывает содержание служебных отношений и выделяет их основные черты, подчеркивает специфику их нормативного регулирования. В работе освещаются особенности служебных отношений в различных отраслях административной деятельности, что позволило автору дифференцированно подойти к проблеме пределов повиновения незаконному приказу начальника, показать различие в ее разрешении действующим законодательством в зависимости от вида административной деятельности.

Центральной частью работы является вторая глава, где исследуются вопросы определения пределов повиновения незаконному приказу начальника и установления ответственности как за издание, так и исполнение такого приказа. При этом подробно рассматривается механизм неисполнения незаконного приказа начальника в зависимости от степени общественной опасности (вредности) такого приказа. Практический интерес представляют положения работы, в которых излагается позиция автора по вопросам продвижения по службе и увольнения с работы (ухода в отставку) по собственному желанию работника, в связи с разногласиями с начальником из-за научной и хозяйственной целесообразности управленческого решения. Автор тщательным образом проанализировал действующее национальное трудовое и административное законодательство, а также нормы права зарубежных социалистических государств и капиталистических стран. В историко-ведущую орбиту исследования вошли труды ученых-юристов, филосо-

фов, социологов, историков, психологов, специалистов науки управления и военного строительства. Широко использованы материалы периодической печати, анализ и обобщение которых позволили тесно увязать многие рассматриваемые теоретические проблемы с практикой деятельности государственного аппарата.

Автором постоянно проводится мысль о коренном различии служебных отношений, принципов взаимоотношений начальника и подчиненного, путей разрешения служебных конфликтов, взаимоотношений государственного аппарата с общественностью в условиях буржуазного и социалистического общества.

Вместе с тем работа вызывает некоторые замечания преимущественно теоретического характера. Так, следовало бы, на наш взгляд, рассмотреть проблему неподчинения незаконным приказам начальника, имеющим нормативный характер, поскольку действующее законодательство не устанавливает четкого порядка и не предусматривает механизмов разрешения конфликтов, возникающих при их исполнении либо неисполнении. Далее, нравственные нормы, регулирующие отдельные стороны служебных отношений, относятся автором к числу социально-правовых, что не согласуется с общими положениями теории права о видах социальных регуляторов (с. 47). Вызывает возражение отождествление долга и обязанности служащего (с. 65). На с. 34 автор пишет, что «служебные правоотношения невозможно полностью урегулировать правом...» Данное утверждение было бы правильным, если бы речь шла не о служебных **правоотношениях**, а о служебных **отношениях**. Кроме того, в работе недостаточно четко разграничено отличие трудовых и служебных правоотношений.

Эти замечания ни в коей мере не снижают теоретической ценности и практической значимости работы, которая содержит ориентиры разрешения многих служебных конфликтов в соответствии с действующими нормами и принципами советского законодательства.

В. А. Муравский
Н. В. Сильченко
В. М. Зарьков

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

22	Сидорцов В. Н. Социально-политический подъем рабочего класса БССР накануне Великой Отечественной войны	3
3	Герман К. К. Всенародная борьба против немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии	5
9	Кожушков А. И., Чудаев М. Ф. Все для фронта, все для победы! (Трудовые свершения преподавателей и студентов БГУ в советском тылу в годы Великой Отечественной войны)	8
13	Коршук В. К. Руководящая и направляющая сила	10
6	Зайцев Н. Я. Бессмертный подвиг советского народа	13
8	Климович В. С. Уроки Победы	15
5	Жмуровский Д. П. Всемирно-историческое значение Победы	17
16	Лукина Л. В. Пропаганда печатью Белоруссии движения за коммунистическое отношение к труду в промышленности (1966—1970)	19
29	Шишков А. А. Партийное руководство социалистическим соревнованием работников химической и нефтехимической промышленности Белоруссии (1971—1975)	22
28	Шатерник Л. В. Воспитание студентов Белоруссии на героических традициях КПСС и советского народа в процессе изучения общественных наук (1965—1970)	24
2	Вернер Мэгдэфрау, Эрика Лангер. Тюрингско-ганзейские экономические и политические отношения в средние века	27
7	Ивановский Ю. В. Деятельность Компартии Белоруссии по совершенствованию работы с письмами трудящихся (1976—1984)	29

ФІЛАСОФІЯ

11	Костенич В. А. Предмет науки как методологическая проблема	32
8	Клесов С. К. Динамическое равновесие как условие устойчивости природных систем	35
4	Жбанков М. Р. Изменение массового сознания как предпосылка становления науки нового времени	38
7	Клевеченя А. С., Бройкер Г. Об основных направлениях исследования убеждения в Германской Демократической Республике	41
6	Каравкин В. И. Учение Гегеля о прекрасном в природе	43

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

7	Стульский В. Ф. Воспитательный потенциал общественного контроля и его реализация в производственном коллективе	47
8	Хацкевич А. А. Ленинская национальная политика КПСС и ее современные буржуазные фальсификаторы	49

ЭКАНОМІКА

12	Олехнович Г. И. Особенности функционирования народнохозяйственной структуры в условиях военного производства	52
10	Люкович В. Б. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономической функции буржуазного государства	54
6	Густав Кернер. Критика буржуазной контрреволюционной эмигрантской мысли по проблемам распределения при социализме	56
14	Сказецкая И. А. Бригадная форма кооперации труда и оптимальное сочетание коллективных и личных интересов	58
3	Борисов А. А., Коновалов Г. Я. Анализ влияния размеров производства на технико-экономические показатели предприятий (на примере предприятий Мин-плодоовощхоза БССР)	61

ПРАВА

5	Евдокимов В. П. Соотношение системы права и системы законодательства	64
9	Тихиня В. Г., Ракитина Л. Н. О сведущих свидетелях и специалистах в гражданском судопроизводстве	67
4	Данилевич А. А. Этические начала судебных выступлений	70
10	Чудаков М. Ф. Советское законодательство о социалистическом трудовом коллективе как субъекте политической системы	71

22-2

РЭЦЭНЗII

12	Рудкин В. Г., Сосно В. А., Чудаев М. Ф. Хрестоматия по истории БССР (1917—1983)	74
1	Базылев Н. И., Бондарев В. Ф. М. В. Научитель, Н. Е. Титова. Иллюзии «общества благосостояния»	75
9	Мартинович И. И. В. М. Семенов. Суд и правосудие в СССР	75
14	Тенцов Э. С. И. С. Тишкевич. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность	76
7	Карако П. С., Волкова Э. В. Т. А. Абдылдаев, А. К. Бакаев. Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-технической революции	77
13	Серета В. В. И. К. Смирнов. Метод исследования экономического закона капитализма в «Капитале» К. Маркса	78
10	Муравский В. А., Сильченко Н. В., Зарьков В. М. А. Г. Тиковенко. Начальник и подчиненный	78

80 кап.

Індэкс 74853